

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3 (55)

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Джундужузов С. В.</i> Первое организованное переселение украинцев на Южный Урал: замыслы, претворение, результаты (1739–1745 гг.).....	3
<i>Карнишина Н. Г.</i> Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России.....	15
<i>Кузнецов И. А.</i> Динамика душевого производства зерновых и картофеля в губерниях Поволжья в 1883–1913 гг.: источники и проблемы изучения	22
<i>Романченко В. Я.</i> К вопросу об этапах крестьянской и аграрной революции в России.....	35
<i>Кабытов П. С., Барина Е. П.</i> Две жизни государственного деятеля Якова Васильевича Глинки	47
<i>Кузнецов В. Н.</i> «Заем свободы» как индикатор провластных и патриотических настроений (на материалах Среднего и Нижнего Поволжья)	60
<i>Романченко В. Я., Ножкина И. А., Шмыгина О. Н.</i> У истоков формирования советской системы управления сельским хозяйством (1917–1920 гг.).....	71
<i>Пожилев И. Е.</i> От «тихой революции» к «движению за земельную реформу» (о применении насилия в политике Коммунистической партии Китая в 1937–1948 гг.)	82
<i>Котельников В. А.</i> Рынок и снабжение сельского населения Саратовского Поволжья в период окончания первой пятилетки.....	94
<i>Золотарев В. П., Кутузова А. А.</i> Профессор Я. М. Захер: 15 краславских лет (по архивным источникам)	103

РЕЦЕНЗИИ

<i>Карнишин В. Ю.</i> Новый подход в историографической традиции.....	110
---	-----

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 3 (55)

2020

CONTENTS

HISTORY

<i>Dzhundzhuzov S. V.</i> The first organized resettlement of Ukrainians to the South Urals: plans, implementation, results (1739–1745)	3
<i>Karnishina N. G.</i> The discussion in the press of the second half of the 19 th century about the place and role of the Russian Orthodox Church in the public life of post-reform Russia.....	15
<i>Kuznetsov I. A.</i> The dynamics of per capita grain crops farming in Volga regions in 1883–1913: sources and study issues	22
<i>Romanchenko V. Ya.</i> On the stages of the peasant and agrarian revolution in Russia.....	35
<i>Kabytov P. S., Barinova E. P.</i> Two lives of a state official Yakov Vasilyevich Glinka.....	47
<i>Kuznetsov V. N.</i> “Loan of liberty” as an indicator of a pro-governmental and patriotic sentiment (by the materials of the Middle and Lower Volga region)	60
<i>Romanchenko V. Ya., Nozhkina I. A., Shmygina O. N.</i> The origins of the Soviet agricultural management system (1917–1920).....	71
<i>Pozhilov I. E.</i> From the “silent revolution” to the “movement for land reform” (on the use of violence in the policy of the CCP in 1937–1948)	82
<i>Kotel'nikov V. A.</i> The market and supply of the rural population of Saratov region at the end of the first five-year plan.....	94
<i>Zolotarev V. P., Kutuzova A. A.</i> Professor Ya. M. Zakher: 15 years in Krasnoyarsk forced labor camp (on the basis of archival sources).....	103

CRITICAL REVIEWS

<i>Karnishin V. Yu.</i> A new approach in the historiographic tradition	110
---	-----

УДК 94(47).06:[325.11(470.55/.58-85)](=161.2)
DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-1

С. В. Джунджузов

ПЕРВОЕ ОРГАНИЗОВАННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ: ЗАМЫСЛЫ, ПРЕТВОРЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ (1739–1745 гг.)

Аннотация.

Актуальность и цели. Со времени образования Оренбургская губерния испытывала недостаток населения. Одним из источников его пополнения, по мнению оренбургских властей, могли стать украинские переселенцы – черкасы. В статье рассматриваются малоизученные проблемы, связанные с организацией переселения, и обстоятельства, не позволившие украинским переселенцам создать прочные поселения в оренбургском пограничье.

Материалы и методы. Источниками для проведения исследования послужили материалы и документы, представленные в сборниках, посвященных истории Оренбургского казачества и истории российско-казахских отношений. Большой пласт материалов представлен в фондах Оренбургской комиссии и Оренбургской губернской канцелярии, Государственного архива Оренбургской области. Для определения степени достоверности и репрезентативности документального материала использовался метод критического анализа исторических источников.

Результаты. В процессе исследования были проанализированы нормативные акты, регулировавшие условия и порядок переселения украинцев на Южный Урал, выявлены места размещения и численность переселенцев. В силу экономических проблем и слабой защищенности Оренбургской пограничной линии большинство украинцев возвратились в Малороссию. Особое внимание уделяется деятельности оренбургской администрации по возвращению украинских казаков из киргиз-кайсацкого плена.

Выводы. Проект по переселению малороссийских казаков – черкас – не оправдал возлагаемых на него надежд. После нескольких лет нужды и лишения большинство из них предпочло вернуться обратно в Восточную Украину. Исключение составили несколько десятков семей, обосновавшихся за несколько сот верст от Оренбургской линии, в Самарском Поволжье, на реке Кинель. Невольно черкасы оказались в эпицентре обострения отношений правителя Младшего жуза хана Абулхаира и оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Пленение более восьмидесяти малороссийских казаков и последующий трехлетний «торг» по их освобождению также вписываются в историческую канву российско-казахских отношений и истории российской дипломатии XVIII столетия.

Ключевые слова: губерния, казаки, население, переселенцы, плен, указ, украинцы, фронт.

© Джунджузов С. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

THE FIRST ORGANIZED RESETTLEMENT OF UKRAINIANS TO THE SOUTH URALS: PLANS, IMPLEMENTATION, RESULTS (1739–1745)

Abstract.

Background. From the moment of its foundation, Orenburg province has had scarce population. One of the sources of its replenishment, according to the Orenburg authorities, could be Ukrainian immigrants – Cherkasy. The article considers poorly studied issues related to the organization of resettlement and the circumstances impeding Ukrainian migrants to establish lasting settlements in the Orenburg frontier.

Materials and methods. The research sources include the materials and documents presented in the collections on the history of the Orenburg Cossacks and the history of Russian-Kazakh relations. A large number of materials is represented in the collections of the Orenburg Commission and the Orenburg provincial office, the State archive of Orenburg region. The method of critical analysis of historical sources was used to determine the reliability and representativeness of the documentary material.

Results. In the course of the study were analyzed normative acts, regulating the procedure and conditions of resettlement of Ukrainians to the Southern Urals, identified the location and the number of immigrants. Due to economic problems and weak protection of the Orenburg boundary line, the majority of Ukrainians returned to Ruthenia. A special attention was paid to activities of the Orenburg administration on the return of the Ukrainian Cossacks from the Kirghiz-Kaisak captivity.

Conclusions. A project to relocate the Little Russian Cossacks of Cherkasy, had not meet the expectations. After several years of poverty and deprivation most of them chose to return to Eastern Ukraine. The exception was a few dozen families settled several hundred versts away from Orenburg in Samara, Volga region, on the river Kinel. Involuntarily Cherkasy were caught in the midst of worsening relations between the ruler of the Junior Zhuz Abulhair Khan and the Governor of Orenburg Neplyuev. The capture of more than eighty of the Little Russian Cossacks and the subsequent three-year “bargaining” for their release also fits into the historical fabric of Russian-Kazakh relations and the history of Russian diplomacy of the 18th century.

Keywords: province, Cossacks, population, immigrants, captivity, decree, Ukrainians, frontier.

Со времени образования в 1734 г. Оренбургской экспедиции и на протяжении всего дореволюционного периода Оренбургская губерния испытывала недостаток населения. Одним из источников его пополнения, по мнению оренбургских властей, могли стать украинские переселенцы, приписанные к казачьему сословию, которые в России вплоть до конца XVIII в. именовались черкасами.

Проблемы, связанные с переселением украинцев на Южный Урал, их последующей адаптацией и сохранением этнокультурной идентичности, не обойдены вниманием историков и краеведов. В контексте колонизации Оренбургского края первые украинские переселенцы упоминаются в трудах дореволюционных исследователей оренбургской истории: П. И. Рычкова,

В. Н. Витевского [1, 2]. Небольшое специальное исследование, посвященное малороссиянам, отправившимся в Оренбургский край в начальный период его заселения, было представлено Г. И. Перетяковичем в 1888 г. [3]. Источниковую базу этой работы составили материалы архива Министерства юстиции Российской империи. Наряду с анализом законодательных актов исследователем приводятся сведения о трудностях, с которыми сталкивались украинцы на долгом пути от Малороссии до Яика, дается статистика размещения черкас по населенным пунктам на Оренбургской линии. В последние десятилетия большой вклад в изучение истории «оренбургских украинцев» вносят сотрудники Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. В 2010 г. А. Н. Молощенковым, аспирантом директора Института В. В. Амлина, была защищена кандидатская диссертация «Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития» [4]. В 2012 г. на ее основе А. Н. Молощенковым и В. В. Амлинным была написана книга «Украинцы на Южном Урале» [5]. Первый параграф книги содержит характеристику начального этапа освоения малороссиянами территорий Южного Урала. Большое внимание авторы уделяют причинам, помешавшим черкасам в 1740-х гг. создать на Южном Урале прочное поселение. Они, в частности, обратили внимание на то, что основную массу переселенцев составили малороссийские крестьяне, которые не смогли приспособиться к образу жизни яицких казаков – их занятиям и службе [5, с. 33]. Признавая заслуги оренбургских исследователей в изучении истории первого инициированного и организованного властями переселения украинцев в степное Оренбуржье, следует все же отметить, что авторы мало внимания уделяют их завышенным ожиданиям материальной поддержки со стороны оренбургской администрации. Кроме того, в книге отсутствует информация о судьбах переселенцев, захваченных в плен киргиз-кайсаками (казахами) Младшего жуза.

Источниками для проведения исследования послужили правительственные указы, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи», а также материалы и документы, представленные в сборниках, посвященных истории Оренбургского казачества [6] и истории российско-казахских отношений XVIII в. [7]. Большой пласт материалов, охватывающих весь спектр вопросов, связанных с переселением украинцев на Южный Урал, представлен в фондах Оренбургской комиссии и Оренбургской губернской канцелярии (ф. 2, 3), Государственного архива Оренбургской области.

Выходцы из Восточной Украины стали селиться на реке Яик (Урал) задолго до утверждения в заволожских оренбургских степях российской администрации. Это могли быть бывшие запорожские казаки или беглые крестьяне, пополнявшие ряды яицких (с 1775 г. уральских) казаков. В ведомости, составленной на основе представленных полковником Захаровым переписей казаков Яицкого войска за 1723–1724 гг., в строке «из черкас» числилось 23 человека [8, с. 892].

По сведениям П. И. Перетятковича, основателями Илецкого городка были яицкие казаки «черкасской природы» Иван Никифорович Изюмский и Андрей Денисович Черкасов. И. Н. Изюмский стал первым атаманом Илецкого городка, а А. Д. Черкасов – есаулом. Достоверность этих сведений под-

тверждается ссылкой на прошение, адресованное начальнику Оренбургской экспедиции И. К. Кирилову [3, с. 12]. К 1 июля 1737 г. в городке проживало 60 украинских семей. В большинстве своем «илецкие черкасы» были казаками или казачьими сыновьями, в разное время добровольно примкнувшими к яицким казакам [5, с. 30].

Массовый приток украинцев на Южный Урал был санкционирован в конце 40-х гг. XVIII в. В Указе Коллегии иностранных дел от 20 августа 1739 г., адресованном начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту, князю В. А. Урусову, дозволялось селить в линейных крепостях всех «черкас, которые пожелают». Однако затем шло пояснение: на руках у переселенцев должны были быть паспорта с указанием, откуда они выехали и действительно ли являются черкасами. Выписка паспортов возлагалась на Малороссийскую генеральную войсковую канцелярию, а для казаков, состоявших на службе в слободских полках, – на канцелярию Комиссии слободских полков [9, л. 10 об.].

С поручением произвести запись «охотников» к поселению в оренбургском пограничье князь Урусов направил в Малороссию капитана Колачова, состоявшего на службе в ланд-милицком Алексеевском полку. Видимо рассказами о вольной жизни на безбрежных степных просторах Оренбургского края прельстилось немалое число украинских крестьян и казаков. К тому же стремление избавиться от панского гнета пересиливало страхи, связанные с переездом и обустройством на новом месте. Капитан Колачов обещал переселенцам следующее: «...на всякую душу для прокормления и прохода будет он давать жалования по два рубли мужскому полу, <...> и ежели кто чем должен, то того платить не будет» [10, с. 459]. Позднее Сенат потребовал взять у Колачова объяснение: на основании какого указа он намеревался покрыть украинским переселенцам дорожные и сопутствовавшие им расходы? В итоге Колачовских обещаний только из одной Глуховской сотни (административно-территориальная единица в гетмановской Украине – *С. Д.*) желание переселиться на берега Яика выразили 37 семей – 15 из казачьего и 22 из крестьянского сословия. Они должны были заменить приписанных ранее к Оренбургской комиссии беглых казаков, но об этом их вряд ли оповестили [6, с. 59].

Склонность служилого и податного украинского населения к перемене места жительства вызвало серьезные опасения в Генеральной войсковой канцелярии. Ее чиновники выяснили, что из 22 крестьянских семей, обратившихся за паспортами, 16 из одного села и одного владения. Всего же в этом селе, без учета подселенных, проживало 26 семей-старожилов. В результате после отъезда переселенцев село теряло более половины своих жителей. Малороссийская канцелярия, чтобы не допускать распространения «переселенческой вольницы», решила подвергнуть ее численной регламентации. В противном случае земельные владения малороссийских помещиков могли остаться без работников. Со своей стороны малороссийские власти предлагали правительству объявить капитану Колачову, что из одного владения с числом 10–20 семей к переселению допускается не более десятой части, т.е. одна-две семьи. Правительствующий сенат поддержал требование Малороссийской канцелярии, несколько увеличив процентное соотношение переселен-

цев: для крестьян – до четвертой части из одного села, для слободских казаков – до четверти от одной сотни [11, с. 117, 118]. Правительство настаивало на добровольности переселения, запрещало чинить препятствия переселенцам в получении разрешения на выезд и на продажу имущества и обязывало не обкладывать их за это дополнительными налогами [10, с. 459].

В 1741 г. в Татищевой и Чернореченской крепостях, располагавшихся по берегам Яика, и Илецком городке было расквартировано 209 семей украинских переселенцев. 849 малороссиян записались в казаки. Первые две крепости были основаны в 1738 г. Чернореченская получила название от реки Черной, Татищевская, основанная в 1735 г. как Камыш-Самарская, была переименована и названа в честь начальника Оренбургской комиссии – В. Н. Татищева. Первыми их жителями были солдаты и не состоявшие на жаловании казаки. В 1742 г. малороссийские казаки во главе с атаманом Андреем Светличным перешли на урочище Рассыпное, где основали поселок, который после строительства укреплений и учреждения гарнизона стал именоваться крепостью Рассыпной. Через год часть из них перешли на жительство в располагавшуюся недалеко от Оренбурга Нежинскую слободу, где в относительной безопасности занялись хлебопашеством [6, с. 61].

Однако проживание украинских переселенцев в Оренбургском ведомстве не задалось. Не прошло и двух лет со времени их водворения, как начались их ходатайства о возвращении на родину. 8 марта 1744 г., на основании представления первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева (до 1744 г. – начальник Оренбургской комиссии), из Правительствующего сената последовал Указ, дозволявший 986 черкасам обоего пола из Татищевой, Чернореченской крепостей и Нежинского редута возвратиться в Малую Россию. Черкасам, жившим в Рассыпной крепости, Губернская канцелярия, основываясь на их же прошении, разрешила перейти на реку Кинель и поселиться обособленной слободой [1, с. 79].

Как же могло случиться, что в условиях катастрофической нехватки людей, когда регулярное население губернии формировалось из разного людского «сброда», в том числе криминального – беглых крестьян, ссыльных, каторжных, И. И. Неплюев сам отказался от услуг украинских поселенцев? Как следует из официальных документов, причины носили главным образом материальный и социально-адаптационный характер. На первое место Правительство, естественно, ставило материальные расходы, связанные с переселением и содержанием черкас в приграничных крепостях. Переселенцы, как подчеркивала Губернская канцелярия, пребывали «в совершенной бедности». Поэтому сверх ссуды, выделенной им до 1742 г. на переезд, предписывалось продолжать выдачу провианта и ежегодного жалования по 4 руб. на мужскую душу. Выплаты продолжились и после вступления в управление Оренбургским краем И. И. Неплюева. Губернатор надеялся привести черкас в «единожды прочное состояние», что должно было побудить к переселению из Малороссии их родственников и соседей. Но время шло, а украинские переселенцы продолжали нуждаться в продовольственной помощи. Большая часть из них, став яицкими казаками, получали ежемесячное жалование. В качестве дополнительного пособия они продолжали требовать выдачи казенного хлеба на жен и детей. К тому же малороссийские казаки оказались неспособными самостоятельно противодействовать грабительским набегам киргиз-кайсац-

ких (казахских) кочевников, угонявших скот и уводивших в плен захваченных жителей приграничных селений. И. И. Неплюев был вынужден за счет дополнительных ассигнований в крепостях, заселенных черкасами, размещать контингенты регулярных и нерегулярных войск.

Когда расходы на украинских поселенцев превысили 30 тыс. руб., И. И. Неплюев решил кардинально изменить условия их пребывания в приграничных крепостях или вовсе отказаться от их присутствия в Оренбургском крае. Через нарочных офицеров черкасам были сделаны несколько предложений, которые сводились к следующему: 1) им разрешалось остаться на казачьей службе с четырехрублевым годовым жалованием при условии, что они не будут требовать провианта и другого казенного снабжения; 2) им предлагалось заняться промыслами или наниматься на работы. В таком случае им гарантировался заработок из расчета две, а в Оренбурге – три копейки в день и дополнительный провиант; 3) они могли оставаться на собственном содержании без всякой службы; наконец, 4) им позволялось переселиться в другие, находящиеся в отдалении от пограничной линии, «по доброту тамошних земель», места [12, с. 34, 35].

Украинские поселенцы отвергли все предложенные условия. Как выяснилось, они желали лишь одного: вернуться на родину – в Малороссию. Украинские жители Нежинской слободы стремление к отъезду объясняли тем, что при недороде хлебов и обязанности исполнять подводную и почтовую гоньбу, без выдачи провианта, на один лишь четырехрублевый оклад они со своими семьями содержаться не смогут. Их земляки из других населенных пунктов соглашались оставаться на берегу Яка, нести казачью службу и казенные повинности с тем условием, что их жалование увеличится до 12 руб. Якобы такую ежегодную выплату им в свое время обещал капитан Колачов. И. И. Неплюев счел такие требования необоснованно завышенными и предложил Правительству удовлетворить пожелание малороссийских казаков вернуться на родину или поселиться вдали от пограничной линии. «Понеже де от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, но паче и опасно, чтоб их, неосторожных и слабых людей киргис-кайсаки незапными набегами не растаскали» [12, с. 36].

Сенатским указом от 6 марта 1744 г. прошение оренбургского губернатора было удовлетворено. 986 черкас были отпущены обратно в Малороссию. 46 семей из крепости Рассыпной решили откликнуться на предложенное губернской канцелярией место и поселиться на реке Большой Кинель, где ими была основана Кинель-Черкасская слобода [6, с. 67], ныне село Кинель-Черкассы – районный центр в Самарской области.

Однако далеко не для всех украинских переселенцев неудачная поездка в степной Оренбургский край завершилась благополучным исходом. В 1743 г. киргиз-кайсаки захватили и вывезли в свои кочевья 82 жителя крепости Рассыпной. Вину за нападение на украинских и русских поселян И. И. Неплюев возложил на хана Младшего жуза (Меньшей орды) Абулхаира, который, якобы, таким образом мстил «за неотдачу» содержащегося в аманате сына. К тому же, чтобы усилить впечатление о преступных действиях хана, начальник Оренбургской комиссии подчеркивал, что в разбойном нападении участвовали «воровские партии от Меньшей орды Абулхаирхановой, да и то не ото всей, яко большая часть и лутшие старшины оному неучастны». Там же гово-

рилось, что владельцы и старшины Средней орды, за немногими подлыми людьми, в «воровстве и злодействе» не участвовали [7, с. 343]. В результате черкасы оказались заложниками не только степных разбойников, но и в целом политической ситуации, вызванной враждой И. И. Неплюва и хана Абулхаира. Их судьба теперь определялась посредством взаимных угроз, требований, договоренностей и уступок.

С управлением Оренбургским краем И. И. Неплюева И. В. Ефремова связывает становление базовых принципов колониальной стратегии Российской империи в казахских жузах. Оренбургский губернатор стал жестко и решительно проводить политический курс, направленный на полное подчинение казахских правителей государственному аппарату Российской империи. После переговоров, проведенных с Абулхаиром в августе 1742 г., у начальника Оренбургской комиссии сложилось крайне негативное мнение как о личностных качествах правителя Младшего жуза («продерзливый», «высокомерный» и «хитрый»), так и о его искреннем желании содействовать российским интересам [13, с. 366]. Стремлению хана объединить под своей властью с помощью России киргиз-кайсаков всех трех или по крайней мере Младшего и Среднего жузов И. И. Неплюев противопоставлял тактику поддержки «баланса сил». Она заключалась в оказании знаков внимания и обещании поддержки султанам и батырам, не желавшим подчиняться хану Абулхаиру. Как личное унижение воспринимал Абулхаир и содержание в аманате, а иными словами в заложниках, своего сына Кожакмета. Его многочисленные неудачные попытки договориться с Неплюевым о замене Кожакмета другим сыном Чингисом, рожденным от калмыцкой наложницы, воспринимались в общественном сознании народа как показатель бессилия и невысокого международного престижа хана [13, с. 369]. Ответными шагами степного правителя были разбойные нападения, грабеж и пленение российских подданных. Вину за их совершение Абулхаир перекладывал на своих «легкомысленных» подданных или правителей неподвластных ему родов.

Первой реакцией Оренбургской комиссии, а с ее подачи и Правительственного сената, стала поддержка силового воздействия на киргиз-кайсацкого хана и его подданных. В Сенатском указе от 20 сентября 1743 г. посылка в Киргизскую степь воинских команд обосновывалась необходимостью устраниения преступников и возмездия: «...по их легкомыслию, ежели ныне никакого отмщения не учинить, то злодеи время от времени будут примножаться и малыми авантажами весь народ на противности могут возбудить» [7, с. 293]. В то же время Сенат предупреждал, что карательные действия против степных кочевников должны были проводиться не от имени государства, а по инициативе отдельных этнических и сословных сообществ: казаков, калмыков, т.е. всех тех российских подданных, которые непосредственно понесли ущерб от кайсацких набегов.

Так как черкасы, переселившиеся из Илецкой крепости на урочище Рассыпное, были приписаны к Яицкому казачьему войску, то и мстить за их пленение должны были яицкие казаки. Войсковому старшине позволялось отобрать в необходимом количестве для похода в степь хорошо подготовленных, обеспеченных лошадьми казаков. Перед ними ставилась задача не только отгонять табуны лошадей, но и еще более стараться захватить как можно больше людей. По убеждению российских властей такая силовая акция

должна была вынудить киргиз-кайсацких старшин вернуть пленных, а в их народе поселить страх и надлежащее подданным состояние повиновения. На случай неизбежных со стороны киргиз-кайсацких правителей жалоб на жестокость казаков для Оренбургской комиссии была сформулирована универсальная отговорка: «яицкие казаки учинили то собою без указа за их обиды, по своему обыкновению» [7, с. 293].

Будучи здравомыслящим и искусным дипломатом, Абулхаир осознавал последствия перерастания его претензий к Оренбургской администрации в межгосударственный конфликт. Вину за сложившуюся ситуацию он поспешил переложить на И. И. Неплюева. В письме к Елизавете Петровне от 22 сентября 1743 г. хан представлял дело так, будто начальник Оренбургской комиссии ему не доверяет, а все возникающие между ними недоразумения предпочитает разрешать угрозами и применением силы [7, с. 299].

В подтверждение своих верноподданнических чувств и обязательств ханом Младшего жуза уже в сентябре была направлена в Петербург представительная делегация. Камнем преткновения в отношениях России с правителями киргиз-кайсаков неизменно оставалось требование возвращения из их кочевий всех находящихся в неволе российских пленников. Хан Абулхаир никогда не признавал своей причастности к захвату и разорению приграничных жителей. Более того, во время визитов, переговоров или в переписке с представителями российских властей разных уровней он неизменно подчеркивал свою заинтересованность в возвращении россиян на родину. Таким образом, создавалась ниша для ведения переговорного процесса об условиях освобождения российских пленников.

22 сентября в Оренбург прибыли ханские посланцы, возглавляемые старшиной Кутыр-батыром. Сопровождавший посольство квартирмейстер Моисеев вывез из киргизской неволи 19 черкас, освобожденных по повелению Абулхаира. И. И. Неплюев усматривал в поступке хана не проявление благородства, а один лишь лицемерный расчет. Он известил Коллегию иностранных дел о том, что хан сам подстрекал свой народ к разбойным нападениям: «...но сам себя при всем том так оставил, что он ныне учиненные от злодеев поступки в засвидетельствование своей верности употребить старается. Ибо прежде являл, что на все то народ, не послушав ево, поступили, а ныне старается и всякое усердие изъясняет, чтоб пленных людей всех собрать и освободить и народ свой утверждать оказывается» [7, с. 303].

Другим аргументом, заставлявшим хана Абулхаира стать более сговорчивым, было задержание яицкими казаками четырнадцати знатных киргиз-кайсаков. Об освобождении некоторых из них хан просил И. М. Неплюева лично. Однако, следуя разработанному ранее сценарию, степному правителю было заявлено, что удовлетворение его просьбы не относится к компетенции Оренбургской комиссии. Ему нужно вести переговоры непосредственно с командованием Яицкого казачьего войска. А яицкие казаки киргизских заложников отпускать не хотят и будут держать до тех пор, пока все плененные на реке Илек черкасы, к ведомству их Войска принадлежащие, не будут собраны и освобождены.

Для еще большего давления на Абулхаира И. И. Неплюев предложил Коллегии иностранных дел из ханских посланцев разрешить вернуться одному Кутыр-батыру, а трех его спутников под благовидным предлогом задер-

жать в Москве. Как и киргиз-кайсаки, плененные яйцкими казаками, ханские дипломаты должны были оставаться в России до полного освобождения всех пленных их родственниками россиян [7, с. 305].

В тех случаях, когда возникали ситуации с новыми захватами российских подданных и затруднения с их освобождением, И. И. Неплюев неизменно переходил к воинственной риторике. Так продолжалось вплоть до смерти хана Абулхаира в 1748 г. В Указе из Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1747 г. приводится следующее предложение оренбургского губернатора: «...возможно одними яйцкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца и тем их в страх привести. И хотя в таком случае правого с виноватым разобрать невозможно, но иных средств освободиться от их беспокойств нет» [14, л. 18 об.]. Однако исполнены эти угрозы не были.

В практике задержания заложников – баранте – И. И. Неплюев вскоре разочаровался. Захват яйцкими казаками киргизских заложников, предпринятый в ответ на пленение черкас, по его мнению, не привел к ожидаемому освобождению последних. Несколько лет содержались киргиз-кайсаки в казачьем плену. За это время из четырнадцати человек двое умерли. Войсковая администрация, не находя в удержании заложников никакой пользы, с согласия губернатора приняла решение об их освобождении. Следуя своим убеждениям в отношениях с киргиз-кайсаками, И. И. Неплюев предлагал брать пример с волжских калмыков и джунгарского владельца, который «всегда с ними не барантою, но военною рукою управляется» [15, л. 99, 99 об.].

Совершенно иначе оценивала опыт применения баранты Коллегия иностранных дел. По ее мнению, задержание четырнадцати заложников яйцкими казаками и трех ханских посланцев в Москве обеспечило в 1743–1745 гг. вызволение из Киргиз-кайсацкой орды 57 российских подданных. Из Москвы и Войска яйцкого заложники были отпущены лишь тогда, когда стало очевидно, что освобождать уже больше некого [15, л. 102]. По сведениям губернской канцелярии, плененных черкас в Младшем жузе могло еще оставаться не более десяти человек. Однако отыскать их И. И. Неплюев уже не надеялся, «ибо между захваченными были престарелые, малолетние, также и сущие младенцы, из коих, как слышно, большая часть померли или в другие владения проданы» [7, с. 319].

Давление, оказываемое на хана и его окружение взятием в заложники представителей родовой знати, служило гарантией безопасности порученцев оренбургского губернатора, направлявшихся в ханскую ставку для ведения переговоров, разведки и поиска российских пленников. В 1744 г. с таким поручением командировался к Абулхаир-хану казачий урядник Федор Найден. В отчете Оренбургской губернской канцелярии он указал, что Абулхаир взял его в поездку по улусам и более месяца занимался поиском плененных под Гурьевом калмыков и русских. Кроме 11 калмыков ему удалось отыскать и вывести в Оренбург двух черкас – мужчину и женщину – и одного ясачного татарина из Уфимского уезда [16, л. 261].

Итак, проект по переселению малороссийских казаков – черкас – не оправдал возлагаемых на него надежд. После нескольких лет нужды и лишений большинство из них предпочло вернуться обратно в Восточную Украину – Малороссию. Исключение составили несколько десятков семей, обосновавшихся за несколько сот верст от Оренбургской линии, в Самарском Повол-

жье, на реке Кинель. Само по себе краткое пребывание украинских переселенцев на Яике не стало знаковым событием в истории Оренбургского края. Однако в процессе его изучения был затронут комплекс проблем, относящихся к фронтирной политике Российской империи в Южно-уральском регионе. Они проявлялись в сложностях с поиском подходящих людей для формирования населения приграничного региона и обеспечения его безопасности. Невольно черкасы оказались в эпицентре обострения отношений правителя Младшего жуза хана Абулхаира и оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Пленение более восьмидесяти малороссийских казаков и последующий трехлетний «торг» по их освобождению также вписываются в историческую канву российско-казахских отношений и истории российской дипломатии XVIII столетия.

Библиографический список

1. **Рычков, П. И.** История Оренбургская (1730–1750) / П. И. Рычков. – Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1896. – 95 с.
2. **Витевский, В. Н.** И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : монография : в 2 т. / В. Н. Витевский. – Казань : Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. – Т. 1–2. – 616 с.
3. **Перетяткович, П. И.** Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения (по рукописным документам архива Минист. Юстиции): памяти В. П. Маслова / П. И. Перетяткович. – Одесса : Типография А. Шульце, 1888. – 25 с.
4. **Молощенков, А. Н.** Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Молощенков А. Н. – Москва, 2010. – 19 с.
5. **Амелин, В. В.** Украинцы на Южном Урале / В. В. Амелин, А. Н. Молощенков. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2012. – 190 с.
6. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. – Оренбург : Тип. О. Яковлева, 1912. – Вып. 7. – 472 с.
7. Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках : сб. документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата : АН Казахской ССР, 1961. – 741 с.
8. **Карпов, А. Б.** Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.) / А. Б. Карпов. – Уральск : Войсковая типография, 1911. – 1013 с.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XI: 1740–1743. – № 8111. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 117, 118.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XI: 1740–1743. – № 8421. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 459.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XII: 1740–1744–1748. – № 8887. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 33–36.
13. **Ерофеева, И. В.** Хан Абулхаир – полководец, правитель, политик / И. В. Ерофеева. – Алма-Ата : Дайк-Пресс, 2007. – 484 с.
14. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Rychkov P. I. *Istoriya Orenburgskaya (1730–1750)* [The History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg: Tipo-litografiya Iv. Iv. Efimovskogo-Mirovitskogo, 1896, 95 p. [In Russian]

2. Vitevskiy V. N. *I. I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.: monografiya: v 2 t.* [I. I. Neplyuev and Orenburg region in its former composition before 1758]. Kazan: Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, 1897, vol. 1–2, 616 p. [In Russian]
3. Peretyatkov P. I. *Malorossiyanе v Orenburgskom kraе pri nachale ego zaseleniya (po rukopisnym dokumentam arkhiva Minist. Yustitsii): pamyati V. P. Maslova* [The Little Russians in Orenburg region at the beginning of its settlement (on the basis of manuscripts of the archive of the Ministry of Justice)]. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, 1888, 25 p. [In Russian]
4. Moloshchenkov A. N. *Pereselenie ukrainsev na Yuzhnyy Ural i problemy ikh etno-kul'turnogo razvitiya: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Resettlement of Ukrainians to the South Urals and the issues of their ethnic cultural development: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2010, 19 p. [In Russian]
5. Amelin V. V., Moloshchenkov A. N. *Ukraintsy na Yuzhnom Urale* [Ukrainians in the South Urals]. Orenburg: Izd. tsentr OGAU, 2012, 190 p. [In Russian]
6. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniiu Orenburgskogo kazach'ego voyska: khronologicheskii perechen'* [The materials on a historical and statistical description the Orenburg Cossack Army: a chronological list]. Orenburg: Tip. O. Yakovleva, 1912, iss. 7, 472 p. [In Russian]
7. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh: sb. dokumentov i materialov* [Russian-Kazakh relations in the 17th–18th centuries: collected documents and materials]. Akademiya nauk Kazakhskoy SSR. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR, 1961, 741 p. [In Russian]
8. Karpov A. B. *Ural'tsy. Istoricheskiy ocherk. Chast' I-ya. Yaitskoe voysko ot obrazovaniya voyska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.)* [Urals settlers. A historical essay. Part 1. The Yaik army from the origin to the census by colonel Zakharov (1550–1725)]. Uralsk: Voyskovaya tipografiya, 1911, 1013 p. [In Russian]
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Orenburg region (GAOO)]. F. 2. Op. 1. D. 4. [In Russian]
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XI: 1740–1743. № 8111* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1743. No. 8111]. Saint-Petersburg, 1825, pp. 117, 118. [In Russian]
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XI: 1740–1743. № 8421* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1743. No. 8421]. Saint-Petersburg, 1825, p. 459. [In Russian]
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XII: 1740–1744–1748. № 8887* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1744–1748. No. 8887]. Saint-Petersburg, 1825, pp. 33–36. [In Russian]
13. Erofeeva I. V. *Khan Abulkhair – polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair – commander, ruler, politician]. Alma-Ata: Dayk-Press, 2007, 484 p. [In Russian]
14. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 14.
15. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 19.
16. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 8.

Джунджузов Степан Викторович
 доктор исторических наук, доцент,
 профессор кафедры истории России,
 Оренбургский государственный
 педагогический университет (Россия,
 г. Оренбург, ул. Советская, 19)

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich
 Doctor of historical sciences, associate
 professor, professor at the sub-department
 of Russian history, Orenburg State
 Pedagogical University (19 Sovetskaya
 street, Orenburg, Russia)

E-mail: Djund@yandex.ru

Образец цитирования:

Джунджузов, С. В. Первое организованное переселение украинцев на Южный Урал: замыслы, претворение, результаты (1739–1745 гг.) / С. В. Джунджузов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 3–14. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-1.

Н. Г. Карнишина

ДИСКУССИЯ В ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. О МЕСТЕ И РОЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование материалов периодической печати столицы и провинции применительно к положению Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в. позволило понять позицию современников и переосмыслить значение конфессионального фактора в период проведения системных реформ. Цель исследования – на базе проведенного анализа материалов периодической печати и работ современников изучить место официальной церкви в пореформенной России.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе данных архивов, мемуарной литературы, материалов периодической печати. Использованы формально-логический, сравнительно-исторический методы и метод контент-анализа. Исходя из возможностей социального подхода, проводится исследование состояния различных сословий русского общества 1850–1890-х гг.

Результаты. В ходе написания статьи решена основная задача – исследовать место православия как государственной религии в структуре российского государства и общества второй половины XIX в.

Выводы. Русская православная церковь была прочно вписана в бюрократический механизм государства, и в период подготовки и проведения реформ именно на духовную бюрократию была сделана ставка как на проводника проводимых реформ на местах. Насколько эффективен был такой канал взаимодействия с населением, можно судить по отзывам современников и откликам в периодической печати. Степень влияния православного духовенства на настроения населения значительно различалась и напрямую зависела как от территориальной удаленности от столиц, так и от этноконфессиональной характеристики губерний.

Ключевые слова: дореволюционная печать, духовная бюрократия, православный священник, системные реформы.

N. G. Karnishina

THE DISCUSSION IN THE PRESS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY ABOUT THE PLACE AND ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE PUBLIC LIFE OF POST-REFORM RUSSIA

Abstract.

Background. A study of the materials of the periodical press of the capital and the province in relation to the status of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries allow us to understand the position of contem-

poraries and rethink the significance of the confessional factor during the period of systemic reforms. The research purpose is to study the place of the official Church in post-reform Russia on the basis of the analysis of periodical press materials and works of contemporaries.

Materials and methods. The research was conducted on the basis of archives, memoir literature, materials of the periodical press. Formal-logical, comparative-historical and content analysis methods were used. In terms of the potential of the social approach, the author has studied the state of various classes of the Russian society in the 1850s and 1890s.

Results. The article settles the main objective – to study the place of Orthodoxy as a state religion in the structure of the Russian state and society of the second half of the 19th century.

Conclusions. The Russian Orthodox Church was firmly embedded in the bureaucratic machinery of the state, and during the preparation and implementation of reforms, it was the spiritual bureaucracy that was relied on as the conductor of the ongoing reforms in the field. How effective such a channel of interaction with the population was can be judged by the reviews of contemporaries and responses in the periodical press. The degree of influence of the Orthodox clergy on the mood of the population varied significantly and directly depended on both the territorial remoteness from the capitals and the ethnoconfessional characteristics of the provinces.

Keywords: pre-revolutionary printing, the spiritual bureaucracy, the Orthodox priest, systemic reform.

При анализе столичной и провинциальной печати России в 1860–1890-е гг. в числе тем, являвшихся предметом оживленной полемики, можно выделить целый ряд проблем, касавшихся как религиозности народа и отношений официальной церкви и паствы, так и места Русской православной церкви (РПЦ) в обществе и в государстве.

Причины усиления интереса современников к данной проблематике кроются, на наш взгляд, в нескольких обстоятельствах. Во-первых, в условиях проведения в империи широкомасштабных реформ роль такого института, как церковь, значительно возросла. Во-вторых, на протяжении 1860–1890-х гг. происходили значительные изменения в самой РПЦ, включая ряд церковных реформ, в том числе в направлении усиления бюрократизации церковного управления. Так, в 1865 г. была учреждена должность товарища обер-прокурора по аналогии с должностью товарища министра. С 1863 г. обер-прокурор получил право присутствовать в Государственном совете, с 1887 г. – в Сенате, а с 1904 г. на равных с министрами, т.е. с правом голоса – в Совете министров и в Комитете министров при рассмотрении дел духовного ведомства. В 1904 г. должностям обер-прокурора и его товарища присвоены чины 2 и 3 классов табели о рангах соответственно. В-третьих, безусловно, катализатором роста интереса прессы являлись сами фигуры обер-прокуроров Святейшего синода. Среди них наиболее известны такие фигуры, как А. П. Толстой (1856–1862), который стремился к повышению статуса лиц Духовного ведомства, и Д. А. Толстой (1865–1880), являвшийся не только обер-прокурором, но и министром народного просвещения. Однако с позиции интереса печатных органов лидером, безусловно, являлся К. П. Победоносцев, который, как известно, занимал этот пост с 1880 по 1905 г. и активно участвовал в различных обсуждениях церковного вопроса на разных уровнях.

В этой связи интерес, на наш взгляд, представляет возможность оценить степень эффективности привлечения духовной бюрократии к проведению реформ, в частности, насколько РПЦ оправдала ожидания власти в роли проводника реформ на местах. Индикатором степени доверия населения к духовным пастырям явилась процедура чтения Манифеста и Положения об отмене крепостного права в приходских церквях в присутствии священника.

О степени доверия сельского населения и роли священника в приходе можно, например, судить по материалам статьи в газете «Северная пчела» от 3 января 1862 г. В третьем номере газеты редактор писал: «У нас есть еще местности, где на сто верст кругом нет ни одного училища, где люди кроме своей деревни ничего во всю жизнь не видели и где они только по нужде для исповеди ездят к священнику на село. По высочайшему указу 26 июня 1861 г. все наше духовенство с семействами приглашены заниматься обучением грамоте крестьянских детей. По старой манере в школы делался род рекрутского набора волостными старшинами. Училища уже начали открываться в селениях крестьян, так еще недавно находившихся в крепостной зависимости. Стремление к бюрократизму доходило в иных местах до того, что, например, в Александровском уезде возник вопрос, имеют ли право крестьяне до введения церковных грамот увеличивать свое скотоводство» [1, с. 1].

Само по себе административно-территориальное устройство РПЦ являлось прочной основой распространения по периферии империи системных реформ. Однако, по мнению ряда авторов, особенно таких изданий, как «Гражданин» и «Московские ведомости», на первый план в этом вопросе следует выводить больше религиозность народа и его доверие именно духовным пастырям.

В журнале «Гражданин» за 1877 г., № 19 от 15 мая В. П. Мещерский в статье «Мой ответ анониму по вопросу о русской церкви» писал: «Я боюсь за судьбу России как государства в виду фактов, доказывающих, что ведущие ее народ слишком легкомысленно смотрят на отношение его к церкви как основе и душе его, но никак не могу бояться за судьбу православной церкви как “столпа и утверждения истины”» [2, с. 466, 467]. В. П. Мещерский был глубоко убежден, что «...вера русского народа есть глубоко воспринятое в душу чувство, которое не покидает каждого простолюдина из русского народа до последней минуты его жизни. А что же внушает ему уважение к царской власти, уважение к всякой власти, терпение и смирение в минуты горя и несчастий, презрение к всему, что страшно, как не та вера, которую он принял от отцов и дедов, как святейшее из наследств? Что же составляет ту охранительную и прочную силу, силу единственную, которая держит в России престол, власть и порядок на этих безмерных пространствах, в этих бесчисленно-разноплеменных народностях, как не православие русского народа? Другого нет ничего в России твердого, прочного и здорового. Оттого-то эта сила так претит четырем исконным врагам России: папе и его иезуитам, русским революционерам и русским чиновникам, не могущим мириться с мыслью, что Россия спасается не ими, а верою русского народа в Христову Церковь. Вы скажете, что эта молитва и эта вера есть исполнение обряда бессознательной веры, веры по привычке. Нет. Надо жить с народом и в народе, чтобы понять, насколько вера его в нем живая и главная часть его жизни.

Церковь православная тем и сокровище, что она в нашем народе пребывает везде и всегда» [2, с. 469, 470].

При проведении анализа пореформенной России важно исходить из понимания существенной разницы между столичным и провинциальным обществом, что водораздел между столицей и провинцией в пореформенной России не только не сократился, а наоборот, усилился [3, с. 2].

Интересна публикация в журнале «Гражданин» в № 14 от 14 апреля 1877 г. Анонимный автор в статье «К вопросу о законодательстве в народных школах» писал: «Если бы жители столицы знали, насколько жгучий вопрос составляет для провинциала все, что относится к делу церкви и религии, то, наверное, осторожнее относились бы к каждому обстоятельству бесцеремонного затрагивания этих священных для русского народа начал. А между тем столица как бы щеголяет резкостью своих взглядов на религию и на управление церковью. Провинциальные жители, глядя на разные выходки интеллигентных классов столицы, на исходящие из нее административные меры и распоряжения, давно изверились в их искренность и правоверность, но все еще не перестают ждать таких событий и явлений в нашем отечестве, которые привлекут отолстевшие и огрубевшие сердца этих новых богоборцев к единственным источникам нашего спасения – к православному образу мыслей и к соблюдению отеческих преданий и учений, которыми так крепок был всегда русский народ, во все години испытаний. Скромные сельские пастыри зависимы от столичного духовенства по консистории, по школам, в которых обучаются их дети» [4, с. 360].

Отдельно следует выделить дискуссию в печати по поводу состояния православной церкви в России, вызванную рядом публикаций, например статьей «Пастыри и овцы», помещенной в газете «Слово» в декабре 1879 г.

Так, в Тверских епархиальных ведомостях в 1880 г. в № 4 за 15 февраля в материале «По поводу статьи “Пастыри и овцы”, помещенной в журнале “Слово”», автор писал: «В течение прошлого года немало появилось статей в светских периодических изданиях, касающихся как исполнения священниками обязанностей общественного деятеля, так и отношений их к своей пастве, и обрисовывающих деятельность духовенства, по преимуществу, если не исключительно мрачными чертами. Но все суждения, высказываемые этими статьями, как бы они ни казались строги, бледнеют пред суждениями автора статьи, напечатанной в декабрьской книжке журнала “Слово” под заглавием “Пастыри и овцы”. Статья эта представляет из себя злобный, чудовищный памфлет на наше сельское духовенство. Автор не только отрицает какое бы то ни было религиозно нравственное влияние пастырей на народ, но и прямо приписывает им развращающее влияние. Все свои выводы он старается обосновать на фактах, заимствованных им из различных периодических изданий и собственного опыта» [5, с. 75].

Автор статьи исходит из того факта, что пастыри и паства образуют из себя два совершенно противоположных лагеря, между которыми происходит беспрестанная борьба. По его мнению, духовенство не только стремится к просвещению «окружающего его темного стада», к искоренению различных предрассудков, суеверий и обычаев, напротив, нередко прямо поддерживает их в своих личных интересах, так как с их узкой точки зрения оказывается, что их интерес или точнее их материальное довольство тесно связано

с поддержанием невежества. Хотя священники и произносят проповедь, но проповеди эти, трактуя обыкновенно о различных догматических истинах свысока и отличаясь сухим напыщенным языком, не находят и не могут находить себе доступа к сознанию простых непосредственных натур; хотя духовенство и призвано к участию в деле народного образования, хотя на него возложены важные обязанности и даны широкие права, но оно не пользуется своими правами и преимуществами, сердце его не лежит к делу народного образования; живя в народе, считаясь в деревне своим человеком и имея возможность лучше многих других наблюдать народный быт в его самых сокровенных, неуловимых оттенках, духовенство игнорирует этим своим выгодным для обогащения наших познаний и науки положением и даже к составлению статистических отчетов относится крайне небрежно.

Автор особенно подчеркивает тот факт, что «...некоторые из сельского духовенства берутся быть судьями общественной совести и цензорами нравственности и иногда до того увлекаются посторонними побуждениями, что дело принимает на себя чисто полицейские обязанности. Беспощадно бичуя деятельность современного духовенства, автор старается в то же время набросить тень на прошлое его, не придавая никакого значения трудам духовенства на поприще народного просвещения» [5, с. 77].

Редактор Тверских епархиальных ведомостей Протоиерей В. Владиславлев напечатал серию статей, участвуя в данной дискуссии. В материале «По поводу статьи “Пастыри и овцы”, помещенной в журнале “Слово”», он писал: «Согласимся, что духовное сословие продолжает еще носить характер кастового устройства, что оно не успело еще от него освободиться, но и в таком случае может ли что служить достаточным и справедливым основанием к предположению существования среди духовенства интриг “из-за лучшего местечка”? Чем тогда автор объяснит гораздо чаще встречающиеся интриги в тех сословиях, которые не носят кастового устройства? Само положение сельского священника, находящегося вдали от центра провинциальной жизни, ставит его вне возможности вести какие бы то ни было интриги “из-за лучшего местечка”. Но что делать, когда нужда и материальные недостатки заставляют искать случая для перехода в лучшее место? Мы желаем, чтобы автор сам испытал тот образ жизни, какой ведет сельское духовенство вообще и в бедных приходах в частности» [6, с. 111, 112].

В другом номере журнала, продолжая данную дискуссию по поводу статьи «Пастыри и овцы», В. Владиславлев писал: «Сознавая, что одно проповедование в храме слишком мало может удовлетворить религиозно-нравственным нуждам пасомых, многие сельские пастыри переносят свою проповедническую деятельность за стены храма. Отсюда – столь широко распространенные в настоящее время воскресные и праздничные собеседования и публичные чтения, назначаемые по преимуществу для простого народа; отсюда – возникновение братств и союзов с целями духовно-просветительными, в которых весьма деятельными членами является сельское духовенство. Например, Саратовский духовно-просветительный союз, нашедший себе подражание и в других епархиях. Годичный отчет этого общества, напечатанный в “Московских церковных ведомостях”, показывает, с какой любовью члены его, главным образом сельские священники, начинают дело распространения книг» [7, с. 246].

Очень часто на страницах периодических изданий того времени звучало следующее замечание о положении духовенства: «Известно, что в целом мире нет страны, где сельское духовенство до такой степени мало было бы обеспечено в материальных средствах, как в России, где оно до сих пор не может добиться даже того, чтобы повременная плата за священнодействия со стороны прихожан была заменена постоянным определенным жалованьем» [7, с. 208].

В газете «Московские ведомости» в 1864 г. в № 6 от 9 января 1864 г. редактор писал: «Наша церковь не имеет и не хочет иметь светской власти. В качестве положения духовенства, его школ, ее отношения к другим общественным силам – все это подчинялось внешним влияниям и не зависело от ее собственных, сознаваемых ею потребностей, все это находилось вне ее собственного самостоятельного контроля. Вот почему на нашей церкви не лежит ответственность за упадок ее учреждений там, где этот упадок замечается, за неудовлетворительное положение духовных школ, за равнодушие и апатию духовенства, за водворившийся в ней бюрократический формализм и даже за развитие чуждого ее духу левитизма со всеми его вредными последствиями как для церкви, так и для народной жизни вообще» [8, с. 1].

Многие авторы ссылались на записку А. Н. Муравьева «О состоянии православной церкви в России (1860–1870-е гг.)», который ставил коренной вопрос, волновавший многих, и отвечал на него: «Отчего же неурейства церковные, при благонамеренном и ревностном послании их исправить, духовные наши еще далеко не удовлетворяют благим о них видам и надеждам, слышатся против них жалобы народа и людей сельских? От того, что в церковном чиноположении нашем не соблюдается иерархическая постепенность, хотя самые степени существуют со времен Апостольских» [9, с. 3].

С другой стороны, применительно к периодической печати автор «Гражданина» в 1877 г. справедливо писал: «В наши печатные органы слишком узкий вход для более самостоятельных взглядов и мыслей, а под прикрытием этой узкости непомерно растет то нравственное зло, которое расшатывает все сферы нашего общества. Пора подумать об этом всем честным служителям печатного слова, самому обществу и даже правительству, которое только в печати отыщет правду, тщательно скрываемую бюрократическим эгоизмом» [10, с. 360].

На наш взгляд, динамика роста интереса к конфессиональной тематике на протяжении 1850–1890-х гг. напрямую была связана с модернизационными циклами в силу места РПЦ в структуре государственной власти в Российской империи, прежде всего как опоры престола и сакрализации царской власти. С другой стороны, роль православного священника в жизни общества, особенно в сельских приходах, была довольно высока и степень его влияния на умонастроения прихожан признавалась многими современниками как серьезный фактор, который следовало учитывать при проведении широкомасштабных реформ.

Библиографический список

1. Северная пчела. – 1862. – № 3. – Л. 1–4.
2. Гражданин. – 1877. – № 19. – Л. 466–470.
3. **Карнишина, Н. Г.** Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина //

- Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–12.
4. Гражданин. – 1877. – № 14. – С. 360–364.
 5. Тверские епархиальные ведомости. – 1880. – № 4. – Л. 72–76.
 6. Тверские епархиальные ведомости. – 1880. – № 6. – С. 110–115.
 7. Тверские епархиальные ведомости. – 1880. – № 14. – Л. 246–248.
 8. Московские ведомости. – 1864. – № 6. – Л. 1.
 9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 556. Л. 1–19.
 10. Гражданин. – 1877. – № 14. – С. 360–364.

References

1. *Severnaya pchela* ["Severnaya pchela" magazine]. 1862, no. 3, pp. 1–4. [In Russian]
2. *Grazhdanin* ["Grazhdanin" magazine]. 1877, no. 19, pp. 466–470. [In Russian]
3. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 2 (26), pp. 5–12. [In Russian]
4. *Grazhdanin* ["Grazhdanin" magazine]. 1877, no. 14, pp. 360–364. [In Russian]
5. *Tverskie eparkhial'nye vedomosti* [Tver diocesan bulletin]. 1880, no. 4, pp. 72–76. [In Russian]
6. *Tverskie eparkhial'nye vedomosti* [Tver diocesan bulletin]. 1880, no. 6, pp. 110–115. [In Russian]
7. *Tverskie eparkhial'nye vedomosti* [Tver diocesan bulletin]. 1880, no. 14, pp. 246–248. [In Russian]
8. *Moskovskie vedomosti* [Moscow bulletin]. 1864, no. 6, pp. 1. [In Russian]
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 722. Op. 1. D. 556. L. 1–19. [In Russian]
10. *Grazhdanin* ["Grazhdanin" magazine]. 1877, no. 14, pp. 360–364. [In Russian]

Карнишина Наталья Геннадьевна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natal'ya Gennad'evna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history, state
and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Карнишина, Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 15–21. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-2.

ДИНАМИКА ДУШЕВОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОВЫХ И КАРТОФЕЛЯ В ГУБЕРНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ В 1883–1913 гг.: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемным контекстом работы выступает дискуссия об уровне, направлении и темпах аграрного развития Российской империи в конце XIX – начале XX в. Целью работы является расчет ежегодных значений производства зерна и картофеля на душу населения по каждой из губерний Поволжского региона и в среднем по Европейской России и анализ динамики этого показателя с 1883 по 1913 г.

Материалы и методы. Основным источником является статистика урожаев Центрального статистического комитета. Используются показатели валового сбора ржи, пшеницы, овса, ячменя, полбы, гречихи, проса, гороха, кукурузы и картофеля. Все урожаи выражены в пудах. Картофель суммирован с зерновыми с пересчетом в пропорции 4:1. Данные о ежегодной численности населения заимствованы из ретроспективного расчета, сделанного в 1927 г. демографом В. Зайцевым. В ареал исследования включены десять губерний: Астраханская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тверская, Ярославская. Анализ динамики проведен по годовым и средним многолетним значениям. Губернии хлебопроизводящие и хлебопотребляющие рассматриваются отдельно.

Результаты. Анализ показал существенные различия между губерниями по уровню и динамике изучаемого показателя. Позитивную динамику производства зерна на душу населения имели Самарская и Астраханская губернии. Тенденцию к снижению демонстрировали губернии Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Симбирская. Траектории Казанской, Саратовской и Пензенской губерний имели характер волновых колебаний. Уровень душевого производства выше среднего по Европейской России сохраняли Пензенская, Симбирская, Саратовская губернии, ниже среднероссийского – Астраханская, Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская. Самарская губерния от уровня близкого к среднероссийскому перешла в процессе развития к значительно более высокому, Казанская губерния сократила производство до уровня ниже среднего.

Выводы. Повышающий тренд производства хлебов и картофеля на душу населения в России в целом включает в себя разнонаправленные тенденции в разных губерниях, относившихся к различным природно-географическим и экономическим типам. Перспектива дальнейших исследований видится в том, чтобы выяснить, в какой мере в регионах сокращения душевого производства зерна происходила структурная перестройка сельского хозяйства и диверсификация доходов крестьян.

Ключевые слова: аграрная история, урожайная статистика, статистика населения, Поволжье.

THE DYNAMICS OF PER CAPITA GRAIN CROPS FARMING IN VOLGA REGIONS IN 1883–1913: SOURCES AND STUDY ISSUES

Abstract.

Background. The problematic context of the research is the discussion about the level, direction and pace of agricultural development of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The purpose of the article is to calculate the annual values of grain and potato production per capita in each of the Volga region provinces and on average in European Russia, and to analyze the dynamics of this indicator from 1883 to 1913.

Materials and methods. The main source for the study is crops farming statistics of the Central Statistical Committee. The indicators of gross harvest of rye, wheat, oats, barley, spelt, buckwheat, millet, peas, corn and potatoes were used. All data are calculated in ponds. Potatoes are summed with cereals in a 4:1 ratio. The data on the annual population are used on the basis of the calculation made by a demographer V. Zaitsev in 1927. The geographical scope of the study covers 10 provinces: Astrakhan, Kazan, Kostroma, Nizhny Novgorod, Penza, Samara, Saratov, Simbirsk, Tver, Yaroslavl. The analysis of the dynamics is carried out by annual and average multi-year values. The net-importing and net-exporting provinces are treated separately.

Results. The analysis showed significant differences between the provinces in the level and dynamics of the studied indicator. Samara and Astrakhan provinces had positive dynamics of grain production per capita. Tver, Yaroslavl, Kostroma, Nizhny Novgorod and Simbirsk provinces showed a deteriorating tendency. The provinces of Kazan, Saratov and Penza showed undulating fluctuations. The level of per capita production above the average in European Russia remained in Penza, Simbirsk, Saratov provinces, below the average Russian – Astrakhan, Tver, Yaroslavl, Kostroma and Nizhny Novgorod. Samara province from the level close to the average Russian developed to a much higher one, Kazan province – reduced production to a below average one.

Conclusions. The increasing trend of bread and potato production per capita in Russia as a whole includes multidirectional trends in the provinces, which belong to different natural-geographical and economic types. The prospect of further research is to find out to what extent the restructuring of agriculture and diversification of farmers' incomes took place in the regions of reduction of per capita grain production.

Keywords: agrarian history, crop statistics, population statistics, Volga region.

Введение

Вопрос об уровне, направлении и темпах аграрного развития России в конце XIX – начале XX в. имеет давнюю традицию изучения, однако остается дискуссионным в историографии. Показатели зернового производства изучены лучше многих других аспектов. В частности, исследователи, анализирувавшие урожайную статистику Центрального статистического комитета (ЦСК) на всем протяжении ее существования (1883–1915), неоднократно отмечали позитивную динамику валовых и чистых сборов, посевных площадей и урожайности по 50 губерниям Европейской России [1–3]. Изучались также тенденции смещения зернового производства из центральных районов на южные и восточные окраины [4, 5]. При этом обращалось внимание на сильные годовые колебания урожайности и на отставание российского

земледелия от уровня производительности западноевропейских стран. Современная историко-экономическая литература делает акцент либо на высоких темпах роста российской аграрной экономики до Первой мировой войны [6, 7], либо на ее отсталости и противоречиях [8], оперируя главным образом общероссийскими показателями или стремясь подытожить исследование в общероссийских среднестатистических показателях. Перспектива дальнейшего изучения видится в перенесении внимания с общероссийского уровня на уровень регионов и губерний, динамика которых могла сильно различаться, поскольку они демонстрировали разные модели экономического развития и испытывали воздействие взаимной конкуренции [9]. При этом важно сохранять общероссийский и общеисторический контекст, которого зачастую недостает региональным и локальным исследованиям. Понимание этой задачи присутствует, по-видимому, у всех историков-аграрников, но практика пока отстает от сформулированного запроса.

Предметом данной статьи является один из важнейших показателей аграрного развития – производство хлебов на душу населения. Факт некоторого роста душевого производства зерна в целом по России в указанный период не вызывает сомнений у историков. Имеются расчеты чистого сбора продовольственных хлебов на душу населения по губерниям Европейской России, представленные в работе А. В. Островского [8, с. 250]. Однако целью его работы был не столько анализ динамики этого показателя, сколько выяснение обеспеченности населения продовольствием, исходя из единой нормы потребления 18 пудов на человека в год. При этом абсолютные значения урожайной статистики принимались им как достоверные, овес и картофель исключались из рассмотрения, доля семян в валовых сборах была определена расчетно, а полученные данные усреднены по четырем пятилетним отрезкам с 1896 по 1915 г. В работах других авторов, затрагивавших данный сюжет, цифры душевого производства для отдельных лет, периодов и регионов использовались, как правило, иллюстративно и не становились предметом специального анализа.

Задача данной работы видится в том, чтобы рассчитать ежегодные значения валового производства всех зерновых и картофеля на душу населения в среднем по Европейской России и по каждой из губерний Поволжского региона по статистике ЦСК с 1883 по 1913 г. и проанализировать динамику этого показателя. Территориальные рамки охватывают Поволжье в широком смысле, включая все губернии, расположенные вдоль течения Волги, а также Пензенскую. Всего взято десять губерний: Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Астраханская. Таким образом, в рамках большого Поволжья объединены регионы севера и юга, Нечерноземья и Черноземья, старой и новой земледельческой колонизации, моно- и многонациональные, что подразумевает разнообразие региональных особенностей развития.

Источники и методы

Источником для данной работы послужили ежегодники ЦСК «Урожай... года» за 1883–1913 гг.¹ Из них был взят только один показатель – ва-

¹ В работе по сбору урожайных данных большое участие принимала И. В. Шильникова, которой автор статьи выражает признательность за предоставленные в его распоряжение материалы.

ловой сбор (в пудах). Культуры, вошедшие в подсчет, следующие: рожь (озимая и яровая), пшеница (озимая и яровая), овес, ячмень (яровой), полба, гречиха, просо, горох, кукуруза, картофель. Их сборы суммировались, картофель для сопоставимости с зерновыми пересчитан 4:1. Не вошли в подсчеты бобы, фасоль и чечевица, не имевшие большого значения в полевом земледелии, но имевшие большие погрешности в статистическом учете.

В историографии имеется возражение против обозначенных хронологических рамок. С. А. Нефедовым высказано мнение, что данные урожайной статистики 1883–1893 гг. несопоставимы с позднейшими, так как в 1893 г. в методике ЦСК произошло некое изменение, приведшее к одномоментному повышению урожайности на 10 % [10, с. 16]. Это утверждение базируется на одном неясном примечании, которое мимоходом сделал Д. Н. Иванцов в своем исследовании об урожайной статистике со ссылкой на приватный разговор с неназванным чиновником ЦСК [11, с. 75]. При этом сам Иванцов использовал данные с 1885 г., а период, к которому относится десятипроцентное повышение, им не был назван. Обращение к источнику – изданиям «Урожай... года» – показывает, что никакого скачка, по крайней мере при переходе от 1893 к 1894 г., не наблюдается: урожайность четырех основных хлебов по 50 губерниям Европейской России увеличилась на 2,6 %, их посевные площади – на 0,9 %, валовой сбор – на 3,6 %, валовой сбор всех 11 учтенных зерновых культур по 65 губерниям увеличился лишь на 0,9 %. Урожай зерновых в 1895 г. уменьшился, составив по 50 губерниям лишь 90,3 % от урожая 1894 г. [12]. Все это укладывается в обычные годовые колебания, и возражение С. А. Нефедова не представляется обоснованным.

Отсутствие в нашей урожайной статистике до 1892 г. ежегодных сведений о посевных площадях (в течение ряда первых лет ЦСК использовал площади 1881 г., затем 1887 г.) является непреодолимым недостатком источника и принимается автором статьи как допустимая статистическая условность. Вопрос о степени достоверности абсолютных значений урожаев ЦСК в данной статье не ставится, поскольку предметом является динамика. В историографии сложился консенсус по поводу того, что урожайная статистика достаточно правильно отражает тенденции изменения своих показателей на длительных хронологических отрезках. Вместе с тем и при анализе динамики, конечно, всегда следует иметь в виду, что некоторая часть наблюдаемых изменений может относиться на счет изменения качества статистики, а не действительных сдвигов в развитии хозяйства.

Объективной трудностью при работе с урожайной статистикой ЦСК является то, что до 1894 г. показатели в ней давались в четвертях, а с 1895 г. – в пудах. Вес четверти в пудах указывался в тех же изданиях лишь с 1888 г. Перевод из четвертей в пуды сделан автором статьи следующим образом: за 1888–1894 гг. – по соответствующему весу четверти каждой культуры для каждой губернии по ежегодным данным того же источника, за 1883–1887 гг. – по среднему весу четверти, подсчитанному для пятилетия 1888–1892 гг.

Более важной проблемой является отсутствие официальной и общепризнанной ежегодной статистики населения по губерниям до переписи 1897 г. В специальных изданиях ЦСК публиковались лишь ежегодные данные по движению населения. Имеются также данные текущего полицейского учета населения по губерниям за 1883, 1885, 1886, 1890, 1896 г., причем за 1885 и

1890 г. они были опубликованы в «Урожае 1892 года». Начиная с «Урожая 1894 года» в этом издании ежегодно публиковались данные о численности сельского населения по губерниям, а с 1900 г. – данные об общей численности населения в губернии. Урожайная статистика выводила по ним свои подушечные показатели, которые публиковались там же. Может возникнуть вопрос, почему бы не заимствовать уже рассчитанные ЦСК цифры душевого производства, если они имеются в источнике? Использовать эти цифры некорректно, потому что, во-первых, население до переписи и после исчислялось ЦСК на разных основаниях; во-вторых, до 1900 г. душевые показатели считались на сельское население, после – на общее. Кроме того, при подведении общероссийских итогов душевого сбора ЦСК некоторое время приводил разные культуры к общей норме питательности, используя специальные коэффициенты, но с 1905 г. отказался от этого метода. Поэтому, чтобы построить единые динамические ряды душевого производства, следует сначала получить ряды ежегодной численности населения, построенные на единой основе за весь период.

Основная проблема демографической статистики давно известна в литературе: данные полицейского учета в целом преувеличивали численность населения [13, 14]. Поэтому ретроспективные расчеты на основе переписи 1897 г. и ежегодного движения населения дают за каждый предшествующий год меньшие цифры, чем показатели текущего учета. То же относится к периоду после переписи, поскольку по мере удаления от 1897 г. снова накапливались ошибки. При переходе с общероссийского на губернский уровень процент расхождений между расчетными и текущими данными по разным губерниям может сильно различаться, причем как в ту, так и в другую сторону, и не поддается ни однозначному объяснению, ни корректировке. Принимая во внимание все это, а также то, что и перепись, и учет движения населения тоже имели свои погрешности, представляется все же, что реконструкция ежегодной численности населения губерний на базе переписи и движения населения дает более адекватные значения, чем сведения текущего полицейского учета. К такому выводу склонялось большинство исследователей.

В настоящей работе использована реконструкция ежегодной погубернской численности населения, проделанная демографом В. Зайцевым в 1920-е гг. на основе переписи 1897 г. [15]. Его цифры давались с округлением до тысяч, что не столь важно, учитывая принципиальную неточность абсолютных значений. Важно, что помимо естественного движения населения В. Зайцевым учитывались также данные о переселениях в Азиатскую часть страны и была скорректирована численность населения Московской и Петербургской губерний по соответствующим городским переписям. Ряд опечаток, обнаруженных в его таблицах, были исправлены автором статьи при расчетах. Проведенное Зайцевым разделение населения на городское и сельское следует признать чересчур грубым, поэтому в данной работе использован лишь показатель общей численности населения в губернии.

В связи с этим проявляется специфика Астраханской губернии, значительную часть населения которой составляли кочевники, и их включение в расчет сильно занижает среднечеловеческое производство зерна. Согласно переписи 1897 г., доля занятых в земледелии в Астраханской губернии составляла лишь 30,3 % населения, однако и в других губерниях более или менее значи-

тельная часть населения была не связана с зерновым производством, и у автора статьи нет статистики, позволяющей оценить динамику этого показателя. Поскольку целью работы не ставится вычисление производительности труда в земледелии, этим обстоятельством решено пренебречь.

Таким образом, размер душевого производства для каждой губернии рассчитывался автором статьи путем деления суммы валовых сборов хлебов и картофеля (по данным ЦСК) на численность общего населения губернии соответствующего года (по данным В. Зайцева).

Результаты расчетов по годам и губерниям Поволжья, а также в среднем по Европейской России приведены в табл. 1.

Таблица 1

Производство зерновых и картофеля (в пересчете на зерно 4:1) на душу населения в губерниях Поволжья и в среднем по Европейской России в 1883–1913 гг. (в пудах)

Годы	50 губерний	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1883	28,7	6,2	24,9	27,8	28,4	37,5	34,8	37,9	31,4	28,7	32,6
1884	31,1	6,3	38,4	23,9	38,0	49,0	54,3	38,4	48,0	17,0	20,9
1885	25,9	0,8	32,5	26,2	31,4	42,6	30,9	32,2	44,2	16,8	25,0
1886	28,9	1,7	41,7	28,0	37,7	57,2	42,9	47,1	55,2	25,9	29,4
1887	32,9	6,3	30,1	30,9	33,1	43,5	24,6	38,9	43,7	28,8	30,0
1888	31,4	6,3	30,7	24,8	31,1	48,2	22,8	35,1	37,9	21,4	22,8
1889	23,6	3,7	27,7	27,4	28,3	41,2	23,5	32,1	34,8	23,9	23,6
1890	28,1	6,2	21,9	25,9	16,6	27,6	24,2	31,2	29,1	24,8	29,9
1891	22,0	4,3	11,1	30,8	31,2	19,7	12,5	17,3	16,7	24,0	28,6
1892	26,7	4,5	20,8	28,3	21,8	25,4	19,2	28,6	63,6	24,5	29,7
1893	36,3	3,4	37,8	28,0	24,3	37,8	27,4	30,4	46,5	23,6	28,3
1894	35,6	11,0	38,3	28,4	25,4	44,0	47,4	50,1	39,4	20,9	25,6
1895	32,1	6,4	35,9	23,4	29,2	43,3	35,3	34,7	34,2	23,3	24,3
1896	32,5	12,5	34,3	30,2	29,7	47,9	55,4	57,0	47,1	24,2	28,7
1897	27,0	4,1	30,0	30,5	21,2	27,5	31,6	31,0	30,2	23,7	29,2
1898	30,3	11,0	10,9	26,8	19,8	29,8	14,4	25,4	15,2	26,0	31,8
1899	34,1	8,1	52,4	27,6	33,2	54,4	42,1	52,0	58,5	22,1	29,0
1900	32,7	10,5	40,1	22,9	32,2	49,2	54,5	48,7	43,2	21,5	21,2
1901	27,9	4,5	22,4	24,7	22,2	28,6	21,2	27,1	22,3	21,7	23,6
1902	37,0	7,0	30,7	26,9	29,1	44,4	42,5	39,0	41,0	17,5	25,4
1903	33,8	8,1	33,9	22,5	19,3	36,8	42,7	40,2	37,6	20,0	24,4
1904	38,6	11,2	49,3	27,5	35,1	59,7	65,5	55,5	59,9	20,3	27,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1905	30,5	8,1	29,1	24,3	23,9	18,3	32,0	21,0	26,0	19,4	24,5
1906	25,4	4,1	8,4	16,4	13,2	15,3	10,4	16,3	10,3	17,5	19,4
1907	29,1	11,0	29,3	20,0	27,5	42,0	31,2	31,7	38,1	16,0	20,9
1908	29,3	9,0	34,0	23,1	25,5	38,5	34,2	26,5	31,9	14,7	20,7
1909	36,2	7,7	45,4	21,3	25,5	49,8	68,4	53,6	50,9	14,0	17,3
1910	35,5	5,5	27,3	24,1	21,6	45,3	53,0	40,7	35,4	17,3	22,1
1911	27,9	3,4	14,4	23,2	17,4	25,8	12,9	15,8	14,6	18,4	23,2
1912	35,3	6,1	38,4	25,6	31,6	54,0	50,0	34,3	38,1	19,6	23,3
1913	38,4	20,3	37,7	24,8	26,7	42,5	69,2	50,6	42,7	19,1	20,6
Средние пятилетние значения											
1884–1888	30,0	4,3	34,7	26,8	34,3	48,1	35,1	38,3	45,8	22,0	25,6
1889–1893	27,4	4,4	23,9	28,1	24,5	30,3	21,3	27,9	38,1	24,1	28,0
1894–1898	31,5	9,0	29,9	27,8	25,0	38,5	36,8	39,6	33,2	23,6	27,9
1899–1903	33,1	7,6	35,9	24,9	27,2	42,7	40,6	41,4	40,5	20,6	24,7
1904–1908	30,6	8,7	30,0	22,3	25,0	34,8	34,7	30,2	33,3	17,6	22,7
1909–1913	34,6	8,6	32,6	23,8	24,6	43,5	50,7	39,0	36,4	17,7	21,3
Средние десятилетние значения											
1884–1893	28,7	4,4	29,3	27,4	29,4	39,2	28,2	33,1	42,0	23,1	26,8
1894–1903	32,3	8,3	32,9	26,4	26,1	40,6	38,7	40,5	36,9	22,1	26,3
1904–1913	32,6	8,6	31,3	23,0	24,8	39,1	42,7	34,6	34,8	17,6	22,0

Работать только с годовыми цифрами не всегда удобно, поскольку в них отразились резкие колебания урожайности. Для выяснения общей динамики иногда целесообразно усреднить их по пятилетиям или десятилетиям. Отбросив первый год наблюдений, получаем шесть пятилетних отрезков или три десятилетних.

При анализе динамики важно понимать, как уровень душевого производства в каждой данной губернии соотносился со средним по Европейской России; это соотношение представлено в табл. 2.

Таблица 2

Отношение душевого производства зерновых и картофеля в губерниях Поволжья к среднероссийскому уровню по периодам (в процентах)

Годы	50 губерний	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Средние пятилетние значения											
1884–1888	100,0	14,3	115,5	89,1	114,1	160,2	116,9	127,7	152,5	73,2	85,3

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1889–1893	100,0	16,2	87,2	102,6	89,4	110,9	78,0	102,1	139,4	88,2	102,5
1894–1898	100,0	28,5	94,9	88,4	79,5	122,3	116,9	125,8	105,4	75,0	88,6
1899–1903	100,0	23,1	108,5	75,3	82,2	128,9	122,7	125,1	122,4	62,1	74,7
1904–1908	100,0	28,3	98,1	72,8	81,9	113,6	113,3	98,7	108,8	57,5	74,1
1909–1913	100,0	24,8	94,2	68,7	71,0	125,5	146,4	112,6	105,0	51,1	61,5
Средние десятилетние значения											
1884–1893	100,0	15,2	102,0	95,6	102,3	136,7	98,4	115,5	146,3	80,4	93,5
1894–1903	100,0	25,7	101,9	81,7	80,9	125,7	119,8	125,4	114,1	68,4	81,5
1904–1913	100,0	26,5	96,0	70,6	76,1	119,9	130,9	106,1	106,7	54,1	67,4

В табл. 3 представлена динамика душевого производства картофеля отдельно от зерновых (по десятилетиям), что важно для общей оценки веса этой культуры в полевом хозяйстве губерний.

Таблица 3

Производство картофеля (1:1) на душу населения в губерниях Поволжья, средние десятилетние значения (в пудах)

Годы	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1884–1893	0,4	1,2	5,8	5,0	7,2	1,6	3,2	3,6	5,5	11,7
1894–1903	1,3	2,5	10,8	8,3	11,8	3,7	5,2	6,2	9,5	18,4
1904–1913	1,2	2,9	11,0	10,0	18,2	3,5	4,5	8,1	9,4	19,0

Обсуждение

Среднероссийский (по 50 губерниям) уровень душевого производства хлебов и картофеля демонстрирует в целом повышающийся тренд. В пятилетних средних значениях заметны проседания во втором и пятом периодах под влиянием крупных неурожаев 1891 и 1905/1906 гг., однако уровень последнего пятилетия превышает уровень первого на 15,3 %.

Беглый взгляд на губернские цифры прежде всего подтверждает очевидный факт, что Приволжские губернии имели разный уровень и динамику душевого производства, поскольку относились к различным природно-географическим и экономическим типам. Различие природно-географических условий отразилось на амплитуде годовых колебаний. В нечерноземных губерниях Верхней Волги (Костромская, Тверская, Ярославская) с относительно стабильной урожайностью разница между максимальными и минимальными годовыми значениями достигает 2 раз, тогда как в Нижегородской – уже 2,9 раза, а в подверженных засухам регионах Средней и Нижней Волги и

степях Заволжья амплитуда еще шире – от 3,6 в Саратовской до 6,6 в Самарской и даже 25,5 раза в Астраханской. Говоря о тенденциях и трендах на тридцатилетней дистанции, важно иметь в виду, что они пробивали себе дорогу сквозь гигантские ежегодные скачки.

Основным типологическим признаком выступает разделение губерний на хлебопроизводящие (нетто-экспортеры) и хлебопотребляющие (нетто-импортеры). К первым относились черноземные или преимущественно черноземные Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии; ко вторым – преимущественно нечерноземные Костромская, Нижегородская, Тверская и Ярославская губернии, а также черноземно-степная животноводческая Астраханская. Рассмотрим динамику душевого производства по губерниям с учетом этого критерия. Поскольку воспроизведение диаграмм потребовало бы слишком много места, ограничимся кратким тестовым описанием наблюдаемых тенденций (заинтересованные читатели могут самостоятельно построить их по табл. 1).

Костромская, Тверская и Ярославская губернии демонстрируют сходную динамику: стабильность до середины 1890-х гг., затем тенденция к снижению, но в последнее пятилетие намечается некоторый подъем (отскок). Уровень производства вначале колеблется близ среднероссийского, а с середины 1890-х гг. стабильно уходит ниже среднероссийского. В последнем пятилетии уровень производства этих губерний составлял лишь 51,1 % (Тверская) – 68,7 % (Костромская) от среднего. Нижегородская губерния демонстрирует сокращение до начала 1890-х гг., которое затем переходит в стабильность или слабый понижающийся тренд, идущий ниже среднероссийского уровня (71 % от среднего в последнем пятилетии). Астраханская губерния, единственная из потребляющих, показывает рост, но лишь до середины 1890-х гг., затем почти стабильность; ее уровень едва достигает трети среднероссийского.

Для хлебопотребляющих губерний естественно иметь уровень душевого производства хлебов ниже среднего. Сокращение душевого производства в них также не является признаком сокращения потребления и упадка хозяйства, свидетельствуя скорее о промыслово-промышленной специализации населения в соединении с диверсификацией сельского хозяйства, в котором акцент переносится с зернового хозяйства на животноводство, неполовое земледелие, выращивание незерновых культур. Наблюдаемые тенденции полностью укладываются в эту логику. В таком случае для производящих губерний естественно было бы ожидать роста по данному показателю.

Действительно быстрорастущей была Самарская губерния, но следует уточнить, что ее рост стартовал со второй половины 1890-х гг., до этого ее динамику можно охарактеризовать скорее как некоторое снижение, провал 1891 г. и восстановление. В последнем периоде ее уровень составил уже 146,4 % среднероссийского, несмотря на то что в этой губернии рост населения был самым быстрым. Самарской губернии, несомненно, было присуще прогрессивное развитие зернового хозяйства с углублением его товарной ориентации. Этот факт и ранее отмечался в историографии, сближавшей ее с регионами степного юга Российской империи. Здесь на рубеже веков при относительной недонаселенности и наличии свободных плодородных земель были открыты пути одновременно как для экстенсивного (за счет расширения

посевных площадей), так и для интенсивного (за счет применения машин, сортовых семян и других видов капитала) типа развития зернового производства. При освоении новых земель с целью аграрного предпринимательства здесь также имелось объективно больше возможностей для оптимизации размеров хозяйства.

Ситуация в остальных губерниях не столь однозначна. Линейный тренд Пензенской губернии, построенный по годовым значениям, демонстрирует почти стабильность с едва заметной тенденцией к снижению; аналогичный результат виден на средних десятилетних значениях. Средние пятилетние значения показывают провалы во втором и пятом периодах и восстановительный рост после них. Средний уровень Пензенской губернии оставался стабильно выше среднероссийского, но надо заметить, что это положение поддерживалось главным образом за счет быстрого роста производства картофеля (см. табл. 3). Высокая доля картофеля в структуре урожаев резко отличает эту губернию от других хлебопроизводящих Поволжского региона.

Тренд, построенный по годовым значениям Саратовской губернии, также демонстрирует стабильность (при этом линейный тренд почти не отличается от полиномиальной 3 порядка), но за этой мнимой стабильностью скрывается внутренняя динамика, особенно заметная на средних десятилетних значениях: подъем от первого десятилетия ко второму, затем спад от второго к третьему. В средних пятилетних значениях можно отметить также подъем в последнем периоде – отскок после провала в пятом периоде. В неблагоприятные второе и пятое пятилетия уровень Саратовской губернии опускался до среднероссийского, в остальные периоды был выше.

Казанская губерния при сильнейших колебаниях по годам имеет также почти нулевой тренд, но в отличие от Пензенской и Саратовской ее абсолютные значения колеблются возле среднероссийского уровня, а в последнее десятилетие уходят под него.

Симбирская губерния демонстрирует общую тенденцию к снижению. Движение средних пятилетних значений позволяет уточнить, что четвертое пятилетие, как и у большинства других губерний, в ней ознаменовалось ростом, однако за ним последовали новое сокращение в следующем пятилетии и лишь незначительное повышение в последнем периоде. Если в первом пятилетии уровень Симбирской губернии составлял 152,5 % среднероссийского, то в шестом – лишь 105 %. Стоит отметить, что по этому показателю все губернии, кроме Самарской и Астраханской, ухудшили свои позиции: соотношение их уровней со среднероссийским в начальном периоде было более благоприятным, чем в завершающем (см. табл. 2).

Выводы

Таким образом, за среднероссийским повышательным трендом душевого производства хлебов и картофеля стояли различные тенденции в разных губерниях. В рамках Поволжья можно выделить три траектории: траектория роста (Астраханская, Самарская губернии), траектория спада (Костромская, Нижегородская, Симбирская, Тверская, Ярославская), траектория волновых колебаний (Казанская, Пензенская, Саратовская).

Траектории хлебопотребляющих губерний закономерны. Отсутствие же ясно выраженных тенденций роста душевого производства хлебов и кар-

тофеля в большинстве производящих губерний Поволжья в сочетании с тенденцией ухудшения соотношений их уровней со среднероссийским вызывает вопросы. Прежде всего, увеличивалась или сокращалась товарность этих губерний? Если вывоз зерновых из губерний за данное тридцатилетие имел тенденцию к увеличению, это должно означать или общее сокращение внутреннего потребления, или усиление дифференциации производителей, при котором рост производительности и товарности одних хозяйств сопровождается падением производительности и натурализацией других. Во втором случае актуален вопрос, происходила ли (и насколько активно) в черноземном Поволжье диверсификация сельского хозяйства и переориентация крестьян на иные источники дохода или речь идет о нарастании аграрного перенаселения в чистом виде. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования с привлечением других источников.

Библиографический список

1. **Прегер, Р. И.** Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. / Р. И. Прегер. – Петроград : ГУЗ и З, 1915. – 98 с.
2. **Обухов, В. М.** Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. / В. М. Обухов // Влияние неурожая на народное хозяйство России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Г. Громана. – Москва : РАНИОН, 1927. – Ч. 1. – С. 1–159.
3. **Вайнштейн, А. Л.** Эволюция урожаев зерновых хлебов в России до революции и перспективы ее развития / А. Л. Вайнштейн // Избранные труды : в 2 кн. / А. Л. Вайнштейн. – Москва : Наука, 2000. – Кн. 1. – С. 275–330.
4. **Яцунский, В. К.** Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны / В. К. Яцунский // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России : сб. ст. / ред.: Л. М. Иванов, М. В. Нечкина, В. К. Яцунский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 113–148.
5. **Нифонтов, А. С.** Зерновое производство России во второй половине XIX века / А. С. Нифонтов. – Москва : Наука, 1974. – 317 с.
6. **Грегори, П.** Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 256 с.
7. **Давыдов, М. А.** Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М. А. Давыдов. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Алетей, 2016. – 1080 с.
8. **Островский, А. В.** Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. / А. В. Островский. – Санкт-Петербург : Полторак, 2013. – 416 с.
9. **Роднов, М. И.** Конкуренция регионов и «оскудение» центра России на рубеже XIX–XX вв. / М. И. Роднов // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. XXXIII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщ. – Москва, 2012. – С. 77–79.
10. **Нефедов, С. А.** Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах / С. А. Нефедов. – Москва : Дело, 2017. – 432 с.
11. **Иванцов, Д. Н.** К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных / Д. Н. Иванцов. – Петроград : Типография Киришбаума, 1915. – 180 с.
12. Урожай 1895 года / Статистика Российской империи. – Санкт-Петербург, 1896. – Т. XXXV, ч. 2.
13. **Сифман, Р. И.** Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. – Москва : Наука, 1977. – С. 62–82.

14. Кабузан, В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории. 1981. – Москва : Наука, 1982. – С. 100–117.
15. Зайцев, В. К вопросу о численности населения Европейской России / В. Зайцев // Влияние неурожая на народное хозяйство России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Г. Гро-мана. – Москва : РАНИОН, 1927. – Ч. 2. – С. 60–93.

References

1. Preger R. I. *Proizvodstvo glavneyshikh khlebov v Rossii za dvadtsatipyatiletie 1888–1912 gg.* [Pivotal grains production in Russia for two decades 1888–1912]. Petrograd: GUZ i Z, 1915, 98 p. [In Russian]
2. Obukhov V. M. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii: v 2 ch.* [The impact of poor harvests on the national economy of Russia: in 2 parts]. Moscow: RANION, 1927, part 1, pp. 1–159. [In Russian]
3. Vaynshteyn A. L. *Izbrannye trudy: v 2 kn.* [Selected works: in 2 books]. Moscow: Nauka, 2000, bk. 1, pp. 275–330. [In Russian]
4. Yatsunskiy V. K. *Voprosy istorii sel'skogo khozyaystva, krest'yanstva i revolyutsionno-go dvizheniya v Rossii: sb. st.* [Historical issues of agriculture, peasantry and revolutionary movement in Russia: collected articles]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, pp. 113–148. [In Russian]
5. Nifontov A. S. *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Grain crops farming in Russian in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1974, 317 p. [In Russian]
6. Gregori P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN, 2003, 256 p. [In Russian]
7. Davydov M. A. *Dvadsat' let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stoly-pina* [Twenty years before the Great War: the Russian modernization by Vitte and Stoly-pin]. 2nd ed., rev. and suppl. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2016, 1080 p. [In Russian]
8. Ostrovskiy A. V. *Zernovoe proizvodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Grain production of European Russian in late 19th – early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Poltorak, 2013, 416 p. [In Russian]
9. Rodnov M. I. *Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv. XXXIII sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: tez. dokl. i soobshch.* [Typology and features of the agricultural development of Russia and Eastern Europe in the 10th – 21st centuries. The 33rd session of the symposium of the agricultural history of Eastern Europe: proceedings]. Moscow, 2012, pp. 77–79. [In Russian]
10. Nefedov S. A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh* [The standard of life of the population and the agricultural development of Russia in the 1900s–1940s]. Moscow: Delo, 2017, 432 p. [In Russian]
11. Ivantsov D. N. *K kritike russkoy urozhaynoy statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsial'nykh i zemskikh tekushchikh dannykh* [To the criticism of the Russian harvest policy. The experience of analyzing some official and provincial current data]. Petrograd: Tipografiya Kirshbauma, 1915, 180 p. [In Russian]
12. *Urozhay 1895 goda* [The harvest of 1895]. Statistika Rossiyskoy imperii. Saint-Petersburg, 1896, vol. XXXV, part 2. [In Russian]
13. Sifman R. I. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st.* [Marriage, birth and death rate in Russian and the USSR]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 62–82. [In Russian]
14. Kabuzan V. M. *Istchnikovedenie otechestvennoy istorii. 1981* [Source studies in the Russia history. 1981]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 100–117. [In Russian]

15. Zaytsev V. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii: v 2 ch.* [The impact of poor harvest on the national economy of Russia: in 2 parts]. Moscow: RANION, 1927, part 2, pp. 60–93. [In Russian]
-

Кузнецов Игорь Анатольевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательская лаборатория
экономической и социальной истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Москва, проспект
Вернадского, 82)

E-mail: repytwjd68@mail.ru

Kuznetsov Igor' Anatol'evich

Candidate of historical sciences, senior
researcher, research Laboratory for
economic and social history, Institute
of Social Sciences, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration (82 Vernadskogo avenue,
Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Кузнецов, И. А. Динамика душевого производства зерновых и картофеля в губерниях Поволжья в 1883–1913 гг.: источники и проблемы изучения / И. А. Кузнецов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 22–34. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-3.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ И АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Содержание, масштабы, особенности, последствия Великой русской революции во многом определялись теми революционными процессами, которые происходили в российской деревне. Исследование этапов их развития позволяет выявить особенности, тенденции и противоречия аграрных преобразований в один из самых судьбоносных периодов истории России, получить более полное представление о Великой русской революции в целом. Цель работы – определить этапы крестьянской и аграрной революций в России, проанализировать причинно-следственные связи, характерные черты и особенности их развития.

Материалы и методы. Поставленные задачи методологического характера были выполнены главным образом путем анализа эмпирического и аналитического материала, содержащегося в предыдущих работах автора, а также изучения историографических источников по проблеме Великой русской революции. Важнейшим концептом исследования является принцип объективности, ставший ориентиром в авторских оценках и суждениях по поводу причин, этапов развития и итогов крестьянской, аграрной революции. В работе над темой использовались, в частности, следующие методы: историко-хронологический, применение которого позволило определить этапы революционных процессов в российской деревне, их особенности; диалектический, на основе которого осуществлялся анализ развития крестьянской и аграрной революции, выявлялись причинно-следственные связи; метод анализа и синтеза, способствовавший выводу на определенные выводы и обобщения.

Результаты. Определены и исследованы основные этапы развития революционных процессов в российской деревне, их характерные черты и особенности. Отмечены предпосылки формирования изученных этапов, итоги и последствия их эволюции.

Выводы. Проведенное исследование дает основание сделать вывод, что аграрная революция в России, в рамках которой осуществлялась крестьянская революция, являлась основным звеном Великой русской революции, определившим ее особенности и результаты. Рассмотрение революции в деревне в качестве исторического процесса позволило выделить ее этапы, определить особенности, содержание и последствия развития каждого из этапов, сформулировать авторскую точку зрения на вопрос о реализации задач революции с позиции интересов власти и крестьянства.

Ключевые слова: Великая русская революция, крестьянская революция, аграрная революция, крестьянство, большевики, власть.

ON THE STAGES OF THE PEASANT AND AGRARIAN REVOLUTION IN RUSSIA

Abstract.

Background. The content, scope, features, consequences of the Great Russian Revolution were largely determined by the revolutionary processes that took place in the Russian countryside. A study of the stages of their development allows us to identify the features, trends and contradictions of agrarian transformations in one of the most crucial periods of the history of Russia, to get a more complete picture of the Great Russian Revolution as a whole. The work purpose is to define stages of peasant and agrarian revolutions in Russia, to analyze cause-and-effect relations, characteristic features and specifics of their development.

Materials and methods. The set methodological objectives were fulfilled mainly by analyzing the empirical and analytical material presented in the author's previous works, as well as by studying historiographical sources on the problem of the Great Russian Revolution. The most important concept of the study is the principle of objectivity, which became a guide in the author's assessments and judgments about the causes, stages of development and results of the peasant and agrarian revolution. The following methods were used when working with the topic: the historical and chronological methods which allowed determining the stages of revolutionary processes in the Russian countryside and their features; the dialectical method on the basis of which the analysis of the development of the peasant and agrarian revolution was carried out, and the cause-and-effect relationships were revealed, the analysis and synthesis which contributed to certain conclusions and generalizations.

Results. The basic stages of development of revolutionary processes in the Russian village, their characteristic features and specifics are defined and studied. The prerequisites for the formation of the studied stages, the results and consequences of their evolution are noted.

Conclusions. The study gives grounds to conclude that the agrarian revolution in Russia, during which the peasant revolution took place, was the main component of the Great Russian Revolution, which determined its features and results. The review of the revolution in the village as a historical process allowed the author to identify phases, to determine the features, the content and consequences of the development of each stage, to articulate the author's point of view on the issue of implementation of the tasks of the revolution from the perspective of the interests of the government and the peasantry.

Keyword: Great Russian Revolution, peasant revolution, agrarian revolution, peasantry, Bolsheviks, government.

В ряде предыдущих работ и выступлений на конференциях автор уже обращался к проблемам методологии исследования Великой русской революции в целом [1–6]. Однако в российской деревне революция в силу ее значимости и сложности содержания заслуживает специального рассмотрения и методологических подходов к данному феномену.

Изучение научной литературы по проблеме позволяет сделать вывод о том, что большой массив эмпирических исследований на обширном региональном материале пока что не дает сколь-нибудь целостного представления о сущности, природе и пределах революционных процессов в крестьянской среде. Причины этого, как нам представляется, кроются не только в том, что

такого материала еще не достаточно для подготовки обобщающих трудов, но и в том, что внимание авторов, как правило, концентрируется на отдельных этапах, событиях и явлениях революции.

Между тем разобраться в сущностных сторонах этой важнейшей проблемы аграрной истории, выявить тенденции и противоречия, движущие силы, причины и последствия революции можно лишь взглянув на нее как на единый исторический процесс, в рамках которого развивались свои специфические политические, социальные, экономические, психологические, культурологические процессы. Это в свою очередь обуславливает необходимость комплексного подхода к изучению проблемы с участием представителей различных гуманитарных наук. Соответственно, должны появиться и комплексные исследования как *Великой русской революции* в целом, так и отдельных ее потоков, каковыми, несомненно, являлись *крестьянская* и *аграрная революция*.

Кстати, по поводу выделенных курсовом понятий хочется отметить, что революция в России была *великой* по своим масштабам и глубине революционных преобразований, по своему влиянию на судьбы России и мира. Она была *русской* по национальной принадлежности большинства участников. И в целом это была Великая русская революция. Вполне уместно для научного употребления и понятие «крестьянская революция», поскольку крестьянство было основной движущей силой революции в деревне, а сама эта революция имела достаточно характерных черт и особенностей, чтобы быть выделенной в самостоятельное понятие. Если термин «крестьянская революция» ассоциируется обычно с социально-политическими процессами в деревне, в основе которых лежит крестьянское движение, то понятие «аграрная революция» является более широким и включает в себя также радикальную трансформацию всей совокупности производительных сил в аграрной сфере.

В прежних авторских публикациях, посвященных проблемам Великой русской революции, обращалось внимание на этапность ее развития.

Точно так же, как и Великая русская революция, крестьянская революция, будучи важнейшей составляющей общего революционного процесса, также имела свои этапы развития. Однако, если общий революционный процесс, как нам представляется, завершился к концу 1930-х гг. с созданием в СССР колхозно-совхозного строя, формированием новых социальных групп сельского населения: колхозного крестьянства и рабочих совхозов, советской сельской интеллигенции, утверждением в стране сталинского тоталитарного политического режима, крестьянская революция ограничивается в основном хронологическими рамками, обозначенными в свое время В. П. Даниловым, а именно 1902–1922 гг. [7]. И хотя в работах В. П. Данилова этапы крестьянской революции четко не прописаны, само их содержание, а также содержание других исследований крестьянской революции в России позволяет выделить несколько ее этапов. Первый, начальный этап (1902 г. – февраль 1917 г.) был обусловлен как нарастанием накала крестьянской борьбы, так и качественными изменениями в перманентно протекавшем задолго до начала революции крестьянском движении. К числу таких качественных характеристик можно отнести следующие: цепной характер его развития, при котором выступление крестьян одного селения служило детонатором для других селений, неожиданный и несвойственный для предшествующего движения ради-

кализм настроений и требований [7, с. 8], создание крестьянских организаций и превращение крестьянской общины в своеобразную базу крестьянской революционно-демократической самоорганизации, быстро нараставшее, в том числе и на данной основе, отчуждение крестьянства от власти, обретение им в лице солдат, загнанных властью на поля Первой мировой войны, новых стимулов к уничтожению этой власти и вооруженной силы для реализации своих целей.

Второй этап крестьянской революции (февраль – октябрь 1917 г.) был коротким, но чрезвычайно важным этапом не только крестьянской революции, но и всей эпохи революционной борьбы в России. Главная его особенность заключалась в том, что именно в этот период сложилась уникальная для всей истории взаимоотношений крестьянства и власти ситуация, когда крестьянская власть в виде различного рода общественных исполнительных комитетов, советов и союзов стала преобладать в российской деревне над центральной властью. В то же время органы центральной власти, созданные Временным правительством на местах, постепенно эволюционировали в органы крестьянской власти. В результате на большей части просторов российской деревни двоевластие фактически прекратило свое существование еще до того, как было свергнуто Временное правительство в Петрограде. Уровень крестьянского самоуправления был в это время настолько высок, а власть Временного правительства в деревне настолько слаба, что крестьянство фактически перестало в ней нуждаться и крестьянская власть приобрела безраздельное господство. Опыт этого господства, как показывают исследования, был продуктивным и имел хорошие перспективы для дальнейшего существования.

Третий этап крестьянской революции – октябрь 1917 – 1922 г. Выделяя его хронологические рамки, автор исходит из того, что октябрьский переворот большевиков в Петрограде имел к ее течению лишь опосредованное отношение. И это отношение проявилось в его последствиях. В то же время успех переворота с точки зрения дальнейшего утверждения большевистской власти в российской «глубинке» во многом, если не в решающей степени, определялся тем, что порядок в крестьянском движении к октябрю 1917 г. уже превалировал над стихийностью и хаосом. Высокая степень организованности (самоорганизации) крестьянства обеспечила довольно быструю и сравнительно безболезненную трансформацию органов крестьянской власти в Советы – органы власти большевиков, которые в большинстве своем крестьяне восприняли вначале как одну из разновидностей крестьянского самоуправления.

В то же время традиционные формы организации крестьянской власти на основе крестьянской общины не только не утратили свою роль и влияние на данном завершающем этапе крестьянской революции, но и значительно укрепили ее в деревне. Разумеется, это противоречило доктринальным позициям большевизма, ориентированным на обеспечение всевластия Советов и преимущественное развитие коммунистических, кооперативных и артельных форм организации сельского хозяйства. Однако влияние организуемых Советов было в тот период слишком незначительным, экономические позиции крупных общественных хозяйств слишком слабыми, чтобы стать достаточной опорой большевистской власти в крестьянской среде. Кроме того, в ус-

ловиях разгоравшегося почти сразу после установления Советской власти пожара гражданской войны, где главным «пушечным мясом» и с той и с другой стороны было крестьянство, в качестве первостепенной встала перед большевиками задача перетянуть на свою сторону крестьянство, которое в конечном счете и определило исход войны. Одним из важнейших средств решения этой задачи стало создание законодательной базы, обеспечивающей широкие полномочия для функционирования органов крестьянского самоуправления, пользовавшихся безусловным доверием у сельского населения.

Именно эти органы, прежде всего в лице преобладавших на селе крестьянских земельных комитетов, как и в период двоевластия, вели (и не безуспешно) повседневную работу по смягчению продовольственного кризиса, передаче земли в ведение крестьянских обществ и ее переделу в них, введению интенсивных севооборотов, уничтожению чересполосиц, решению множества других текущих социально-экономических проблем. Как справедливо отмечал в своем исследовании А. А. Сафонов, фактически «вся экономическая и отчасти культурная жизнь деревни находилась вплоть до середины 20-х годов в руках сельской общины и ее организаций. Что касается сельсоветов, то их функции ограничивались главным образом сбором сельхозналога и выполнением распоряжений вышестоящих организаций» [8, с. 125]. Созданные им в помощь центральной властью комитеты бедноты довольно скоро дискредитировали себя излишней ретивостью в проведении продразверстки, впрочем как и сама эта кампания, и большевикам в очередной раз пришлось идти на уступки крестьянству, отменив ее по окончании гражданской войны ради удержания и укрепления своей власти и осуществив переход к новой экономической политике. Ее содержание по сути своей тоже было продолжением политики компромисса новой власти с крестьянством и уступок ему.

В целом этот завершающий этап крестьянской революции по своим результатам был отмечен окончанием активной фазы широкомасштабной вооруженной борьбы крестьянства за свои интересы, которую оно вело одновременно и против большевистского насилия, и против тех сил, которые пытались вернуть Россию в дореволюционное прошлое в лице белого движения, противостоявшего большевизму. Итогом этой революции было и то, что ценой невероятного напряжения сил, огромных жертв крестьянство добилось решения таких важнейших задач своей революции, как конфискация помещичьих земель и передача их крестьянам без всякого выкупа, предоставление им права распоряжаться землями, предназначенными для сельскохозяйственного производства, получение широкого доступа к образованию, прекращение войны с Германией. Наряду с этим крестьяне были избавлены от многочисленной задолженности крестьянскому банку и от огромных ежегодных арендных платежей. Крестьяне-бедняки, кроме того, получили в свое распоряжение отрубные и хуторские земли зажиточных крестьян, помещичий инвентарь, семена и рабочий скот. Получили правовую основу и укрепили свои позиции органы общинного самоуправления. Введенный в начале нэпа продналог предоставлял возможность развития индивидуальных хозяйств, расширенного воспроизводства в них, что давало возможность улучшить материальное положение крестьянских семей.

В данной связи встает вопрос: можно ли считать итоги крестьянской революции ее победой и можно ли считать итоги гражданской войны, став-

шей кульминацией революции, победой крестьянства? Однозначного ответа на этот вопрос нет и, видимо, быть не может. Вместе с тем представляется не бесспорным мнение В. П. Данилова о том, что победа крестьянской революции «оказалась равносильной поражению, поскольку крестьянство не смогло создать отвечающую ее интересам государственную власть, поскольку демократические возможности сгорели в огне гражданской войны, поскольку из жесточайшего столкновения насилий выростала государственная диктатура» [7, с. 23]. Во-первых, в этой революции крестьянство боролось, в том числе, за сохранение традиций. Одной из таких традиций было сочетание общинной демократии с сильной центральной властью, которую в тот конкретно-исторический период смогла создать только партия большевиков. Ее власть отвечала в принципе интересам беднейшего крестьянства, составлявшего к началу 1920-х гг. его большинство. Во-вторых, создавать свою государственную власть в тех условиях крестьянство в силу ряда обстоятельств не могло, да и не особенно к этому стремилось. Его вполне устраивало господство в деревне общинного самоуправления, которое, кстати, поддерживала советская государственная власть. А поскольку большинство основных требований крестьянства было выполнено, то итоги революции к началу 20-х гг. XX в. были скорее победой в ней крестьянства, нежели его поражением.

Что касается дальнейшего развития событий, то закрепить эту победу крестьянству не удалось. И после окончания гражданской войны берет свое начало переходный период Великой русской революции, в ходе которого осуществляется перегруппировка политических сил в пользу большевиков. По мере укрепления позиций созданного ими аппарата государственной власти формируются предпосылки для нового этапа революции, вошедшего в историческую терминологию в качестве сталинской «революции сверху». Также как и на предыдущих этапах революционного движения в России, массовое насилие оставалось ее характерной чертой. Но это уже было не насилие, применяемое крестьянами в отношении своих эксплуататоров, а насилие новой власти над крестьянами, сопровождавшееся массовыми репрессиями, рукотворным голодом в деревне, новым витком закрепощения крестьян в созданной Сталиным колхозно-совхозной системе. И это была уже не крестьянская революция, хотя некоторая часть (в основном беднейшего) крестьянства приняла в ней активное участие.

Следует отметить, что понятие «сталинская «революция сверху»» точно также, как и понятие «Великая русская революция» весьма широкое. Оно включает в себя социально-экономические, политические и иные процессы, происходившие не только в советской деревне, но и в промышленной среде и в обществе в целом. В таком случае встает вопрос об определении революционных событий, происходивших непосредственно в аграрной сфере и имевших свою специфику. И здесь вполне приемлемо использование понятия «аграрная революция». Она характеризуется стремительными и глубокими изменениями в аграрном секторе экономики, которые приводят к новому характеру производственных отношений, к переходу общества от аграрного к индустриальному.

С завершением крестьянской революции процесс Великой русской революции в деревне продолжался, но уже в рамках аграрной революции. Первый ее этап вписывается в основном в хронологические рамки крестьянской

революции и в целом его можно охарактеризовать в качестве «революции снизу», поскольку на этом этапе крестьяне пусть неосознанно и стихийно вели за собой большевиков, обеспечили их приход к власти и ее удержание. Большевики в свою очередь своими радикальными преобразованиями в деревне окончательно освободили ее от пережитков крепостнической системы, включая помещичье землевладение, раздали большую часть помещичьих земель крестьянам и укрепили тем самым свое положение в российской деревне, провели структурные изменения в организации сельского хозяйства и управлении сельскохозяйственным производством. Итогом данного этапа стало изменение структуры и характера производительных сил деревни, появление новых форм организации производства в виде коммунистических и советских хозяйств, начало формирования системы крупных общественных хозяйств. Произошли серьезные социальные сдвиги в российской деревне: изменилась ее классовая структура, удельный вес богатых и зажиточных крестьян уменьшился с 25 % до революции до 5 % к началу НЭПа, в ходе социальных мероприятий советской власти был осуществлен «масштабный комплекс мер социального обеспечения и поддержки широких крестьянских масс, а также меры социокультурного развития» [9, с. 62].

Второй этап аграрной революции (конец 1920-х – 1930-е гг.) давно уже ассоциируется в научном обиходе с понятием «революция сверху», под которым подразумевается обычно то, что революционные преобразования в этот период осуществлялись центральной властью, властью И. В. Сталина. В одной из своих публикаций автор подробно останавливался на общих чертах данного этапа в аграрной революции, прежде всего с точки зрения взаимоотношений крестьянства и власти [2]. В дополнение к сказанному следует отметить, что каждому из двух этих этапов революции предшествовал подготовительный период формирования предпосылок, которые в своей совокупности и вырабатывали ту горючую смесь, из которой и происходил революционный взрыв. Первому этапу аграрной революции предшествовал кризис сельского хозяйства, который, начиная с голода 1891 г., приобретает затяжной характер и углубляется растущим малоземельем крестьян, обострением противоречий между потребностями расширенного воспроизводства втягиваемых в рыночные отношения крестьянских хозяйств и низким, рутинным состоянием технического и технологического обеспечения сельскохозяйственного производства, спадом промышленного производства и кризисом промышленности, поразившим ее с начала XX в., кризисом господствовавшей политической элиты и государственного аппарата, подъемом общественного движения в стране.

Что касается второго этапа, то вызревание его предпосылок происходило в переходный период, каковым являлся период нэпа. К числу таких предпосылок можно отнести укрепление политических позиций большевистской власти, что позволяло ей перейти, наконец, в решительное наступление на «мелкого буржуйчика» в деревне в лице крестьянина-единоличника и к осуществлению обозначенной еще в первых декретах Советской власти сверхзадаче по переводу деревни на путь развития коллективных хозяйств и ликвидации частной собственности на средства производства. Нерешенность и обострение продовольственных, финансовых проблем в условиях господства в сельском хозяйстве архаичных форм мелкотоварного производства

также все больше подталкивало сталинское руководство к революционным преобразованиям, которые, как оно считало, было единственным средством ресурсного обеспечения ускоренных темпов индустриализации страны. Наконец, еще одним фактором сталинской «революции сверху» являлось нараставшее противоречие между советской и общинной крестьянской властью. Принятие государственной властью чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, рост налогообложения крестьян не могли не вызвать рост их недовольства, проявлявшегося, в частности, в требованиях укрепления крестьянской власти путем создания крестьянского союза.

Подобные требования, как справедливо отмечает И. Е. Кознова, возникли не на пустом месте. Они в немалой степени опирались на память о некогда проявившей себя сплоченности, которая становилась актуализированным прошлым в условиях недовольства крестьян Советской властью. В 1920-е гг. крестьянство, «опираясь на опыт своей борьбы начала XX в., пошло дальше, поскольку требование Крестьянского союза означало не только хозяйственные и локальные, как в случае общины, но и политические общенациональные притязания на власть» [10, с. 38]. Очевидно, что в условиях формирования тоталитарного режима сталинское руководство не могло смириться с сохранявшимся в деревне двоевластием и тем более с притязаниями крестьян на политическую власть. В контексте сказанного вряд ли можно согласиться с В. В. Галиным в том, что угроза внешней агрессии не позволила развиваться России по пути социальной демократии, как в Скандинавских странах, и поэтому поворот к жесткой политике мобилизационного типа был неизбежен. Требуют большей аргументации и выводы автора о том, что «жизнь толкала большевиков в направлении построения социального, демократически ориентированного государства с развитой системой самоуправления» [11, с. 283]. Скорее, все наоборот: ради сохранения и упрочения своей власти большевики с неизбежностью эволюционировали в сторону жестко централизованной политической системы, в которой не было места ни для демократически ориентированного государства, ни для развитой системы самоуправления. В целом сталинская «революция сверху» была обусловлена комплексом внутренних причин. Что касается внешнеполитического фактора, то он тоже сыграл свою, но далеко не решающую роль.

Чем же закончилась сталинская «революция сверху» и в целом аграрная революция в России? Следствием ее, как известно, становится гигантское и ничем не восполнимое оскудение деревни главным ее богатством – людьми, наиболее энергичными, приспособленными к ведению сельского хозяйства крестьянами в результате реализации политики раскулачивания и сталинских репрессий против всех социальных слоев сельского населения.

Одновременно с этим основными социальными группами в деревне становятся колхозное крестьянство и рабочие совхозов, сосредоточенные в коллективных хозяйствах. Численность колхозов СССР с 1928 по 1940 г. выросла с 33,3 тыс. до 236,0 тыс., а советских хозяйств – с 1,4 тыс. до 4,2 тыс. В России к 1940 г. коллективизацией было охвачено 96,6 % всех крестьянских дворов. Чрезвычайно важным следствием аграрной революции был переход от рутинного производства, основанного на ручном труде крестьян и конной тяге, к машинному. За период сталинских довоенных пятилеток парк тракторов в сельском хозяйстве страны увеличился с 27 тыс. до 531 тыс. шт.,

зерноуборочных комбайнов – с 2 тыс. до 182 тыс. шт., грузовых автомобилей – с 1,4 тыс. до 470 тыс. шт. [12, с. 225, 237].

Но означало ли это, что в итоге было построено в основном социалистическое общество, как провозглашали партийные документы конца 1930-х гг., и кто кого победил в итоге революции? Отвечая на эти вопросы, нелишне будет вспомнить, что одной из характерных черт любой революции является непредсказуемость ее последствий, а также упомянуть следующие пророческие слова лидера партии кадетов П. Н. Милюкова: «Коммунистическая революция 25 октября 1917 года не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. *Мы увидим, что никакого “коммунизма” не было введено в России и что сами коммунисты в процессе революции должны приспособиться к условиям русской действительности, чтоб существовать*» (курсив автора). Назвав созданную ими систему социалистической, большевистская элита, ведомая И. Сталиным, на самом деле построила неожиданно для себя некое эклектическое образование, включавшее в себя элементы и общинной архаики, и крепостничества, и госкапитализма, и социализма. И образование – это действительно было реакцией приспособления к русской действительности. Отсюда с неизбежностью следует вывод, что «русская действительность» в лице обобщенного портрета российской деревни вошла, как это ни парадоксально звучит, в содержательную «начинку» сталинского «большого скачка» и крестьянство, сопротивляясь ему, в то же время обуславливало его и своими действиями, и своей ментальностью [13].

Аграрная революция не реализовала в конечном счете ни чаяния крестьянства, изначально стремившегося стать собственником на своей земле и свободно ей распоряжаться, ни стратегические доктрины большевиков по построению социализма и коммунизма. В итоге победу в ней не одержал никто: ни власть, которая, утвердившись в рамках тоталитарного режима, тем самым обрекла себя на будущее крушение, ни крестьянство, которое, делегировав новой власти право решать его насущные проблемы, оказалось заложником своей наивной доверчивости, заплатив за нее неимоверно высокую цену. И все же величайшая в мировой истории по своей продолжительности, масштабам, трагизму и влиянию на последующие судьбы России и мира революция к концу 1930-х гг. завершилась. Она завершилась воссозданием на новой основе крупнейшего в мире имперского государства с единовластным (как это было и при царском режиме) правлением, отчуждением власти от народа и его бесправием, с плановой экономикой и жесткой командно-административной системой управления. При этом большевики, придя к власти, закрепив за собой свои политические позиции, совершив силовыми методами перевод российской деревни на рельсы крупнотоварного сельского хозяйства с колхозно-совхозной системой его организации, считали свою революционную преобразующую миссию выполненной.

Что касается крестьянства, то, лишенное своей самоорганизующей основой, обескровленное Мировой войной, красным и белым террором, раскулачиванием и сталинскими репрессиями, оно вернулось на новом витке истории в крепостную зависимость теперь уже не от царя и помещиков, а от «общенародного государства».

Библиографический список

1. **Романченко, В. Я.** К вопросу о методологии исследования революционных процессов (на примере Великой русской революции) / В. Я. Романченко // Современное гуманитарное знание: проблемы методологии и историографии : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Наука, 2007. – С. 19–36.
2. **Романченко, В. Я.** Сталинизм и крестьянство в Великой русской революции / В. Я. Романченко // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. тр. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». – Москва : Ипполит, 2014. – С. 179–192.
3. **Романченко, В. Я.** Российское крестьянство и власть в Первой мировой войне / В. Я. Романченко // Русское крестьянство и Первая мировая война : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва : Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 357–371.
4. **Романченко, В. Я.** К вопросу о самоорганизации российского крестьянства в революции 1905–1907 гг. / В. Я. Романченко // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Е. Б. Дудниковой, Е. И. Демидовой, В. Я. Романченко, Н. В. Шалаевой. – Саратов : Амирит, 2016. – С. 20–25.
5. **Романченко, В. Я.** Крестьянская революция и двоевластие в российской деревне (весна-осень 1917 г.) / В. Я. Романченко // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2017. – № 1. – С. 148–159.
6. **Романченко, В. Я.** Великая русская революция как политический процесс (О некоторых методологических подходах) / В. Я. Романченко // Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. : монография / под ред. Е. Б. Дудниковой, В. Я. Романченко, Н. В. Шалаевой. – Саратов : Центр социальных агроинноваций СГАУ, 2018. – 321 с.
7. **Данилов, В. П.** Крестьянская революция в России 1902–1922 гг. / В. П. Данилов // Крестьяне и власть : материалы конф. – Москва ; Тамбов : ИПЦ ТГТУ, 1996. – С. 4–24.
8. **Сафонов, А. А.** Крестьянская община и советская власть: к вопросу о роли общины в жизни послеоктябрьской деревни (на материалах Тамбовской губернии) / А. А. Сафонов // Крестьяне и власть : материалы конф. – Москва ; Тамбов : ИПЦ ТГТУ, 1996. – С. 115–132.
9. **Савельев, С. И.** Советская социальная политика в деревне 1917 г. – начала 1930-х гг. и ее результаты (На материалах Нижнего Поволжья) / С. И. Савельев. – Саратов : Саратовский ГАУ, 2004. – 246 с.
10. **Кознова, И. Е.** Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции / И. Е. Кознова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 33–43.
11. **Галин, В. В.** Тенденции. Война и революция / В. В. Галин. – Москва : Алгоритм, 2004. – 590 с.
12. Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник. – Москва : Финансы и статистика, 1982. – 623 с.
13. **Милюков, П. Н.** Россия на переломе. Большевицкий период русской революции : в 2 т. Т. 2: Антибольшевистское движение / П. В. Милюков. – Париж, 1927. – URL: <http://revolution.rhga.ru/section/sobitiya-revolucii/rossiya-na-perelome-bolshevistskiy-period-russkoy-revolutsii-fragment.html> (дата обращения: 20.09.2019).

References

1. Romanchenko V. Ya. *Sovremennoe gumanitarnoe znanie: problemy metodologii i istoriografii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Modern humanitarian knowledge: methodological and historiographic issues]. Saratov: Nauka, 2007, pp. 19–36. [In Russian]

2. Romanchenko V. Ya. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. tr. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii»* [Stalinism and peasantry: collected articles and proceedings of a theoretical seminar "The peasantry question in the Russian and world history"]. Moscow: Ippolit, 2014, pp. 179–192. [In Russian]
3. Romanchenko V. Ya. *Russkoe krest'yanstvo i Pervaya mirovaya voyna: sb. nauch. st.* [Russian peasantry and the First World War: collected articles]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2016, pp. 357–371. [In Russian]
4. Romanchenko V. Ya. *Rossiia – SSSR – RF v usloviyakh reform i revolyutsiy. XX–XXI vv.: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Russia – the USSR – the RF during reforms and revolutions. The 20th–21st centuries: proceedings of an international scientific conference]. Saratov: Amirit, 2016, pp. 20–25. [In Russian]
5. Romanchenko V. Ya. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [The yearbook on the agrarian history of Eastern Europe]. 2017, no. 1, pp. 148–159. [In Russian]
6. Romanchenko V. Ya. *Rossiia i mir v prostranstve global'nykh potryaseniy i novogo mirooustroystva. XX–XXI vv.: monografiya* [Russian and the world at global shocking events and a new world order. The 20th–21st centuries: monograph]. Saratov: Tsentr sotsial'nykh agroinnovatsiy SGAU, 2018, 321 p. [In Russian]
7. Danilov V. P. *Krest'yane i vlast': materialy konf.* [Peasants and the authority: conference proceedings]. Moscow; Tambov: IPTs TGTU, 1996, pp. 4–24. [In Russian]
8. Safonov A. A. *Krest'yane i vlast': materialy konf.* [Peasants and the authority: conference proceedings]. Moscow; Tambov: IPTs TGTU, 1996, pp. 115–132. [In Russian]
9. Savel'ev S. I. *Sovetskaya sotsial'naya politika v derevne 1917 g. – nachala 1930-kh gg. i ee rezul'taty (Na materialakh Nizhnego Povolzh'ya)* [The Soviet social policy in the village in 1917 – the early 1930s and its results]. Saratov: Saratovskiy GAU, 2004, 246 p. [In Russian]
10. Koznova I. E. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2018, no. 3 (47), pp. 33–43. [In Russian]
11. Galin V. V. *Tendentsii. Voyna i revolyutsiya* [Tendencies. The war and revolution]. Moscow: Algoritm, 2004, 590 p. [In Russian]
12. *Narodnoe khozyaystvo SSSR. 1922–1982. Yubileynyy statisticheskiy ezhegodnik* [The national economy of the USSR. 1922–1982. Anniversary statistical yearbook]. Moscow: Finansy i statistika, 1982, 623 p. [In Russian]
13. Milyukov P. N. *Rossiia na perelome. Bol'shevistskiy period russkoy revolyutsii: v 2 t. T. 2: Antibol'shevistskoe dvizhenie* [Russia at the turning point. The Bolsheviks period of the Russian revolution: in 2 volumes. Vol. 2: the Antibolsheviks movement]. Parizh, 1927. Available at: <http://revolution.rhga.ru/section/sobitiya-revolucii/rossiya-na-perelome-bolshevistskiy-period-russkoy-revolutsii-fragment.html> (accessed Sept. 20, 2019). [In Russian]

Романченко Валерий Яковлевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра социально-правовых
и гуманитарно-педагогических наук,
Саратовский государственный аграрный
университет имени Н. И. Вавилова
(Россия, г. Саратов, Театральная
площадь, 1)

E-mail: romanvja@yandex.ru

Romanchenko Valeriy Yakovlevich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of social-legal and
humanitarian-pedagogical sciences,
Saratov State Vavilov Agrarian University
(1 Teatralnaya square, Saratov, Russia)

Образец цитирования:

Романченко, В. Я. К вопросу об этапах крестьянской и аграрной революции в России / В. Я. Романченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 35–46. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-4.

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

ДВЕ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ЯКОВА ВАСИЛЬЕВИЧА ГЛИНКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Предметом настоящей статьи является реконструкция биографии видного государственного деятеля имперской России, а в советскую эпоху театрального художника Якова Васильевича Глинки. Анализ жизненного пути начальника канцелярии Государственной думы и сенатора представляет возможность воссоздать основные этапы его карьеры в Правительствующем сенате и в канцелярии Первого российского парламента. Реконструкция осуществлена на основе комплекса источников: дневника и воспоминаний Я. В. Глинки, архивных документов и других материалов, что позволило показать его чувства и эмоции, возникающие в ходе общения с председателями Государственной думы, выявить оценки деятельности государственных деятелей думской эпохи и периода Великой российской революции. Предпринята попытка анализа социально-психологического состояния Я. В. Глинки в условиях революционного хаоса и Гражданской войны. Отмечено, что для сохранения семьи и духовных ценностей, выживания в условиях реализации социалистического эксперимента он вынужден был осваивать новые социальные и производственные практики.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили «Дневник и воспоминания» Я. В. Глинки, воспоминания ульяновского художника Н. Ф. Митрофанова и интернет-ресурсы. Анализ этих документальных материалов с использованием историко-биографического метода дает возможность внести существенные коррективы при реконструкции деятельности Государственной думы. Методы персональной и социокультурной истории, микроистории использованы для того, чтобы вписать жизнь отдельной личности в канву социальных трансформаций: служебной деятельности и повседневной действительности, показать «личностный взгляд» на исторические события начала XX в.

Результаты. В статье дана оценка эффективности деятельности Я. В. Глинки в организации работы Первого российского парламента. Отмечается, что в его дневниковых записях содержится большой резервуар ценной исторической информации о функционировании Первого российского парламента начала XX столетия. Дан анализ взаимоотношений автора «Дневника и воспоминаний» с председателями Государственных дум, а также приведена оценка их деятельности. Свидетельства весьма осведомленного чиновника, находящегося в гуще думских страстей, позволяют внести коррективы в портреты политических деятелей начала XX в., таких как А. И. Гучков, М. В. Родзянко, П. А. Столыпин, А. Ф. Керенский и др. Блестящая карьера действительного статского советника и сенатора была прервана Великой российской революцией 1917 г. В условиях революционного хаоса и Гражданской войны он сумел выжить, спасти семью и начать карьеру художника в советских театрах.

Реконструкция ульяновского периода жизни Я. В. Глинки и членов его семьи позволила воссоздать картину повседневной жизни Глинки в условиях реализации социалистического проекта.

Выводы. Сформулирован вывод о том, что в ульяновский период жизни (1938–1950) российский государственный деятель и театральный художник сумел не только освоить новые социальные практики, сохранить семью и дневник, но и завершить работу над своими воспоминаниями. Научная значимость нарративов Я. В. Глинки несомненно необходима для воссоздания панорамы политической истории Российской империи начала XX в. и Великой российской революции. Научная значимость реконструкции биографии Я. В. Глинки состоит в том, чтобы описать один из возможных путей выживания представителя первенствующего сословия Российской империи в условиях экстрима советской эпохи.

Ключевые слова: история повседневности, Я. В. Глинка, государственный деятель, театральный художник, Государственная дума.

P. S. Kabytov, E. P. Barinova

TWO LIVES OF A STATE OFFICIAL YAKOV VASILYEVICH GLINKA

Abstract.

Background. The subject of this article is the reconstruction of the biography of a prominent statesman of imperial Russia, and in the Soviet era – theatrical artist Yakov Vasilyevich Glinka. An analysis of the life path of the head of the State Duma Chancellery and the Senator provides an opportunity to recreate the main stages of his career in the Government Senate and in the Chancellery of the First Russian Parliament. The reconstruction was carried out on the basis of a set of sources: the diary and memoirs of Ya. V. Glinka, archival documents and other materials, which made it possible to show his feelings and emotions arising in the course of communication with the chairmen of the State Duma, to identify assessments of the activities of state figures of the Duma era and the period of the Great Russian Revolution. An attempt was made to analyze the social and psychological state of Ya. V. Glinka in the conditions of revolutionary chaos and the Civil War. It is noted that in order to preserve the family and spiritual values, to survive under the conditions of the implementation of the socialist experiment, he was forced to master new social and industrial practices.

Materials and methods. The source base of the research was “The Diary and Memoirs” by Ya. V. Glinka, memoirs of an artist from Ulyanovsk N. F. Mitrofanov and Internet resources. The analysis of these documentary materials using the historical and biographical method makes it possible to make significant adjustments in the reconstruction of the activities of the State Duma. The methods of personal and socio-cultural history and microhistory were applied to weave the life of an individual into the fabric of social transformations: official activity and everyday reality, to show a “personal view” of historical events at the beginning of the 20th century.

Results. The article assesses the effectiveness of Ya. V. Glinka’s activities in organizing the work of the First Russian Parliament. It is noted that his diary entries contain a large pool of valuable historical information about the functioning of the First Russian Parliament at the beginning of the 20th century. An analysis of the relationship between the author of the “Diary and Memoirs” and the chairmen of the State Duma is given, as well as an assessment of their activities. The testimony of a very knowledgeable official, who is in the midst of the Duma passions, makes it

possible to make adjustments to the portraits of political figures of the early 20th century, such as A. I. Guchkov, M. V. Rodzianko, P. A. Stolypin, A. F. Kerensky and others. The brilliant career of the real councilor of the State and senator was interrupted by the Great Russian Revolution of 1917. In the conditions of revolutionary chaos and the Civil War, he managed to survive, save his family and start a career as an artist in Soviet theaters. The reconstruction of the Ulyanovsk period of life of Ya. V. Glinka and members of his family made it possible to recreate the picture of Glinka's everyday life in the context of the implementation of the socialist project.

Conclusions. A conclusion is derived that during the Ulyanovsk period of his life (1938–1950) the Russian statesman and theatrical artist managed not only to master new social practices, keep his family and diary, but also to complete work on his memories. The scientific significance of Ya. V. Glinka's narratives is undoubtedly necessary to recreate the panorama of the political history of the Russian Empire in the early 20th century and the Great Russian Revolution. The scientific significance of the reconstruction of the biography of Ya. V. Glinka consists in describing one of the possible ways of survival of a representative of the elite estate of the Russian Empire in the extreme conditions of the Soviet era.

Keywords: history of everyday life, Ya. V. Glinka, statesman, theater artist, State Duma.

1. Историографический дискурс трансформации биографии Я. В. Глинки в глобальных событиях XX в.

Современные биографические исследования преследуют цель вписать жизнь отдельной личности в канву трансформаций служебной и повседневной действительности. Авторы исследований стремятся не только проследить жизненный путь и деятельность той или иной личности, но и реконструировать повседневные практики, переживания, ментальные установки социальных субъектов. Применение междисциплинарных подходов и методов позволяет выявить значение декларируемых этических норм, идеологических установок и традиций в социальном поведении. Исследователи стремятся показать, как в реальной жизни проявлялись модели воспитания, как соотносились нравственные идеалы и повседневная реальность – «жизнь заурядная». Вектор исследовательского интереса связан с реконструкцией изменений, происходящих во внутреннем мире и ценностных ориентациях человека. Выявляется воздействие власти и общества на поведенческие программы, повседневность и коммуникацию. В этом плане особенно интересно проследить трансформацию поведения и мировоззрения личности на изломе эпохи – в годы Великой российской революции, Гражданской войны – и дальнейшую адаптацию к новым социальным реалиям.

В биографии государственного деятеля Российской империи Я. В. Глинки все еще имеются пробелы. Во вступительной статье Б. М. Витенберга к опубликованному в 2001 г. нарративу «Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания» достаточно подробно описаны вехи дореволюционной биографии мемуариста. Краткие биографические данные приведены в энциклопедии «Государственная Дума России» [1, с. 55]. Так или иначе о деятельности Я. В. Глинки упоминают исследователи российского парламентаризма, хорошо знакомые с мемуарным наследием бесменного летописца деятельности государственных дум [2, 3]. Но чаще всего они лишь иногда цитируют его высказывания о том или ином члене Государ-

ственной думы или министре [4, с. 23, 28, 30, 31]. Дневниковые записи Я. В. Глинки являются незаменимым источником для характеристики основных этапов истории создания и деятельности архива Государственной думы [5] и описания деятельности российского парламента [6, с. 295–303].

Как это ни парадоксально, но лишь сравнительно недавно появились публикации, посвященные различным сюжетам отечественной истории, где встречаются фрагментарные упоминания о деятельности и жизни Я. В. Глинки в эпоху революционных перемен 1917 г. – о его участии в событиях первых дней Февральской революции и записи первых двух журналов заседаний Временного правительства [7, с. 38, 39; 8, с. 30]; а также его участии в выборах в Украинское учредительное собрание [9, с. 152].

И все же большая часть ценнейшей исторической информации, представленной в его дневниковых записях, фактически до сих пор не введена исследователями в научный оборот. Дневниковые записи и мемуары Я. В. Глинки позволяют не только представить и оценить масштаб его деятельности, но и постичь целеполагание и смысл поступков героев исторического процесса. Свидетельства весьма осведомленного чиновника, находящегося в гуще думских страстей, позволяют внести коррективы в портреты политических деятелей начала XX в.

Повседневная жизнь Я. В. Глинки в условиях строительства советского общества также нуждается в дополнительном изучении. И, конечно, весьма важной задачей, на наш взгляд, является изучение его коммуникативных связей с личным окружением, властными структурами как в дореволюционный период, так и в период советской эпохи.

2. Восхождение: думский летописец

Яков Васильевич Глинка принадлежал к одному из старинных известных дворянских родов Российской империи, родоначальником которого был польский дворянин Виктор-Владислав Глинка. Многие из представителей этого рода, исполняя воинский долг, верой и правдой служили России [10, с. 128–135]. Предки Глинки проживали в Смоленской губернии и достаточно поздно, в начале XIX в., перешли из католичества в православие. Я. В. Глинка родился 19 мая 1870 г. в Житомире и был первым сыном в семье государственного деятеля, тайного советника Василия Матвеевича Глинки и Софьи Яковлевны Глинки (урожденной Молчановой). Его отец – В. М. Глинка (09 (21) марта 1836 г. – 05 (18) июня 1902 г.) – обучался в Первом кадетском корпусе, служил в действующей армии, в 1864 г. уволился с военной службы в чине штабс-капитана. Гражданскую службу он начал в Житомире, где зарекомендовал себя деятельным чиновником. А потому его карьера стремительно пошла в гору: в 1879 г. он становится подольским вице-губернатором, затем волынским вице-губернатором. В 1885 г. его назначили подольским губернатором. Успешно он работал в качестве члена Совета министра внутренних дел (1892–1902). В семье В. М. Глинки и С. Я. Глинки было три сына и дочь.

Яков Васильевич Глинка прожил две жизни. Первая, дореволюционная, складывалась для него весьма удачно. В 1895 г. он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Его послужной список начался с должности в Государственной канцелярии, которая вела дела Государст-

венного совета Российской империи. Яков Васильевич в своих мемуарах писал о том, что «государственная канцелярия представляла из себя нечто вроде гражданской гвардии» и многие из причисленных к канцелярии «не искали штатных должностей», лишь изредка появлялись на службе и проживали постоянно в имениях или за границей [11, с. 42]. Напротив, он стремился построить карьеру, поэтому уже в 1899 г. занял первую должность, а к 1905 г. продвинулся по служебной лестнице до старшего делопроизводителя отделения законов Государственной канцелярии. Автор вступительной статьи к воспоминаниям и дневнику Я. В. Глинки Б. М. Витенберг приводит довольно полные данные о государственной службе Глинки, которой было отдано 22 года, и юридической службе в аппарате Государственного совета, а затем в канцелярии Государственной думы, которую он фактически возглавлял [12, с. 171–195].

В 1906 г. Я. В. Глинка был направлен на работу для ведения делопроизводства в I Государственную думу. Он начал свою карьеру в Таврическом дворце с исполнения обязанностей помощника думского пристава. Но вскоре деятельного чиновника заметил председатель Думы С. А. Муромцев, который после разговора с ним предложил стать его секретарем. Глинка с большим уважением отзывался о деловых личностных качествах Муромцева. Он настолько завоевал доверие председателя Думы, что тот «деспотически не отпускал» его с работы [12, с. 44]. В июле 1906 г., находясь в отпуске в связи с рождением у него дочери, он получил встревожившее его известие о роспуске Государственной думы и об участии Муромцева в подписании Выборгского воззвания. Глинка, как и многие либералы того времени, предполагал, что роспуск дум всколыхнет всю страну, и ждал новых революционных потрясений.

После роспусков I и II Государственной думы Глинка возглавлял временные канцелярии Первого российского парламента, сотрудники которых обрабатывали накопленную документацию между созывами Дум. Позднее в воспоминаниях он писал о том, что значительное количество документов первой Государственной думы было уничтожено, так как они могли «дать почву для преследования отдельных членов Думы». «Никто не думал, – с горечью отмечал он, – что будущему историку этот материал будет необходим». И далее он продолжал: «Когда я принял дела, то действительно многие из них состояли из одних обложек» [12, с. 45]. Фактически ему и его подчиненным пришлось заново создавать документальную базу, а затем вести эффективное документальное обеспечение деятельности III и VI Государственных дум.

В 1907 г. Глинка был одним из инициаторов организации Канцелярии Государственной думы как самостоятельного государственного учреждения. Он составил программу реорганизации думского аппарата, предусматривающую привлечение квалифицированных специалистов из числа государственных чиновников для работы в Думе. В июле 1908 г. он стал начальником одного из трех отделений Канцелярии Государственной думы – Общего собрания. На протяжении всех следующих лет работы Думы Глинка выполнял роль советника и ассистента всех председателей III и IV Государственных дум. Он обладал широчайшими полномочиями: осуществлял подбор и анализ информации, необходимой председателям; обеспечивал председателя во вре-

мя заседаний Думы всеми необходимыми документами. По-видимому, Яков Васильевич имел природный дар располагать людей к себе, обладал способностью убеждения, что позволило ему установить доверительные отношения с председателями Думы Н. А. Хомяковым, А. И. Гучковым и М. В. Родзянко. Уникальность деятельности Глинки заключалась в том, что он оказывал существенное влияние на деятельность Думы. Он был опытным специалистом в области государственного права, знатоком парламентских прецедентов и традиций, мог активно выступать в качестве арбитра при возникновении и решении конфликтных ситуаций.

Сознавая историческое значение своего участия в Государственной думе, в марте 1910 г. Глинка начинает вести дневник, в котором представлены емкие и образные характеристики парламентских событий и думских деятелей. Они существенно дополняют делопроизводственную переписку и стенограммы думских заседаний, что позволяет полнее воссоздать панораму политической жизни Российской империи, не только показать биение ее пульса, но и внести существенные коррективы при создании исторических портретов – характеристик некоторых политических и государственных деятелей начала XX столетия. Образную характеристику, которая отражает и личностные оценки Глинки, он дал будущему российскому премьер-министру А. Ф. Керенскому: «Неврастеник, адвокат по профессии, [он] горячо произносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюной. Многие считали его кретином» [12, с. 183].

На страницах воспоминаний и дневника представлены весьма яркие описания многих личностей, которые оставили яркий след в политической жизни Российской империи. Иногда они представлены протокольно в виде одной или двух-трех фраз. Зачастую он дает более обширную информацию, что позволяет увидеть динамику изменений представлений Глинки по мере совместной работы с тем или иным политическим деятелем. И те и другие суждения и оценки автора «Дневника» позволяют восполнить пробелы и лакуны в исторических портретах деятелей эпохи Думской монархии. Особое значение приобретают его яркие характеристики председателей III Государственной думы, например одного из них – А. Н. Хомякова, которого, по мнению Глинки, накануне своей отставки выводило из равновесия небрежное отношение правительства к Думе, а фамилию Столыпина без раздражения он «говорить не мог» [12, с. 56].

Дневник Глинки обладает высокой информативной емкостью и содержит ценные наблюдения о деятельности лидера октябристов А. И. Гучкова, который был избран председателем III Государственной думы. Судя по дневниковым записям, поначалу Гучков произвел на Глинку положительное впечатление. «Я знал его за сухого и очень скрытного человека, поэтому тон нашей беседы превзошел мои ожидания... так как у него есть план работ и при его железной воле можно кое-чего и достигнуть» [12, с. 59]. Так же высоко оценивает Глинка работу Гучкова в качестве председательствующего на первом заседании Думы. Он констатирует: «Гучков никому не дает говорить лишнего. Он удивительно схватывает суть дела и никогда не отклоняется в сторону» [12, с. 62]. Но затем он отмечает смену настроений депутатов Думы. И с большим сожалением пишет о том, как в думской среде нарастает

разочарование Гучковым, который не способен обуздать «разнузданные» думские нравы. Автор дневника говорит о формах коммуникативных связей между председателем Думы и высшими правительственными чиновниками. Так, Глинка не мог не заметить, как Гучков в своем кабинете «на крошечного формата листочках пишет и все пишет» П. А. Столыпину и министрам [11, с. 71]. Далее он делает вывод о том, что Гучков «не предпринимает ни одного шага без совета со Столыпиным» [11, с. 80]. И, конечно, весьма значима информация Глинки о социально-психологической ситуации в Думе в марте 1911 г. в связи с отклонением Государственным советом закона о введении земства в западных губерниях России. Так же эмоционально окрашены и сюжеты, связанные с гибелью П. А. Столыпина в Киеве и избранием на пост председателя III Государственной думы М. В. Родзянко.

В дневнике Глинки приводится множество деталей повседневной жизни депутатов Государственной думы. Особенно впечатляют его записи периода Первой мировой войны, в которых содержится ценнейшая информация о росте оппозиционных настроений в думской среде, а также о бессилии власти и Думы накануне и в первые дни Февральской революции. Не менее значимы его оценки министров Временного правительства, которые содержатся в его «Воспоминаниях о Февральской революции и последующем жизненном пути». Глинка сообщает, что он «был свидетелем его [Керенского – авт.] восторга по случаю его назначения военным министром». Далее, говоря о министрах Временного правительства, Глинка с недоумением пишет о том, что, получив в свои руки власть, они не сумели вывести государственный корабль из революционного хаоса: «Чем руководились, о чем мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди, ничтожные, не способны были создать что-либо положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твердой волей и могучим порывом сметет все старое до основания, чтобы строить новую жизнь» [11, с. 184].

В 1913 г. Глинка был удостоен чина действительного статского советника. В марте 1916 г. в тандеме с А. А. Клоповым он составляет записку на имя императора Николая II, в которой авторы советуют монарху ввести ответственное перед Думой министерство. Эта записка Клоповым была представлена императору Николаю II в октябре 1916 г. После Февральской революции 2 марта 1917 г. Глинка был назначен управляющим делами Временного комитета Государственной думы. Тогда же ему предложили занять и пост управляющего делами Временного правительства, от которого он отказался [5, с. 34]. После фактического прекращения работы Думы и всех ее учреждений, с 1 мая 1917 г. назначен сенатором Первого департамента Сената. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что Глинка входил в состав государственной элиты Российской империи начала XX в. Но эта блестящая карьера была прервана Октябрьским переворотом, и для Глинки начинается совершенно иная – вторая жизнь.

3. Падение в бездну. Новая жизнь

Российский дворянин, действительный статский советник и сенатор вынужден был буквально выживать в условиях Великой смуты начала XX в. и осваивать новые социальные практики. Ценой невероятных усилий он смог

преодолеть жизненные невзгоды. В период пика революционного хаоса он переехал из Петрограда вместе с семьей в родовое имение (хутор), которое находилось вблизи Житомира. В декабре 1917 г. Глинка совместно с В. В. Шульгиным возглавлял список «от православных приходов и хлеборобов» Волынской губернии на выборах в Украинское учредительное собрание. «Мы пережили, – пишет Глинка в воспоминаниях, – там жуткий бандитизм в связи с оставлением войсками фронта, Украинскую раду, нашествие немцев гетмана Скоропадского» [11, с. 184]. Весьма впечатляют сведения о том, как в его имение явились представители советской власти и отобрали у семьи имущество, наделив семью Глинки 8 десятинами земли. Эти кошмарные события глубоко врезались в память бывшего сенатора, который вспоминал день конфискации имения как один из самых мрачных дней своей жизни. В воспоминаниях ульяновского театрального художника Н. Ф. Митрофанова «О театре» завуалировано говорится о тех бедствиях, которые пережила семья Глинки в этот период. Он отмечал, что «все обошлось хорошо и Я. В. был не тронут и не оскорблен». И далее была сделана приписка: «так же и все семейные» [13, д. 3, л. 5].

В эти трагические годы Глинка сделал все для того, чтобы спасти семью. В период Гражданской войны ему пришлось работать землекопом, плотником, рабочим сцены. Жизнь преподнесла ему сюрприз. Однажды он принимал участие в оформлении спектаклей. И вдруг у него неожиданно обнаружился талант художника. Позднее он отмечал в своих воспоминаниях: «С этого момента начинается моя вторая жизнь, ничего общего не имеющая с моей прежней деятельностью. Я вступаю в семью артистов и всей душой отдаюсь искусству. Я обрел свое призвание» [11, с. 187].

Он принял решение уйти «в театр “за кулисы”, подальше от людей» [13, д. 3, л. 3]. И тем самым он спас не только себя, но и свою семью. Б. М. Витенберг, да и сам мемуарист Глинка перечисляют города, в театрах которых работал бывший действительный статский советник. Это Житомир, Днепропетровск, Москва, Ленинград, Сталинград, Киев, Одесса, Новосибирск, Краснодар, Алма-Ата, Севастополь, Воронеж. В характеристике, выданной комитетом музыкальной комедии города Прокопьевска 8 февраля 1935 г., отмечается, что он работал художником в театрах еврейской, украинской и русской драмы. Об ульяновском периоде жизни Глинки у Витенберга говорится весьма лапидарно [14, с. 5, 36]. В статье В. М. Костягиной приведены новые данные о жизни Глинки в Ульяновске [15, с. 434–443].

Материалы из архива Д. И. Архангельского, в фонде которого отложились воспоминания художника-оформителя Н. Ф. Митрофанова, позволяют более рельефно показать последние годы жизни Глинки. Яков Васильевич Глинка переехал в Ульяновск в августе 1938 г. Он устроился на должность главного художника Ульяновского областного драматического театра, где проработал 12 лет до своей смерти 10 августа 1950 г. В конце жизни он работал художником-постановщиком. Он оформил свыше 70 спектаклей, среди которых «Гибель эскадры», «Горе от ума», «Ревизор», «Ромео и Джульетта» и др. Никак не афишируя своей прежней жизни, он исподволь занимался подготовкой к изданию своего дневника и воспоминаний. В частности, в 1950 г. он написал «Воспоминания о Февральской революции и последующем жизненном пути», которые завершали последние дневниковые записи февраль-

ских революционных событий в Петрограде. Именно в ульяновский период жизни Глинка смог закончить работу над воспоминаниями. Он предполагал следующее: «[воспоминания]... помогут интересующимся этим периодом понять значение моих записей в дневнике, который я вел с 1910 г. до 27 февраля 1917 г., т.е. по день Февральской революции» [11, с. 53].

Встает вопрос: почему Глинка вел кочевую жизнь и нигде до Ульяновска не задерживался надолго? Вероятно, тем самым он спасал себя и свою семью от репрессий со стороны советской власти. К тому же он переезжал вместе с семьей, его дочь и зять были театральными артистами, поэтому, очевидно, он работал художником-оформителем в тех театрах, где они играли. И хотя в анкетах он всегда правдиво писал о своем происхождении и работе во властных структурах Российской империи, тем не менее у него, вероятно, срабатывал инстинкт самосохранения. Ведь младший брат Якова Васильевича – статский советник Петр Васильевич Глинка (1873/1874–1942) – в 1930-е гг. подвергся репрессиям, был арестован и приговорен к пяти годам ссылки в Уральске. Поэтому он не претендовал и на получение пенсии, его беспокоила потенциальная опасность причисления органами госбезопасности к «врагам», к «бывшим». Несмотря на то что он ничего предосудительного не делал, Глинка справедливо полагал, что не стоит напоминать власти о себе, потому вынужден был работать до последних дней своей жизни. К тому же, спасая себя, свою семью, он спасал и свои дневниковые записи, которые хранил как величайшую драгоценность. Вероятно, по этой же причине он переехал в 1938 г. на постоянное жительство в провинциальный Ульяновск.

Перед артистами и сотрудниками областного театра предстал внешне ничем не выделяющийся человек. По виду «обыкновенный сектант, – писал Н. Ф. Митрофанов, – из белоризцев, так как рубаха его была сурового полотна, длинная, вроде толстовки. Он был довольно стар, лет эдак, семидесяти или около этого, с палочкой, он был уже сед и, конечно, в очках при соломенном картузе» [13, д. 3, л. 2, 3]. Показательно, что Глинка талантливо умел глубоко прятать «смурное» настроение и меланхолию, которые не могли не овладевать им как в предвоенные годы, так и в период военного лихолетья. Ведь помимо тяжких испытаний в период войны он получил известие о том, что его сын Георгий (17.07.1908–22.10.1942), военный летчик, пропал без вести во время воздушного боя в 1942 г. [7, с. 441]. О своей прошлой жизни и государственной деятельности он только иногда скупно упоминал в разговорах со своим коллегой – художником Митрофановым, который был не только поражен незаурядной судьбой Глинки, но и восхищен его личностными качествами: «Прожить больше половины своей жизни барином, “его высокородием”, впитать в себя все привычки барской жизни и сразу очутиться пролетарием – это не каждому дано легко перенести. И все же Яков Васильевич справился с таким нелегким “превращением”». Он «свою веселость словно делал, – продолжал мемуарист далее, – на самом деле в его душе мрачное настроение жило всегда» [13, д. 3, л. 12].

Митрофанов отмечал, что жена Глинки несколько по-иному оценивала трансформацию социального статуса семьи. Жена Глинки – Елена Николаевна (25.12.1873–22.10.1966) – была дочерью коннозаводчика Петрова. Брак с Глинкой был заключен в 1898 г. Большая семья (у супругов родились три дочери и сын) отличалась разнообразием интересов. По свидетельству Митро-

фанова, вспоминая о своем былом материальном благополучии, она «со скрытым сожалением и негодованием» рассказывала о том, «что она раньше никогда даже не видела, как восходит солнце», так как все их большое помещичье хозяйство обрабатывали работники [13, л. 3, 4].

Своеобразной палочкой-выручалочкой для Глинки был труд. Он ухаживал одним из последних с работы, удивлял всех своей необычайной работоспособностью. По сути дела работа стала для него отдушиной в череде нелегких дней. Жизнь не сломила его. Он по-прежнему, несмотря на преклонный возраст, «был непомерно жив и словоохотлив, весел и остроумен, деликатен в обращении и внимателен ко всему» [13, л. 3]. Он любил петь во время работы, но вся его песня состояла из одной фразы: «А счастье так было возможно!». Он владел большим даром располагать к себе не только артистов многочисленных театров, но и своих коллег и ближайших сотрудников. По свидетельству Митрофанова, ничто не приводило Глинку в уныние, «а если и были у него в душе грустные мысли, он умел глубоко скрывать свою грусть от людей» [13, л. 6, 14]. И, являясь настоящим российским интеллигентом, был вежлив и галантен по отношению к дамам, замужним актрисам театра. Более того, Глинка, несмотря на преклонный возраст, мог иногда разыграть роль влюбленного и «приволочиться» за понравившейся ему актрисой. Так что многие работники театра осуждали Глинку за эти «увлечения» и жалели его жену, вынужденную терпеть влюбленности мужа. Характеризуя семейную жизнь Глинки, Митрофанов указывал, что Яков Васильевич был оптимистом, позиционировал себя в глазах окружающих как «героя-храбреца» и «частенько бравировал». Говоря о его жене, Митрофанов отмечал ее здравый смысл и правдивость. Семейный союз был основан на взаимной любви, дружбе и нежности. Даже ссорясь, они называли друг друга нежными прозвищами. Глинка говорил «ты не права Люлюшенька», на что Елена Николаевна возражала: «Нет, Жако, ты не прав!» [13, л. 11]. Жили они вдвоем в одной комнате, взрослые дочери к этому времени уже покинули семейное гнездо. Глинка умер от кровоизлияния в мозг (по свидетельству Митрофанова последние полгода у него были частые сердечные приступы) во время участия в работе общегородского собрания работников искусств 10 августа 1950 г. После его смерти Елена Николаевна уехала со старшей дочерью в Магнитогорск.

Старшая дочь Татьяна Яковлевна Гремина (02.03.1898–22.11.1985) была актрисой, играла в драматическом театре. Была замужем за заслуженным артистом РСФСР, актером и режиссером Дмитрием Орестовичем Козловским (26.05.1897–15.01.1976). В послевоенные годы они работали в профессиональных театрах Астрахани, Казани, Омска, Пензы, Ярославля. В августе 1950 г. семья приехала в Магнитогорск, где Козловский стал режиссером магнитогорского драматического театра. Д. О. Козловский и Т. Я. Гремина похоронены в Магнитогорске, также как и вдова Я. В. Глинки.

Вторая дочь Ольга Яковлевна (27.08.1904–17.08.1996) – детский врач, жила в Москве, была замужем за авиаинженером Николаем Владимировичем Шмигельским (23.09.1900–04.03.1990). Ей после смерти отца перешел его документальный архив. Она сделала первые попытки расшифровать текст дневника. Потомки Якова Васильевича Глинки бережно хранят архив своего деда и оказали неоценимую помощь Б. М. Витенбергу при публикации его дневника [2, с. 36, 37].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что Я. В. Глинка прожил интересную, полную драматизма жизнь, в которой был феерический карьерный взлет на государственной службе в Первом российском парламенте. И, несмотря на падение в бездну во время революции, он смог выстоять и в новых условиях успешно реализовать неожиданно открывшийся у него талант художника в театрах новой советской империи. Кроме того, «Дневник и воспоминания» Я. В. Глинки являются уникальным источником по изучению политической истории Российской империи начала XX в. И то, что яркий представитель первенствующего сословия, сенатор Я. В. Глинка сумел адаптироваться к реалиям советского общества, сохранить свои записи в условиях кочевой жизни, несомненно, можно считать подвигом.

Библиографический список

1. **Соловьев, К. А.** Глинка Я. В. / К. А. Соловьев // Государственная Дума России : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917. – Москва : РОССПЭН, 2013. – С. 55.
2. **Соловьев, К. А.** История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества / К. А. Соловьев, В. В. Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 240 с.
3. **Демин, В. А.** Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования / В. А. Демин. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 214 с.
4. **Иванов, А. А.** «Дуэльные» казусы в преддверии революции: к истории травли главы МВД А. Д. Протопопова / А. А. Иванов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / отв. ред. А. Б. Николаев. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический ун-т имени А. И. Герцена, 2018. – С. 22–34.
5. **Черкасов, И. А.** Из истории архива Государственной думы (1907–1917 гг.) / И. А. Черкасов // Отечественные архивы. – 2013. – № 2. – С. 15–20.
6. **Раскин, Д. И.** Архивный фонд Государственной думы Российской империи: страницы истории / Д. И. Раскин, А. Р. Соколов, И. В. Мулина // Вестник архивиста. – 2015. – № 2. – С. 294–306.
7. **Николаев, А. Б.** Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. / А. Б. Николаев // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. : в 3 ч. / под ред. А. Б. Николаева. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический ун-т имени А. И. Герцена, 2017. – Ч. 2. – С. 17–42.
8. **Додонов, А. Ф.** Организация работы с документами во Временном правительстве России 1917 года / А. Ф. Додонов // Отечественные архивы. – 2017. – № 6. – С. 25–34.
9. **Чемакин, А. А.** Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) / А. А. Чемакин // Российская история. – 2019. – Вып. 5. – С. 132–158.
10. **Лобанов-Ростовский, А. Б.** Русская родословная книга : в 2 т. / А. Б. Лобанов-Ростовский. – Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1895. – Т. 1. – 465 с.
11. **Глинка, Я. В.** Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Я. В. Глинка. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 400 с.
12. **Витенберг, Б. М.** Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен / Б. М. Витенберг // Из глубины времен. – Санкт-Петербург, 1998. – Вып. 10. – С. 171–195.

13. Архив Ульяновского областного государственного автономного учреждения культуры «Ленинский мемориал». Ф. Д. И. Архангельского. Д. 3.
14. **Витенберг, Б. М.** Я. В. Глинка и его дневник / Б. М. Витенберг // Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Я. В. Глинка. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – С. 5–38.
15. **Костягина, В. М.** Некоторые страницы театральной жизни Симбирска – Ульяновска. По материалам архива Д. И. Архангельского / В. М. Костягина // «Живу и дышу родным городом» (по материалам архива Дмитрия Ивановича Архангельского). – Ульяновск : Вектор-С, 2009. – С. 434–443.

References

1. Solov'ev K. A. *Gosudarstvennaya Duma Rossii: entsiklopediya: v 2 t. T. 1. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii 1906–1917* [The State Duma of Russia: encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1. The State Duma of the Russian Empire 1906–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2013, p. 55. [In Russian]
2. Solov'ev K. A., Shelokhaev V. V. *Istoriya deyatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevol'yutsionnoy Rossii: sravnitel'nyy analiz traditsiy pravotvorchestva* [The history of functioning of the first State Dumas of pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of legislative traditions]. Moscow: ROSSPEN, 2013, 240 p. [In Russian]
3. Demin V. A. *Gosudarstvennaya дума Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya* [The State Duma of Russia (1906–1917): the functioning mechanism]. Moscow: ROSSPEN, 1996, 214 p. [In Russian]
4. Ivanov A. A. *Revol'yutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady* [The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views]. Saint-Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy un-t imeni A. I. Gertsena, 2018. pp. 22–34. [In Russian]
5. Cherkasov I. A. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2013, no. 2, pp. 15–20. [In Russian]
6. Raskin D. I., Sokolov A. R., Mulina I. V. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of archive keepers]. 2015, no. 2, pp. 294–306. [In Russian]
7. Nikolaev A. B. *Tavrisheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch. konf.: v 3 ch.* [Tavrisheskie reading 2016. Topical issues of parliamentarism: history and modern times: proceedings of an international scientific conference: in 3 parts]. Saint-Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy un-t imeni A. I. Gertsena, 2017, part. 2, pp. 17–42. [In Russian]
8. Dodonov A. F. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2017, no. 6, pp. 25–34. [In Russian]
9. Chemakin A. A. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2019, iss. 5, pp. 132–158. [In Russian]
10. Lobanov-Rostovskiy A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga: v 2 t.* [Russian genealogical book: in 2 volumes]. Saint-Petersburg: A. S. Suvorin, 1895, vol. 1, 465 p. [In Russian]
11. Glinka Ya. V. *Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoy Dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya* [Eleven years in the State Duma. 1906–1917: the Diary and memories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 400 p. [In Russian]
12. Vitenberg B. M. *Iz glubiny vremen* [From the depth of time]. Saint-Petersburg, 1998, iss. 10, pp. 171–195. [In Russian]
13. *Arkhiv Ul'yanovskogo oblastnogo gosudarstvennogo avtonomnogo uchrezhdeniya kul'tury «Leninskiy memorial». F. D. I. Arkhangel'skogo. D. 3.* [The archive of Ulyanovsk regional state autonomous cultural institution “Leninskie memorial”. Collection of D. I. Arkhangelskiy. Deposit 3]. [In Russian]
14. Vitenberg B. M. *Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoy Dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya* [Eleven years in the State Duma. 1906–1917: the Diary and memories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, pp. 5–38. [In Russian]

15. Kostyagina V. M. «Zhivu i dyshu rodnym gorodom» (po materialam arkhiva Dmitriya Ivanovicha Arkhangel'skogo) [“Living and breathing with the hometown” (by the materials from the archive of Dmitry Ivanovich Arkhangel'skiy)]. Ulyanovsk: Vektor-S, 2009, pp. 434–443. [In Russian]

Кабытов Петр Серафимович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской
истории, заслуженный деятель науки РФ,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Россия,
г. Самара, ул. Московское шоссе, 34)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Kabytov Petr Serafimovich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of Russian history,
honoured science worker of Russia, Samara
National Research University
(34 Moskovskoe highway, Samara,
Russia)

Баринаева Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории и
историографии, Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
ул. Московское шоссе, 34)

E-mail: rfz25@yandex.ru

Barinova Ekaterina Petrovna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history and
historiography, Samara National Research
University (34 Moskovskoe highway,
Samara, Russia)

Образец цитирования:

Кабытов, П. С. Две жизни государственного деятеля Якова Васильевича Глинки / П. С. Кабытов, Е. П. Баринаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 47–59. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-5.

«ЗАЕМ СВОБОДЫ» КАК ИНДИКАТОР ПРОВЛАСТНЫХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Выпущенный Временным правительством «Заем свободы» не только оказался яблоком раздора между политическими партиями, но и в очередной раз поставил на повестку дня вопрос, что такое патриотизм. Это понятие широко использовалось российскими властями ранее и будет использоваться в дальнейшем, и обращение к его анализу на основе конкретно-исторического материала не может не быть актуальным. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как различные политические партии относились к заему свободы и, в этой связи, какое содержание они вкладывали в понятие «патриотизм», с которым правительство связывало подписку на заем.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе данных из периодических изданий большевистской, меньшевистской, эсеровской и кадетской партий Саратовской, Самарской и Симбирской губерний. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить оценку «Заема свободы» различными политическими партиями и на этой основе выявить, что они понимали под таким значимым понятием, как «патриотизм».

Результаты. Исследовано отношение политических партий в Саратовской, Самарской и Симбирской губерний к проводимому Временным правительством «Заему свободы». Отношение к заему в свою очередь показывает их оценку Временного правительства и его политики, характера произошедшей революции, а также важнейшей морально-политической категории «патриотизм». Рассмотрены особенности пропаганды или анти-пропаганды «Заема свободы» различными политическими партиями.

Выводы. Изучение реакции политических партий региона на выпущенный Временным правительством «Заем свободы» позволило сделать вывод о том, что отношение к заему явилось важным элементом партийной деятельности весны 1917 г., что заем явился маркером, показывающим отношение партий к власти и проводимой ею политике, особенно в социальной сфере и по отношению к войне, а также к широко эксплуатировавшемуся понятию «патриотизм». Оказавшиеся после февраля 1917 г. на правом фланге партийного спектра кадеты поддерживали заем, а значит и Временное правительство, и продолжение войны, и экономическую политику в интересах бизнеса. Патриотизм для них состоял в том, чтобы поддержать власть и крепкое государство, разгромить вместе с союзниками Германию. Близкую позицию занимали эсеры-оборонцы. Меньшевики и эсеры центра поддерживали Временное правительство и выпущенный им заем, считая революцию буржуазной, они были против ломки буржуазного строя. Вместе с тем они критиковали бизнес за продолжающуюся эксплуатацию трудящихся классов и хищническую наживу за счет трудового народа. Большевики единственные выступили против заема, кото-

рый укрепил бы правительство и позволил ему продолжать войну и эксплуатировать неимущие слои населения. Патриотизм, с их точки зрения, заключался в борьбе за смену власти, немедленном завершении войны и переходе к более социальной политике.

Ключевые слова: заем свободы, Временное правительство, большевики, меньшевики, социалисты-революционеры, конституционные демократы.

V. N. Kuznetsov

**“LOAN OF LIBERTY” AS AN INDICATOR
OF A PRO-GOVERNMENTAL AND PATRIOTIC SENTIMENT
(BY THE MATERIALS OF THE MIDDLE AND LOWER
VOLGA REGION)**

Abstract.

Background. The Loan of Liberty issued by the Provisional Government turned out to be not only an apple of discord between political parties, but also once again put on the agenda the question: what is “patriotism”. This concept was widely used by the Russian authorities earlier and will be used in the future, and the appeal to its analysis on the basis of concrete historical materials cannot be but relevant. The purpose of the work is to show how various political parties related to the Loan of Liberty and, in this regard, what content they put into the concept of “patriotism”, with which the government associated the subscription to the Loan.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of data from periodicals of the Bolshevik, Menshevik, Socialist Revolutionary and Cadet parties of Saratov, Samara and Simbirsk provinces. The methodological potential includes a comparative historical method, the application of which allows us to compare the assessment of the “Loan of Liberty” with various political parties, and on this basis to reveal what they understood by such a significant concept as “patriotism”.

Results. The attitude of political parties in Saratov, Samara and Simbirsk provinces to the “Loan of Liberty” conducted by the Provisional Government is investigated. The attitude to the Loan, in turn, shows their assessment of the Provisional Government and its policies, the nature of the revolution, as well as the most important moral and political category of “patriotism”. The features of propaganda or anti-propaganda of the “Loan of Liberty” by various political parties are considered.

Conclusions. A study of the reaction of political parties in the region to the “Loan of Liberty” issued by the Provisional Government made it possible to conclude that the attitude to the Loan was an important element of party activity in the spring of 1917, and that the Loan was a marker showing the attitude of the parties to the government and its policies, especially in the social sphere and in relation to the war, as well as to the widely exploited concept of “patriotism”. Cadets who appeared after February 1917 on the right flank of the party spectrum supported the Loan, which meant the Provisional Government, the continuation of the war, and the economic policy in the interests of business as well. Patriotism for them was to maintain power and a strong state, defeat Germany along with the allies. A close position was occupied by the Socialist-Revolutionaries. The Mensheviks and Socialist-Revolutionaries of the center supported the Provisional Government and the Loan issued by it. Considering the revolution a bourgeois one, they were against breaking the bourgeois system. At the same time, they criticized business for the continued exploitation of the working classes and predatory profit at the expense of the working people. The Bolsheviks were the only ones opposing the Loan that would

strengthen the government and allow it to continue the war and exploit the poor. Patriotism, from their point of view, consisted in the struggle for a change of power, the immediate end of the war and the transition to a more social policy.

Keywords: Loan of Liberty, Provisional Government, Bolsheviks, Mensheviks, socialist revolutionaries, constitutional democrats.

Введение

Выдвижение исследовательской проблемы

Исследовательская проблема данной статьи состоит в том, чтобы, используя материал значительного по территории и политически важного региона, каким является Среднее и Нижнее Поволжье, ответить на вопрос, каким образом многообразие позиций политических партий по вопросу займа было связано с их отношением к политике Временного правительства и к пониманию понятия «патриотизм». В рамках этой исследовательской проблемы следует выяснить, что те или иные партии вкладывали в понятие «патриотизм» и от чего зависело его разное понимание.

Источник и методы

Разработка исследовательского вопроса реализуется с опорой на данные региональной партийной периодической печати весны 1917 г., где отражено отношение разных политических партий к проводимому займу, подписка на который правительством и проправительственными партиями трактовалась как проявление патриотизма. Не все были с этим согласны.

Автором использовались следующие методы: поиск источников по теме, анализ и сравнение полученных данных (сравнительно-исторический метод) с целью разрешения исследовательской проблемы путем создания цельной картины и формулирования доказательных выводов.

Полученные результаты

Образованное 2 марта 1917 г. Временное правительство сразу же столкнулось с серьезными финансовыми трудностями. Гигантских средств требовала продолжающаяся война. Для того чтобы получить новые средства, министр финансов М. И. Терещенко уже 15 марта 1917 г. выступает с предложением о выпуске займа, получившего название «Заем свободы», по которому планировалось собрать минимум 3 млрд руб.

Сразу же начинается широкая пропагандистская компания. Отношение к займу скоро вышло из области только экономической, став феноменом не только политическим, но и моральным. Заем стал индикатором отношения к Временному правительству, к войне (продолжать ее или немедленно прекращать), к пониманию патриотизма. Каждая политическая партия не могла не высказаться по вопросу займа и, следовательно, по означенным выше проблемам.

Правительство и поддерживающие его партии пропагандировали следующее: кто поддерживает заем, т.е. финансирует государство и армию, тот патриот. Казалось бы, все ясно, но ситуация оказывалась сложнее. Очевидным было то, что тяготы войны и военного времени распределены среди социальных слоев России совсем не равномерно. Основную тяжесть несло на

себе малоимущее население: крестьянство, рабочие и иная городская беднота. Именно они составляли основу армии, несли prodrazverstku, выплачивали неприподъемные налоги, выполняли тяжелый физический труд и страдали от инфляции и нехватки товаров. Бизнес и чиновничество жило совсем иной жизнью. Переложив тяготы войны на своих бедных соотечественников, они сколачивали новые состояния, приятно прожигали жизнь и громко кричали о патриотизме.

В идеале «Заем свободы», представлявший из себя денежное пожертвование государству с нескорой перспективой получения дивидендов, должен был бы раскупаться пропорционально состоянию физических и юридических лиц. В реальности этого не происходило. Имущие классы массового уклонялись от крупной подписки на заем, ограничиваясь в лучшем случае сравнительно мелкими суммами. Получалось, что опять тяжесть войны должны были нести и без того небогатые люди, в то время как крупный капитал вновь оказывался в выигрыше. В таком случае вставали вопросы: стоит ли «обычным» людям подписываться на заем, кто есть настоящий патриот, какова цена казенному патриотизму и чьи интересы защищает Временное правительство.

В апреле-мае стал широко обсуждаться вопрос о «Займе свободы». Если против миллиюковской ноты выступило большинство левых, если по вопросу о коалиции взгляды уже разделились, то вопрос о займе показал серьезные различия между большевиками и умеренными левыми. Можно сказать, что именно разногласия о займе и положили начало реальной и расширяющейся трещине между ними.

В условиях первоначальной популярности Временного правительства почти все партии с оговорками или без выступили в поддержку займа, а значит, и правительства. Единственной партией, отказавшей в поддержке Временному правительству, были большевики, о чем В. И. Ленин заявил в своих «Апрельских тезисах». Для них истинный патриотизм состоял не в продолжении войны, которая велась жизнями рабочих и крестьян ради сверхприбылей капитала, а в ее скорейшем завершении и в проведении социальной политики, в реальном улучшении качества жизни людей физического труда. По мнению В. И. Ленина и его сторонников, буржуазное по характеру Временное правительство в силу своей классовой природы принципиально не способно на проведение такой политики. Следовательно, никакой поддержки Временному правительству и никакой поддержки займу.

В Самаре 7 мая 1917 г. прошли собрания членов РСДРП(б) Городского и Железнодорожного районов, а также латышской организации, где обсуждались вопросы о коалиционном правительстве и «Займе свободы». Собрания высказались против займа и коалиции, а также, что логично, за пропаганду перехода власти к Советам и за организацию Красной гвардии. Не поддерживая правительство и заем, РСДРП(б) должна была представить альтернативу, что и было сделано в лице Советов. Подобное происходило также в Самаре и Царицыне. В Симбирске же отсутствие большевистской организации не дало им возможности высказаться по этому вопросу.

Меньшевики и эсеры не сразу определились с позицией относительно займа. Этот вопрос трижды обсуждался Исполнительным комитетом Петро-

градского совета 7, 15 и 22 апреля. На последнем из этих заседаний в поддержку займа проголосовали 33 депутата при 16 голосах против.

Самарская «Земля и воля», рассуждая о неприятном для эсеров росте численности и популярности большевиков, традиционно ругая В. И. Ленина, все же была вынуждена признать: «Положение в стране осложняется. В воздухе начинает пахнуть междоусобной войной. Как-то стало общим местом винить во всем этом ленинцев. Они – жупел, которым пугают всех, кто еще являются малолетними детьми в вопросах политики. Они же – козел отпущения, на которого сваливают все грехи и все ошибки. И никто не задается вопросом – почему же ленинцы начинают иметь успех теперь, тогда как в первое время революции их выступления не имели никакого отклика. Неужели только вследствие возвращения Ленина? Какое бы значение мы ни придавали его личности, все сводить к ней было бы близоруко. В основе начинающегося успеха ленинской пропаганды лежит расстройство нашего экономического быта, с которым до сих пор и в малой степени не смогло справиться Временное правительство. В основе – продолжающийся недостаток съестных припасов, полуголодное существование горожан, растущая безработица. И Временное правительство, несомненно, смогло бы сделать в улучшении нашего хозяйственного быта, в борьбе с хозяйственной разрухой гораздо больше, если бы не сдержанное, недоверчивое и холодное отношение к новому порядку нашей богатой буржуазии, наших капиталистических царей. Они не доверяют новому порядку. Они проваливают займ свободы. Они сдержанно относятся к развитию производства. Более того, при страшной дороговизне, при отсутствии всяких товаров у нас сокращают производство, закрывают фабрики, растет безработица. Капитал прячется. Это явление куда поважнее приезда Ленина. Такая политика капиталистов грозит свободе большими опасностями» [1].

Эта же газета опубликовала заметку «Военная сверхприбыль», где сохранилось конкретное доказательство грабежа народа бизнесом: «Вот суконная фабрика Акчурина. В мирное время она по опубликованным отчетам получила прибыль 65 000 руб., а в 1915 г. – 924 000. Вот какие барыши получают наши капиталисты. Но ведь это только “цветочки”, самые плоды остаются тайной предпринимательских карманов. И такая скрытая прибыль, нажитая исключительно на народном бедствии, у нас до сих пор остается необложенной. Так длиться не может. Правительство должно принять самые решительные меры» [2].

Как видим, эсеры, будучи соглашателями, пытались примирить непримиримое. С одной стороны, поддерживая заем, они поддерживали существующую власть, но, с другой стороны, они соглашались, что король-то голый, что казенный патриотизм – это лжепатриотизм, это всего лишь прикрытие для продолжающейся хищнической наживы капиталистов за счет народа.

Правые эсеры-оборонцы фактически солидаризировались с позицией правых сил, буржуазии и чиновничества. Они не просто вторили им, а прямо использовали их пропагандистский материал, как это, например, сделал печатный орган симбирских эсеров-оборонцев «Симбирская народная газета», которая из номера в номер печатала воззвание губернского комиссара А. Ф. Головинского: «Третий год войны. Третий год льется кровь на защиту нашей Родины. Третий год наши доблестные войска обороняют нашу Родину от

врага... Много денег стоит содержать армию. Каждый месяц война стоит не много не мало, как полтора миллиарда рублей. Откуда взять такие деньги? Где те источники, которыми может располагать Родина? Сборов, податей и других ее доходов хватает только для того, чтобы удовлетворить текущие повседневные нужды. Единственным источником, стало быть, получения нужных средств является заем. Сейчас идет подписка на “Заем свободы”. Это вопрос государственной важности, а вместе с тем и нашей общественной пользы. И каждый должен содействовать успеху займа, должен сам принять в нем участие и призвать к этому делу других. Помните, что каждое новое оружие, каждый лишний снаряд, изготовленные на ваши сбережения, приближает час победы, облегчая борьбу с хорошо подготовленным и вооруженным врагом, упорство которого уже заметно ослабевает. Кто любит Россию и свободу, кто желает победы нашему храброму воинству над врагом, тот не откажется дать на время займы государству свои сбережения. Это священный долг каждого из нас. Кто против займа, тот против свободы. Симбирский губернский комиссар Ф. Головинский» [3].

Акт патриотизма здесь отождествлялся с финансовой поддержкой государства, но при этом напрочь игнорировался вопрос о социальных обязательствах этого самого государства.

Меньшевики более трезво смотрели на заем и поддержку его обставляли рядом условий. Когда на заседании симбирской Городской думы 29 апреля кадет гласный Поляк предложил поддержать подписку на заем свободы, меньшевик Н. Н. Чебоксаров ответил в том смысле, что заем нужен, но он не должен служить наступательным целям на фронте и использоваться для порабощения народностей, а самое главное, Н. Н. Чебоксаров заявил, что заем должны покрыть имущие классы.

Более развернуто о том же писали выражавшие тогда точку зрения меньшевиков «Известия» Саратовского совета в статье «Буржуазные патриоты и “заем свободы”»: «Буржуазные газеты, партии и министры назойливо, “как мухи летом”, жужжат все об одном – о “войне до конца”, о “войне до победы”, о “войне до разгрома”. Особенно усердствует партия так называемой “народной свободы”, иначе кадетов. Их воззваниями, плакатами, летучками усердно оклеиваются стены домов и заборов во всем городе. Но так ли патриотичны эти господа на деле, как на словах? Всем известно, как отлынивают эти патриоты от службы в рядах армии. Кровь и слезы крикливые буржуазные патриоты предоставляют лить рабочим и крестьянам. Но, может быть, они иначе выполняют свой “патриотический” призыв “все для войны”? Ведь война требует денег, колоссального количества денег. У буржуазных патриотов деньги, безусловно, есть. Может быть, они деньгами выполняют свой долг перед Отечеством? Закладывают жен и детей? Да, они нашли денег, но только на взятки, на подкуп полиции и царских чиновников, чтобы освободиться от воинской повинности» [4].

В принципе, отсюда оставалось сделать только один шаг до позиции большевиков, категорически отвергших займ, но соглашатели его так и не сделали. 9 мая 1917 г. в Саратове состоялся митинг в поддержку «Заема свободы», на котором с этих позиций выступали меньшевики и народные социалисты.

Заему свободы было посвящено заседание Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов 28 апреля 1917 г. Докладчиком выступил меньшевик Д. К. Чертков: «Во время революции не всегда можно и нужно действовать по чувству. Иногда необходим холодный, расчетливый разум. Временное правительство является представителем либерального и имущего класса, которому революционная демократия после победы над старым строем передала власть. Это была не ошибка, не случайность, а трезвое решение. Мы могли свергнуть правительство, но взять управление в свои руки мы были не в силах, у нас нет еще достаточной организованности, нет тех знаний, сил и финансов, которые необходимы для удержания власти. Если мы признаем, что Временное правительство идет под нашим давлением, мы должны его поддержать, иных правительственных органов у нас в настоящее время нет, и мы дадим Временному правительству средства». Он предложил резолюцию в поддержку займа.

Докладчику возражали большевики. М. И. Васильев заявил: «Социалисты никогда не должны поддерживать Временное правительство, так как трудно от него ждать чего-либо хорошего для рабочих. Является опасение – не употребят ли они эти деньги на борьбу с революцией... Либералы, кричащие всюду о войне до победного конца, до сих пор дали лишь 415 млн. Необходимо конфискация средств монастырей, отобрать имущество у дома Романовых». Его поддержал другой большевик М. И. Хрынин: «Подписываясь под займом, рабочие подписываются под буржуазной политикой». Эсеро-меньшевистское большинство Совета поддержало заем. За резолюцию Д. К. Черткова с поправкой М. И. Васильева о конфискации монастырских земель и имущества дома Романовых проголосовали 189 человек, против высказались 21 [4].

В Самаре вопрос о займе рассматривался и на объединенном заседании Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, состоявшемся в середине мая 1917 г. Самарские большевики убеждали, что заем на руку буржуазии и его реализация нанесет непоправимый вред революции. Против них единым фронтом выступили эсеры, меньшевики, военные и крестьяне. 110 голосами против 25 собравшиеся приняли резолюцию, поддерживающую заем, в конце которой, однако, было сказано: «...в случае неуспеха займа, ответственность за последнее возлагается на имущие классы» [5]. Это добавление, безусловно, имело под собой почву: успех займа зависел от тех, кто всех больше ратовал за него, – от богатых людей. Их тысячи рублей, а не рубли низов должны были решить исход займа, и, как мы знаем, они и провалили заем.

То же было и в других Советах. В Царицыне на заседании Совета 30 апреля 1917 г. за займ высказались 80 депутатов, против 66. С оговорками поддержал займ Областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, принявший следующую резолюцию о займе: «Революции необходимы денежные средства для укрепления своих завоеваний и для обеспечения их защиты от нападения извне. Так как займ в настоящее время является одним из способов быстро добыть необходимые средства и так как неуспех внутреннего займа заставил бы революционное временное правительство либо стать путем внешнего займа еще в большую зависимость от империалистических кругов Франции и Англии, либо путем выпуска бумажных денег внести еще

большее расстройство в народное хозяйство. Поэтому областной съезд считает, что прямой обязанностью революционного пролетариата и армии является содействие финансированию русской революции. В то же время областной съезд требует немедленной нормировки прибыли и конфискации военной сверхприбыли за все время войны, скорейшего проведения коренной финансовой реформы, прогрессивного подоходного и имущественного налога» [6].

Здесь, как мы видим, выстраивается такая логическая цепочка, характерная для меньшевиков и эсеров: февральская революция есть революция буржуазная, следовательно, Временное правительство есть правительство революционное, значит, поддержка инициированного им займа – это поддержка революции, а поддержать революцию – это и есть патриотизм.

Антизаймовская позиция большевиков вызывала гневное возмущение правых. Кадетский «Саратовский вестник» опубликовал статью, где говорилось: «11 мая в Саратове был день займа “Займа свободы”. Весь революционный Саратов вышел на улицы, чтобы исполнить свой долг перед страной. Все жертвовали, сколько могли. В этом чистом благородном порыве соединились люди разных общественных категорий. Как же отнестись к этому порыву “Социал-демократ” (печатный орган большевиков)? Он ответил на него издевательством и глумлением: “Чувство недоумения охватило нас при виде этих сборщиков, собирающих подаяние для правительства, этих патриотических митингов-аукционов, на которых продавались часы, кресты и штаны “в пользу укрепления фронта и тыла”. Кресты, часы, штаны – это плевок в раскрывшуюся душу народа”» [7].

Правые, естественно, займ поддержали. Симбирский кадетский «Трудовой день», не уставая, призывал: «Свободные граждане, покупайте заем свободы! солдаты, в окопы! рабочие, к станкам!» Самарские кадеты принимали активное участие в комитете общественного содействия займу свободы. Так, 5 мая в «Триумфе» состоялась беседа членов комитета, в числе которых были кадеты В. А. Кудрявцев и С. И. Рошковский, с населением на темы займа.

Самарский кадетский «Волжский день» обратился даже к учащейся молодежи в статье «Заем свободы. К учащимся города Самары»: «Юные граждане! Тяжелое и тревожное время мы переживаем. Неслыханная опасность грозит нашему отечеству: его целостности, его свободе, его существованию. Бесчестный и свирепый враг, угрожая нам своими орудиями истребления, не щадит сил на то, что бы посеять смуту внутри нашей страны и, воспользовавшись замешательством, навсегда поработить нас, придавить своей пятой. Что же нам делать? Ответ один, нужно, сплотившись и подав друг другу руку, не медля не минуты, противопоставить врагу силу, которая бы заставила его сложить оружие и согласиться на условия, выработанные союзниками. Силу эту можно создать только деньгами. Один день войны обходится России в 54 миллиона рублей. Поэтому нужны миллиарды, чтобы добиться победы. Чтобы получить возможность продолжать войну дальше, Временное правительство выпустило «заем свободы» и обратилось к сынам России с воззванием поддержать этот заем, поддержать во имя спасения родины и зарождающейся ее свободы... Придите и вы на помощь страждущей родине!» [8].

В одном из следующих номеров «Волжский день» напечатал статью М. Френкеля «И выгодно и патриотично», где делался акцент уже на эконо-

мической выгоде займа: «Займ свободы имеет целью извлечь из народного обращения побольше “бумажек”, и чем больше их будет изъято, тем быстрее произойдет если не резкое падение товарных цен, то значительное их ослабление и во всяком случае их дальнейшему росту будет положен предел... Таким образом, ясно, что, помещая свои капиталы и сбережения в облигации займа свободы, каждый совершает выгодное прежде всего для себя дело – с одной стороны, он получит высокий процент, с другой – способствует в значительной мере борьбе с дороговизной. Разумеется, актом своего участия в подписке на заем свободы каждый из нас, кроме того, выражает еще и доверие, сочувствие и пожелание успеха нашему первому народному правительству» [9].

Призывы со стороны собственников к патриотизму низов уже не работали, акцент стал делаться на выгоде. Даже те политические силы, которые ратовали за займ, признавали щекотливость ситуации. Что уж говорить про левых, если даже кадеты и те начинали терять терпение, глядя на тупокорыстную позицию бизнеса. В статье «Радикальные меры» самарский «Волжский день» писал: «А. И. Шингарев уже выступил с государственной хлебной монополией. Пешехонов и Маслов предлагают, и вполне своевременно, пойти по такому же пути далее, т.е. к государственной регулировке транспорта, обмена и распределения, иначе говоря, всех сторон экономической жизни. Постановка вопроса о государственном вмешательстве пугает буржуазию, представитель которой А. И. Коновалов вышел даже в отставку из министров торговли. Испуг некоторых представителей буржуазии дошел даже до того, что они усмотрели в этом временном вмешательстве государства в свои дела и барыши даже “социализацию”. Однако этот испуг свидетельствует больше о политической близорукости класса, невежестве и, может даже, о лицемерии, но не об опасности для промышленности и торговли указанных мер.

Других путей к спасению нет, и государство наложит свою тяжелую руку и на сверхприбыль, и на неумеренные требования рабочих. Мы стоим не только перед вмешательством в денежный оборот, который выразится в принудительном займе. Буржуазия, не понявшая своих обязанностей перед государством в покупке всего займа свободы, скоро почувствует, что государство обяжет ее заплатить заем принудительно на условиях, не столь выгодных, как теперь. Повторяем, других выходов из тяжелого кризиса нет...» [10].

Подписка на заем фактически провалилась. Денежные тузы проигнорировали займ. Основная масса населения также не торопилась передавать свои деньги Временному правительству. Кадеты, не надеясь уже на красивые слова, все более делали акцент на экономической выгоде займа, начинали стыдить уклоняющихся от заема. В статье М. Фельдблюма «Кому нужен заем свободы» говорится о следующем: «Выгоды помещения денег в облигации займа свободы, приносящие чистых 6 % годовых, сознают, по-видимому, все. Также нет достаточных оснований опасаться потери от возможного падения курса облигаций. После войны следует естественно ожидать постепенного улучшения курсов всех государственных фондов, так что и для облигаций займа свободы гораздо вероятнее повышение курса, чем его падение. Таким образом, с какой бы стороны ни взять финансовые условия займа, скептическое к нему отношение населения не может себе находить никакого оправда-

ния. Единственное, что может объяснить равнодушие граждан к займу свободы – это непонимание сущности займа. Деньги нужны правительству прежде всего на военные нужды, а нужды эти громаднейшие: они составляют в настоящее время до 54 млн руб. в день. Но и помимо войны у правительства много нужд, требующих громадных ресурсов: организация продовольствия, урегулирование транспорта, увеличение солдатского пайка, школьное дело и пр. и пр., на все это нужны деньги... Глубоко ошибаются те узкопартийные сектанты, которые думают, что можно, например, заставить правительство тот час прекратить войну, если не дать ему денег займы; они забывают, что в распоряжении правительства имеется простой источник денег: печатный станок. Это не только еще более взвинтит все товарные цены, но и еще более ухудшит положение русской валюты, еще дальше отодвинет время возобновления обмена бумажных денег на золото. И ответственность за все это падет на население, которое вместо того, чтобы бойко подписываться на заем, относится к нему равнодушно. Опомнитесь же граждане!» [11].

Выводы

Полученные данные позволяют утверждать, что отношение к заему определялось отношением к Временному правительству, а это в свою очередь зависело от оценки революции и видения ее перспектив, от того, интересы какого класса объективно выражала та или иная партия. Соответственно, понятие «патриотизм», с которым власть сразу же связало подписку на заем, трактовалось принципиально по-разному. Каждая социальная группа и выражающая ее интересы политическая партия вкладывали в это понятие близкое себе содержание, поэтому патриотизм одних рассматривался другими как непатриотизм и даже предательство, и наоборот.

Библиографический список

1. Земля и воля. – 1917. – 30 апреля.
2. Земля и воля. – 1917. – 17 мая.
3. Симбирская народная газета. – 1917. – 20 апреля.
4. Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 2 мая.
5. Волжский день. – 1917. – 17 мая.
6. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 26 мая.
7. Саратовский вестник. – 1917. – 17 мая.
8. Волжский день. – 1917. – 2 мая.
9. Волжский день. – 1917. – 5 мая.
10. Волжский день. – 1917. – 27 мая.
11. Волжский день. – 1917. – 14 мая.

References

1. *Zemlya i volya* ["Zemlya i volya" newspaper]. 1917, 30 Apr. [In Russian]
2. *Zemlya i volya* ["Zemlya i volya" newspaper]. 1917, 17 May. [In Russian]
3. *Simbirskaya narodnaya gazeta* [Simbirsk people's newspaper]. 1917, 20 Apr. [In Russian]
4. *Izvestiya Saratovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov* [Proceedings of the Saratov Council of Workers' and Soldiers' Deputies]. 1917, 2 May. [In Russian]
5. *Volzhskiy den'* ["Volzhskiy den" newspaper]. 1917, 17 May. [In Russian]
6. *Izvestiya Samarskogo Soveta rabochikh deputatov* [Proceedings of the Samara Council of Workers' Deputies]. 1917, 26 May. [In Russian]

7. *Saratovskiy vestnik* [Saratov bulletin]. 1917, 17 May. [In Russian]
 8. *Volzhskiy den'* ["Volzhskiy den" newspaper]. 1917, 2 May. [In Russian]
 9. *Volzhskiy den'* ["Volzhskiy den" newspaper]. 1917, 5 May. [In Russian]
 10. *Volzhskiy den'* ["Volzhskiy den" newspaper]. 1917, 27 May. [In Russian]
 11. *Volzhskiy den'* ["Volzhskiy den" newspaper]. 1917, 14 May. [In Russian]
-

Кузнецов Валерий Николаевич

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории Отечества,
регионоведения и международных
отношений, Ульяновский
государственный университет (Россия,
г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42);
старший научный сотрудник, Областное
государственное автономное учреждение
культуры «Ленинский Мемориал»
(Россия, г. Ульяновск, площадь Ленина, 1)

E-mail: kuznetsow_simb@mail.ru

Kuznetsov Valeriy Nikolaevich

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor at the sub-department
of Russian history, regional studies and
international relations, Ulyanovsk State
University (42 Lva Tolstogo street,
Ulyanovsk, Russia); senior researcher,
Regional State Autonomous Institution
of Culture "Leninsky Memorial"
(1 Lenina square, Ulyanovsk, Russia)

Образец цитирования:

Кузнецов, В. Н. «Заем свободы» как индикатор провластных и патриотических настроений (на материалах Среднего и Нижнего Поволжья) / В. Н. Кузнецов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 60–70. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-6.

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ (1917–1920 гг.)

Аннотация.

Актуальность и цели. Целью работы является анализ первых шагов большевистской власти по формированию системы управления сельским хозяйством. Определяются социально-экономические и политические условия, особенности данного процесса. Акцентируется внимание на политической ангажированности деятельности правительства по организации управления сельским хозяйством, приоритетной направленности этой деятельности на развитие крупных общественных хозяйств и поддержке деревенской бедноты. Важным условием изучения современной системы сельского хозяйства, особенно ее управления, является необходимость исследования опыта руководства сельским хозяйством в историческом прошлом, что и определяет актуальность данного исследования.

Материалы и методы. В основу исследования легли документы и материалы, раскрывающие сущность советской системы управления сельским хозяйством на начальном этапе формирования советской власти и исследования ученых в области организации общественных хозяйств в российской деревне. В ходе написания работы использовались базовые методы исследования – диалектический, метод историзма, объективности, системности, позволившие упорядочить и структурировать материал с учетом аграрной проблематики. Также были использованы распространенные методы исследования, такие как проблемно-хронологический, исторического описания, сравнительно-исторический, которые позволили сформировать целостное представление об истоках формирования советской системы управления сельским хозяйством.

Результаты. Исследована система управления сельским хозяйством в России в период 1917–1920 гг., что позволило выявить особенности формирования и управления сельским хозяйством на начальном этапе ее развития.

Выводы. Делается вывод, что изначально в функционирование системы управления аграрным сектором экономики закладывался принцип командного администрирования, свойственный тоталитарным режимам. Формирующаяся система управления сельским хозяйством строилась на принципах жесткого руководства и диктата. Наблюдался острый дефицит управленческих кадров в области сельского хозяйства, в целом в данный период времени так и не удалось создать слаженную систему управления.

Ключевые слова: большевики, Советская власть, система управления, сельское хозяйство, крестьянство, крупные общественные хозяйства, политика, правительство.

V. Ya. Romanchenko, I. A. Nozhkina, O. N. Shmygina

THE ORIGINS OF THE SOVIET AGRICULTURAL MANAGEMENT SYSTEM (1917–1920)

Abstract.

Background. The purpose of this work is to analyze the first steps of the Bolshevik government to form a system of agricultural management. The socio-economic and political conditions and features of this process are determined. Attention is focused on the political bias of the government's activities in organizing agricultural management, the priority focus of this activity on the development of large public farms and support for the rural poor. An important condition for studying the modern system of agriculture, especially its management, is the need to study the experience of agricultural management in the historical past, which determines the relevance of this study.

Materials and methods. The research is based on documents and materials that reveal the essence of the Soviet system of agricultural management at the initial stage of the formation of the Soviet government and works by scientists in the field of organization of public farms in the Russian countryside. In the course of preparing the work, we used basic research methods – dialectical, historicism, objectivity, system ones which allowed us to organize and structure the material taking into account agricultural issues. We also used common research methods such as problem-chronological, historical description, comparative-historical ones which allowed us to form a holistic view of the origins of the Soviet system of agricultural management.

Results. The system of agricultural management in Russia in the period 1917–1920 is studied, allowing us to identify the features of the formation and management of agriculture at the initial stage of its development.

Conclusions. It is concluded that initially the functioning of the management system of the agricultural sector of the economy was based on the principle of command administration, characteristic of totalitarian regimes. The emerging system of agricultural management was based on the principles of strict leadership and dictate. There was an acute shortage of managerial personnel in the field of agriculture. In general, in this period of time, it was not possible to create a coherent management system.

Keywords: Bolsheviks, Soviet power, management system, agriculture, peasantry, large public farms, politics, government.

Приступая к рассмотрению вопроса, отметим прежде всего что управление аграрным сектором всегда органически связано с политикой государства, является важнейшим элементом аграрной политики. Поэтому его исследование позволяет раскрыть механизм формирования и реализации аграрной политики. Ее цели и задачи определяются, как правило, политическими интересами, идеологическими установками, а осуществляется она путем разработки, принятия и реализации управленческих решений.

Эффективность функционирования системы управления экономикой в целом во многом обусловлена учетом комплекса политических, экономических и социальных факторов, а ее аграрным сектором – учетом еще и факторов естественно-биологических, а также природно-климатических условий.

Формирование системы управления сельским хозяйством и всей аграрной политики государства после прихода к власти большевиков происходило

под влиянием целого ряда специфических особенностей социально-экономической и политической ситуации, которая сложилась в России после большевистского переворота в октябре 1917 г.

Во-первых, приход власти большевиков сопровождался введением новых социалистических производственных отношений, базирующихся на государственной собственности на средства производства. Это означало, что советская система управления сельским хозяйством уже не могла строиться на прежней основе и должна была иметь принципиально иные структуру и механизмы функционирования.

Во-вторых, сразу после свержения Временного правительства новой властью был издан Декрет о земле, который воспроизводил фактически 242 крестьянских наказа. Их содержание объявлялось декретом «временным законом», который следовало приводить в жизнь «по возможности немедленно» [1, с. 26].

Требование немедленного воплощения крестьянских наказов и директив наспех созданного Советского правительства, многократно подтверждаемое в выступлениях и указаниях вождя пришедшей к власти партии В. Ленина, с неизбежностью обуславливало поспешность и спонтанный характер практической деятельности по организации управления аграрными преобразованиями.

В-третьих, одной из наиболее характерных сущностных сторон большевистской власти была идеологическая заданность всех ее решений и действий, преобладание политических приоритетов над экономическими.

Безусловным приоритетом аграрной политики большевиков в первые годы Советской власти было решение двух взаимосвязанных задач: избавление деревни от господства так называемой мелкобуржуазной стихии в лице индивидуальных хозяйств крестьян-землевладельцев, которая, как считалось, несла прямую угрозу существованию этой власти, и вовлечение крестьян в социализм путем перевода российской деревни на рельсы крупного общественного производства.

Их практическая реализация вступала в противоречие с главной экономической задачей того времени – вывода страны из тяжелейшего экономического кризиса, который усугублялся начавшейся гражданской войной и грозил экономическим коллапсом и голодной смертью миллионов граждан в случае его углубления.

Решение продовольственной проблемы в условиях войны требовало проведения заведомо непопулярной в среде крестьянства политики проразверстки жесткими административно-командными методами. Центральным органом власти, призванным осуществить такую политику, стал Народный комиссариат продовольствия, наделенный чрезвычайными полномочиями вплоть до применения вооруженной силы к тем, кто не подчиняется его предписаниям. Острые силовые давления на деревню было направлено на представителей зажиточного крестьянства. Именно за счет его ресурсов Ленин и его соратники в Совете народных комиссаров рассчитывали обеспечить продовольствием основную массу населения. В качестве социальной опоры Советской власти в борьбе против так называемого кулачества было определено беднейшее крестьянство. Для его организации в регионах необходимо было создать местные органы управления, подчиненные соответствующим

образом Центру. По этому поводу было принято специальное «Обращение Центрального Комитета РКП(б) ко всем комитетам и членам РКП(б) о партийной работе в деревне» (сентябрь 1918 г.). В нем, в частности, говорилось: «Наша партия должна создать организационный аппарат, могущий охватить самые глухие углы Советской России. Лишь при наличии такого аппарата мы сможем получить уверенность в быстром и правильном проведении в жизнь мероприятий, исходящих от центра» [2, с. 176].

К основным звеньям этого аппарата управления на местах были отнесены губернские и уездные Советы рабочих и крестьянских депутатов, губернские и уездные продовольственные комитеты, а также волостные и сельские комитеты бедноты, организуемые местными Советами рабочих и крестьянских депутатов на основе Декрета ВЦИК «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» [2, с. 177–180].

Однако в плане выстраивания системы управления, основанной на безусловном соподчинении ее звеньев, эти низовые звенья, созданные центральной властью, оказались малоэффективны. Сельские Советы еще не обрели сколь-нибудь значительного влияния на социально-экономические процессы в деревне, чтобы управлять ими. Продовольственные комитеты зачастую попадали под влияние крестьянских земельных комитетов либо сливались с ними, а комитеты бедноты довольно скоро дискредитировали себя излишней ретивостью в проведении продразверстки как, впрочем, и сама эта кампания. Реальная же власть в деревне вплоть до окончания гражданской войны и в первые годы НЭПа находилась в руках сельской общины и ее организаций, которые функционировали на демократических принципах самоуправления. Исследования Г. А. Герасименко по периоду 1917–1918 гг., А. А. Сафонова по периоду 1917–1925 гг. и ряда других авторов дают этому выводу достаточно убедительную аргументацию [3, 4].

Вместе с тем нельзя не заметить, что за короткий период своего существования комитеты бедноты успели добиться определенных успехов в организации коллективных хозяйств, коммун и артелей. До их создания в первой половине 1918 г. было создано лишь несколько десятков коммун, а только за период с августа по октябрь при активном участии комбедов – свыше 9000. В 1919 г. численность подобных хозяйств продолжала возрастать. Важную роль играло в этом то, что партия, которая с самого начала определяла политику государства в деревне, принимала все меры к поощрению создания коллективных хозяйств [5, с. 167]. Предметом особого ее внимания были советские (государственные) хозяйства. Именно они, по мнению Ленина и его соратников, помимо хозяйственных функций должны были выполнять роль образцовых предприятий социалистического типа и помогать крестьянам-единоличникам втягиваться в процесс социалистического труда [1, с. 123].

Тем не менее численность совхозов, созданных в первые годы Советской власти, заметно уступала числу организованных коммун. В течение 1917–1919 гг. в основном на землях конфискованных помещичьих имений было создано всего около 3000 госхозов [6, с. 21]. Объяснялось это, в частности, тем, что в Народном комиссариате земледелия, который руководил всей работой по организации и функционированию крупных общественных хозяйств, и в Совнарком республики вначале преобладали сторонники пре-

имущественного развития коммун. И лишь спустя определенное время, когда утопичность идеи коммунистической уравниловки в этих хозяйствующих субъектах стала очевидной, власть охладела к идее их дальнейшего развития. Свою роль в постепенном свертывании активности по развитию коммун сыграло и то, что, как отмечал Л. Н. Литошенко, с первых же дней своего существования они оказались чужеродным телом в однородной массе крестьянских хозяйств. Одним из самых популярных лозунгов крестьянства в 1919 г. был «Долой коммуну! Да здравствует Советская власть!» [7, с. 247, 248]. Но отрезвление власти по поводу перспектив развития коммун все-таки наступило уже после исследуемого нами периода. В первые же годы Советской власти была проведена большая работа по определению их функций, задач, принципов деятельности и организации управления ими. Только за период с мая по октябрь 1918 г. Наркомземом было принято 15 директивных документов, связанных с решением данных вопросов [2, с. 398–400, 403, 406–410, 412]. Среди них утвержденные Наркомземом «Примерный устав трудовой земледельческой коммуны», инструкции по организации сельскохозяйственных коммун, положения об их регистрации, инструкции земотдела об отводе земли сельскохозяйственным коммунам, об организации бюро коммун в качестве органа непосредственного управления и ряд других.

Судя по документам, большевистское руководство изначально стремилось создать такую систему управления в сельском хозяйстве, которая обеспечивала бы выстраивание ее звеньев сверху до низу буквально во всех сферах, в том числе и при организации коллективных хозяйств. Так, в 1918 г. при Наркомземе было создано Бюро коммун для обобщения опыта организации первых сельскохозяйственных коллективов страны и управления ими. В утвержденной коллегией Наркомзема «Инструкции для организации Бюро коммун» соответствующие органы управления создавались при губернских и уездных земотделах. В их задачу входила не только организация, но и контроль за деятельностью коммун и сельскохозяйственных артелей [2, с. 408].

В конце лета 1918 г. при Наркомземе создается и специальный орган управления совхозами – подотдел совхозов, а в декабре 1918 г. в составе Народного комиссариата земледелия формируется отдел коллективных хозяйств. В его состав вошли подотделы коммун, совхозов и сельскохозяйственных артелей.

Важную роль в формировании системы управления сельским хозяйством сыграло разработанное Наркомземом и утвержденное ВЦИК 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем ставилась задача «создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате труда» [2, с. 417–431]. Для выполнения этой задачи намечалось принятие комплекса мер, включающих организацию управления землеустроительными работами, материально-техническим обеспечением сельского хозяйства, общественной обработкой земли, а также совхозами и колхозами и другими коллективными хозяйствами. Последний специальный раздел Положения определял формы и средства материального и морального поощрения деятельности, направленной на создание трудовых сельскохозяйственных объединений. 11 марта 1919 г. была утверждена Наркомземом и затем разослана во все губернии и респуб-

лики «Инструкция по применению положения о социалистическом землеустройстве», в которой давались конкретные указания местным организациям власти о порядке и способах организации выполнения положений данного директивного документа [2, с. 441–461]. В соответствии с этой инструкцией партийные организации и хозяйственные органы управления губерний и волостей принимали меры по разъяснению сельским советам, земельным комитетам, активу коллективных хозяйств содержания Положения и их мобилизации на осуществление принятых решений. Одновременно формировались органы государственного управления контроля за работой на местах по выполнению распоряжений Центра. Они в свою очередь должны были обеспечить организацию внутрихозяйственного управления. Так, для организации совхозов и управления ими в регионах Поволжья были учреждены губернские и районные управления совхозов. Контроль за их деятельностью должны были осуществлять уполномоченные, направляемые в губернии рабочим комитетом содействия, созданным при Наркомземе. Непосредственное руководство совхозами возлагалось на заведующего или коллегия совхоза, назначаемых соответственно районными или губернскими управлениями совхозов и подчинявшихся им. Кроме того, в каждом совхозе учреждался контрольный рабочий комитет. Средства на организацию и ведение хозяйственной деятельности совхозов отпускались Наркомземом в сметном порядке [2, с. 420–423]. Что касается единоличных крестьянских хозяйств, в руках которых после принятия Декрета о земле оказалось абсолютное большинство всех земель, находящихся в сельскохозяйственном обороте, то они вынуждены были подчиняться всем центральным и местным органам Советской власти на подконтрольной ей в условиях гражданской войны территории. По отношению к ним проводилась ярко выраженная политика «разделяй и властвуй», основанная на всяческой поддержке деревенской бедноты и беспощадной эксплуатации зажиточных крестьян.

Если система управления деятельностью единоличных крестьянских хозяйств и коллективными хозяйствами с самого начала строилась по усмотрению большевистской власти, то с потребительской и кредитной кооперацией сельскохозяйственными обществами и артелями, имевшими к 1917 г. мощный экономический потенциал, широкий охват населения деревни и уже сложившуюся систему управления (кооператив – губернский, краевой союз – Центрсоюз – Совет Всероссийских кооперативных съездов (ВКС)), попытки большевиков «подмять» под себя их кавалерийским наскоком не увенчались успехом.

Разработанный Лениным и опубликованный 19 января 1918 г. проект декрета о потребительских коммунах, согласно которому существующие потребительские общества национализировались, все граждане государства объединялись в потребительские коммуны, которые подчинялись органам управления Советской власти, был встречен кооператорами в штыки [8, с. 77–93]. Он был признан вредным и губительным для кооперации. После этого правительство вынуждено было пойти на переговоры с руководством Совета ВКС, которые увенчались принятием компромиссного декрета СНК «О потребительских кооперативных организациях». В соответствии с ним правительство обязалось не вмешиваться в работу кооперативных организаций, а представители Совета ВКС вошли в созданный при Высшем совете

народного хозяйства Кооперативный отдел, а также в Наркомзем, Наркомфин, Наркомпрод и другие ведомства и комиссии.

Однако действие декрета продолжалось недолго. Уже осенью 1918 г. большевистская власть начинает новое наступление на кооперацию. Принятый 20 марта 1919 г. Декрет СНК «О потребительских коммунах» предписывал всему населению объединяться в потребительские коммуны, которые подчинились местным и центральным продовольственным комитетам, получившим право вето по всем вопросам [9, с. 130, 131].

Окончательная потеря кооперацией своей независимости произошла в начале 1920 г. В принятой на IX съезде РКП(б) резолюции партийным и советским органам власти предписывалось: «1. Завершить начатое декретом от 20 марта 1919 года и последующей работой партии закрепление за нашей партией руководящего значения во всех организациях потребительской кооперации снизу доверху. 2. В целях устранения параллелизма в работе кооперативных и советских органов приступить к постепенному изъятию из местных потребительских обществ, губсоюзам и Центросоюзу и к передаче соответствующим центральным и местным советским органам (ВСНХ, Наркомпрод, Наркомзем, Наркомпрос и др.) всех тех отделов, которые являются реальными и конкурирующими с соответствующими отделами этих органов...» [10, с. 405]. Очевидно, что огосударствление кооперации предусматривало прежде всего политические цели. Став придатком государства, превратившись в государственное ведомство, кооперация не могла уже развиваться свободно, что неизбежно влекло за собой снижение ее экономической эффективности. Но большевистской власти требовалось как можно скорее подчинить своему безоговорочному господству все сферы жизнедеятельности, связанные с сельским хозяйством, даже в ущерб экономическим последствиям своих решений.

Отмеченная нами в начале публикации особенность принятия управленческих решений зачастую спонтанно, как реакция на возникающие проблемы, проявилась и во многих других ситуациях, вызванных быстро меняющейся обстановкой. Так, в условиях частого передвижения фронтов гражданской войны, нехватки рабочих рук и семян во многих местах стали сокращаться посевные площади. Острый дефицит продовольствия требовал скорейшего принятия мер по использованию пустующих земель. Сознавая это, Совнарком объявляет все незасеянные земельные угодья временно причисленными к государственному фонду. В начале 1919 г. для руководства работой по использованию пустовавших сельскохозяйственных площадей при Наркомземе создается Комитет посевных площадей. В задачи Комитета входили следующие: учет пустующих земель и определение перечня работ по их освоению, закупка и отправка к местам назначения семян, сельскохозяйственной техники, ее ремонт, организация деятельности местных земельных органов по засеву пустовавших полей, выращиванию и уборке урожая [11, с. 192, 193].

Итак, рассмотрение в данном исследовании даже отдельных аспектов деятельности по созданию системы управления сельским хозяйством в первые годы Советской власти позволяет сделать вывод о том, что в основу ее изначально были заложены принципы жесткого диктата и администрирования, свойственные хозяйственному механизму тоталитарного режима. Попыт-

ка подчинить своим политическим установкам хозяйственную жизнь деревни в авральном порядке, без создания для их реализации необходимых условий, ставка на силовое решение проблем закладывали фундамент такой системы управления сельским хозяйством, которая исключала возможность функционирования хозяйствующих субъектов в российской деревне на принципах демократии и самоуправления. Формирующаяся система управления сельским хозяйством была объективно направлена на то, чтобы подавить в крестьянстве творческую инициативу, чувство хозяина своей земли. Не случайно в дальнейшем, несмотря на введение НЭПа, партийно-государственная верхушка повела решительное наступление на остатки общинной демократии в виде органов крестьянского самоуправления.

Отсутствие опыта руководства сельским хозяйством, условия чрезвычайщины, вызванные экономическим хаосом и гражданской войной, обострившиеся противоречия политических и экономических проблем, решаемых большевиками, имели своим следствием то, что в первые годы Советской власти в целом им так и не удалось создать слаженную и эффективную систему управления сельским хозяйством. Не было создано единого механизма финансирования, материально-технического обеспечения сельского хозяйства. Формирование органов управления крупными общественными хозяйствами не сопровождалось адекватной работой по руководству производственной деятельностью многомиллионной массой крестьян-единоличников, что существенно ослабляло рычаги влияния на нее Советской власти. Можно сказать, что вплоть до окончания гражданской войны российская деревня в значительной степени оставалась во власти стихии и общинного самоуправления. Помимо всего прочего, острейший дефицит квалифицированных управленческих кадров, подбор которых осуществлялся по принципу партийной благонадежности, и психологический фактор – сохранение в крестьянской среде общинной ментальности – отторгали формирующую систему власти в целом и новую систему управления сельским хозяйством в частности. К концу гражданской войны степень этого отторжения оказалась настолько велика, что Ленину и его соратникам в очередной раз пришлось пойти на компромисс с крестьянством ради сохранения своей власти, оформленной на сей раз в виде новой экономической политики.

Библиографический список

1. **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1969. – Т. 35. – 634 с.
2. Аграрная политика Советской власти. (1917–1918 гг.): Документы и материалы / АН СССР ; Институт истории ; Главное архивное управление ; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 552 с.
3. **Герасименко, Г. А.** Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов: На материалах Нижнего Поволжья / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1974. – 341 с.
4. **Сафонов, А. А.** Крестьянская община и советская власть: к вопросу о роли общины в жизни послеоктябрьской деревни (на материалах Тамбовской губернии) / А. А. Сафонов // Крестьяне и власть : материалы конф. – Москва ; Тамбов : ИПЦ ТГТУ, 1996. – С. 115–131.

5. **Романченко, В. Я.** Крупные общественные хозяйства российской деревни (1917–1920 гг.) / В. Я. Романченко // История в нас, мы в истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Пугачевские чтения», посвящ. 90-летию В. В. Пугачева (23–24 октября 2013 г.) / Министерство образования и науки РФ ; Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ имени Г. В. Плеханова». – Саратов : Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2014. – 188 с.
6. **Богденко, М. Л.** Совхозы СССР: Краткий исторический очерк (1917–1975) / М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин ; под ред. И. М. Волкова ; АН СССР ; Институт истории СССР. – Москва : Политиздат, 1976. – 279 с.
7. **Литошенко, Л. Н.** Социализация земли в России : монография / Л. Н. Литошенко ; Междисциплинарный академический центр гуманитарных наук (Интерцентр), Гуверовский архив мира, войны и революции. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 536 с.
8. Декреты Советской власти : в 2 т. – Москва : Политиздат, 1959. – Т. II. – 698 с.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1917–1967 гг. : в 5 т. – Москва : Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 1. – 783 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1953) : в 15 т. / Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 7-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1953. – Т. 1. – 592 с.
11. **Шарапов, Г. В.** Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.) / Г. В. Шарапов ; Академия общественных наук при ЦК КПСС ; кафедра истории Советского общества. – Москва : Изд-во ВППШ и АОН, 1961. – 312 с.

References

1. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete collection of works: in 55 volumes]; Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 5th ed. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1969, vol. 35, 634 p. [In Russian]
2. *Agrarnaya politika Sovetskoy vlasti (1917–1918 gg.): Dokumenty i materialy* [The agrarian policy of the Soviet rule (1917–1918): Documents and materials]. AN SSSR; Institut istorii; Glavnoe arkhivnoe upravlenie; Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Oktiabr'skoy revolyutsii i sotsialisticheskogo stroitel'stva SSSR. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954, 552 p. [In Russian]
3. Gerasimenko G. A. *Nizovye krest'yanskije organizatsii v 1917 – pervoy polovine 1918 godov: Na materialakh Nizhnego Povolzh'ya* [Primary peasant organizations in 1917 – the first half of 1918: by the materials on the Lower Volga region]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1974, 341 p. [In Russian]
4. Safonov A. A. *Krest'yane i vlast': materialy konf.* [Peasants and the authority: conference proceedings]. Moscow; Tambov: IPTs TGTU, 1996, pp. 115–131. [In Russian]
5. Romanchenko V. Ya. *Istoriya v nas, my v istorii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Pugachevskie chteniya», posvyashch. 90-letiyu V. V. Pugacheva (23–24 oktyabrya 2013 g.)* [The history in us, we in the history: proceedings of an All-Russian scientific and practical conference “Pugachevskie readings”, devoted to the 90th birthday of V. V. Pugachev (October 23rd–24th, 2013)]. Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Saratovskiy sotsial'no-ekonomicheskij institut (filial) FGBOU VPO «REU imeni G. V. Plekhanova». Saratov: Saratovskiy sotsial'no-ekonomicheskij in-t (filial) REU imeni G. V. Plekhanova, 2014, 188 p. [In Russian]
6. Bogdenko M. L., Zelenin I. E. *Sovkhozy SSSR: Kratkiy istoricheskiy ocherk (1917–1975)* [Collective farms of the USSR: a brief historical essay (1917–1975)]; AN SSSR; Institut istorii SSSR. Moscow: Politizdat, 1976, 279 p. [In Russian]

7. Litoshenko L. N. *Sotsializatsiya zemli v Rossii: monografiya* [Land socialization in Russia: monograph]; Mezhdistsiplinarnyy akademicheskiy tsentr gumanitarnykh nauk (Intertsentr), Guverovskiy arkhiv mira, voyny i revolyutsii. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2001, 536 p. [In Russian]
8. *Dekrety Sovetskoy vlasti: v 2 t.* [Decrees of the Soviet rule: in 2 volumes]. Moscow: Politizdat, 1959, vol. II, 698 p. [In Russian]
9. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam 1917–1967 gg.: v 5 t.* [Decisions of the party and government on agricultural issues 1917–1967: in 5 volumes]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1967, vol. 1, 783 p. [In Russian]
10. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. (1898–1953): v 15 t.* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and congress decisions, conferences and plenary meetings of the Supreme Committee]; Institut Marksa-Engel'sa-Lenina-Stalina pri TsK KPSS. 7th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1953, vol. 1, 592 p. [In Russian]
11. Sharapov G. V. *Razreshenie agrarnogo voprosa v Rossii posle pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii (1917–1920 gg.)* [The agrarian issue settlement in Russia after the victory of the October Revolution (1917–1920)]; Akademiya obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS; kafedra istorii Sovetskogo obshchestva. Moscow: Izd-vo VPSH i AON, 1961, 312 p. [In Russian]

Романченко Валерий Яковлевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра социально-правовых
и гуманитарно-педагогических наук,
Саратовский государственный аграрный
университет имени Н. И. Вавилова
(Россия, г. Саратов, Театральная
площадь, 1)

E-mail: kseny1974@mail.ru

Romanchenko Valeriy Yakovlevich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of social-legal and
humanitarian-pedagogical sciences,
Saratov State Vavilov Agrarian University
(1 Teatrnaya square, Saratov, Russia)

Ножкина Ирина Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социально-правовых
и гуманитарно-педагогических наук,
Саратовский государственный аграрный
университет имени Н. И. Вавилова
(Россия, г. Саратов, Театральная
площадь, 1)

E-mail: nirina2007@mail.ru

Nozhkina Irina Aleksandrovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of social-legal and humanitarian-
pedagogical sciences, Saratov State
Vavilov Agrarian University
(1 Teatrnaya square, Saratov, Russia)

Шмыгина Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-правовых
и гуманитарно-педагогических наук,
Саратовский государственный аграрный
университет имени Н. И. Вавилова
(Россия, г. Саратов, Театральная
площадь, 1)

E-mail: kseny1974@mail.ru

Shmygina Oksana Nikolaevna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of social-legal
and humanitarian-pedagogical sciences,
Saratov State Vavilov Agrarian University
(1 Teatrnaya square, Saratov, Russia)

Образец цитирования:

Романченко, В. Я. У истоков формирования советской системы управления сельским хозяйством (1917–1920 гг.) / В. Я. Романченко, И. А. Ножкина, О. Н. Шмыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 71–81. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-7.

**ОТ «ТИХОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
К «ДВИЖЕНИЮ ЗА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕФОРМУ»
(О ПРИМЕНЕНИИ НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ В 1937–1948 гг.)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Политика КПК в рамках двух самостоятельных политических кампаний – «тихой революции» и «движения за земельную реформу» – никогда не подвергалась предметному анализу в китайской, российской и западной историографии. Более того, сами названия этих кампаний и тем более масштабы учиненного в ходе них насилия многим специалистам почти ничего не говорят. Изучение темы позволяет в определенной мере заполнить лауну. И в этой связи работа имеет целью проанализировать хотя бы в общих чертах содержание как «революции», так и «движения».

Результаты. Рассмотрены основные аспекты общей линии партии, ее политики и социально-экономической деятельности в 1937–1948 гг., включая применение насилия в его разных формах как заглавного способа управления КПК крестьянскими массами.

Выводы. Анализ показывает, что основным содержанием и наиважнейшим условием успеха как «тихой революции», так и «движения за земельную реформу» явилось чрезвычайно гибкое и инцидентно-дозированное насилие в отношении масс в годы «тихой революции» с переходом к тотальному террору в «старых» освобожденных районах в ходе завершающей фазы борьбы с Чан Кайши, совершенно нелепо нареченной «земельной реформой».

Ключевые слова: КПК, насилие, «тихая революция», «движение за земельную реформу».

I. E. Pozhilov

**FROM THE “SILENT REVOLUTION”
TO THE “MOVEMENT FOR LAND REFORM” (ON THE USE
OF VIOLENCE IN THE POLICY OF THE CCP IN 1937–1948)**

Abstract.

Background. The CCP’s policy in the framework of two independent political campaigns – the “silent revolution” and the “movement for land reform” – has never been subjected to substantive analysis in Chinese, Russian and Western historiography. Moreover, the very names of these campaigns and, especially, the extent of violence committed during them, do not mean anything to many experts. Studying the topic allows to a certain extent to fill the gap. And in this regard, the work aims at analyzing, at least in general terms, the content of both the “revolution” and the “movement”.

© Пожилов И. Е., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Results. The main aspects of the party's general line, its politics and the socio-economic activities of the Communists in the specified period, including the use of violence in its various forms as the main way to control the peasant masses by the CCP, are examined.

Conclusions. The analysis shows that the main content and the most important condition for the success of both the "silent revolution" and the "movement for land reform" was extremely flexible and selectively dosed violence against the masses during the years of the "revolution" with the transition to total terror in the "old" liberated districts during the final phase of the struggle with Chiang Kai-shek, the absolutely ridiculously marked "land reform".

Keywords: the CCP, violence, "silent revolution", "movement for land reform".

Вопреки сложившимся в историографии комплиментарным оценкам достижений и успехов Коммунистической партии Китая (КПК) в Антияпонскую войну по части укрепления рядов, привлечения симпатий крестьянства, а также приумножения количественной мощи своей заглавной опоры – вооруженных сил (вспомним бравшее за душу всякого обитателя опорных баз закливание «Красная армия – это наше все!» [1, т. 1, с. 166]), тогдашнее партийное руководство, напротив, рассматривало положение дел и перспективу весьма скептически. В 1942 г. Мао Цзэдун скажет, что «через года два, если сохраним хотя бы половину имеющихся войск и половину членов партии,... как-нибудь удержим массы, это будет победой» [2, т. 1, с. 437]. А тремя годами позднее командир и политкомиссар 3-й дивизии Хуан Кэчэн, посетовав на то, что воз и ныне там, в своей записке в ЦК назовет Народно-освободительную армию Китая (НОАК) «армией семи нет» – «нет партии, нет масс...» [3, с. 196].

Проистекавшая из отягощений обетом «национального примирения» и вымученного альянса с Гоминьданом, «тихая революция» коммунистов¹ действительно не принесла и не могла принести ей искомого даже в условиях деструкции законной власти и социального контроля, вызванных внешней агрессией. Ведь забвению подлежала сама сердцевина китаизированного большевизма – ленинское «пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти», в чем даровитые школяры в недавнюю «советскую» эпопею превзошли учителей [4, т. 31, с. 147]. Разумеется, бесцеремонное принуждение и жестокие репрессии никуда не делись, но тотальный террор («убивать, убивать и убивать») как воистину чудодейственный препарат во врачевании извечного скепсиса подданных и лютой ненависти врагов отошел в резерв [5, с. 54, 55].

Так может быть от «тихой революции» что-то выиграла деревня, если у ее непрошенных опекунов не сложилось с перезагрузкой откровенно насильственного императива? И вновь, невзирая на историографическую «норму» констатировать повышение жизненного уровня трудового крестьянства, умножение числа середняков и пр., следует по крайней мере усомниться

¹ Понятие *ушэн гэмин* как подвижный, но целостный комплекс социально-экономических и внутриполитических мероприятий КПК в годы Соппротивления Японии странным образом не нашло места в отечественной литературе, продолжающей усматривать в ее политике некий алгоритм, но попросту (так получается) нагромождение ситуативных решений и действия.

в подобных заявлениях, поскольку независимо от субъективной воли «революционеров» их меры, направленные на имущественное выравнивание и «мирное искоренение» зажиточных слоев, были способны привести разве что к дальнейшему разорению и без того захудалой сельской периферии.

В частности, выгода крестьянского большинства от прогрессивного налогообложения с избытком элиминировалась постоянным насаждением «чрезвычайных» поборов и повинностей (изъятия в «зерновой фонд спасения государства», «фуражный фонд», «фонд воспитания воина», «фонд перевозок», «фонд теплой одежды» и др.). Снижение арендной платы не вызывало поддержки из-за опасений лишиться заемной земли ввиду уже не существовавшего права «договора вечной аренды», отсюда имевшее повсеместное хождение среди издольщиков феномена «ты хозяин, не серчай: днем снизим, ночью – возместим»; следствием минимизации ссудного процента явилась еще большая зависимость заемщика от кредитора, не желавшего одалживать «дешевые» деньги и тем самым ставившего нуждавшихся в отчаянно безвыходное положение. Не прельщали деревенские низы и экспроприации помещичьего имущества (осуществлялись под прикрытием борьбы с «национальными предателями» *ханьцзе*, к концу войны – открыто и «со всеми, кто не с нами»), что объяснялось боязнью перед расплатой (в прочность позиций КПК уверовали немногие), скрепами кровнородственной общины *цзунцзу*, а также традиционно стойким суеверием относительно зыбкости благополучия на чужом богатстве («щетину кабана на овцу не пересаживай»). Вразрез с устоявшейся точкой зрения, ни к чему другому, как установлению слабо замаскированной диктатуры коммунистов, не вела и «политика трех третей» в формировании органов власти и администрации на местах, где доминировали в разном обличье члены партии и голытьба, не пользовавшаяся ни малейшим авторитетом у *лянминь*, т.е. народа благонаправленного и не растерявшего привычки здравого смысла («что они, олухи неграмотные, могут?!») (см.: [6, с. 27, 28; 7, с. 196]).

Недовольство крестьян «тихой революцией» нередко перерастало в протестные выступления, порой охватывавшие целые уезды. Одним из самых показательных тому свидетельств явился хуаньсяньский мятеж в Шэньганьнинском погранрайоне в январе 1941 г., поднятый бойцами ополчения и охвативший 17 деревень. Ярчайшей чертой мятежа стало участие в нем более 200 коммунистов, возмущенных произволом так называемых демократических властей, «во благо народное и от имени народного загнобивших простой люд до горячих слез»¹ (см.: [10, т. 2, с. 335, 336; 11, с. 49]). По итогу получалось так, как в сторонке ерничали доморощенные остряки: «Мы чтим кит-компартию за то, что она нам всю жизнь испоганила» [12, с. 28].

¹ С началом 1938 г. войска КПК приступили к рассредоточению и захвату в японских тылах новых районов, в первую очередь в Хэбэе и Шаньдуне, по причине даже не столько военно-политической, сколько острой нехватки провианта и тем более полноценной военной добычи *чоукуань* [8, с. 17]. В наскоро обжитых районах тут же начинался голод, бороться с которым – в отличие от хлебобродной Цзянси – не представлялось реальным; здешнее мелкое, фактически натуральное крестьянское хозяйство не производило излишков зерна, а штучные в этих местах богатеи погоды не делали. В результате бремя кормления и обеспечения всем необходимым целого сонмища партийно-военной бюрократии и воинства КПК ложилось на плечи бедняков [9, с. 90, 91].

Самым примечательным, однако, в истории «взаимных симпатий» масс и КПК являлось то, что ее вожди пребывали в исчерпывающем знании о рабочем положении своего «хозяина» (читай: трудящихся) и иногда даже гневно высказывались по этому поводу: «Не замечать тягот масс, печься лишь о нуждах власти и армии, осушать пруд, дабы выудить рыбу, без конца вымогать, – ханжествовал Мао Цзэдун в ближнем кругу, – это гоминьдановская идеология, которой нам следовать негоже» [13, с. 141; 14, т. 20, с. 618]. Но следовали, и чем дальше, тем упрямее.

Наконец, как относиться к присутствующим даже в очень серьезных исследованиях комментариям о якобы неудержимом стремлении крестьян записаться в 8-ю армию и с оружием в руках дать отпор захватчикам? Даже на гребне патриотических настроений в обществе и желания многих его пылких представителей взяться за винтовку 8-я полевая армия к концу 1937 г. на самом деле пополнилась только лишь 58 тыс. человек¹, причем далеко не все из них были и считались волонтерами – в ход шли те же испытанные способы призыва, как и в «советский» период («демагогия, обман, соблазнение материальными выгодами службы, за деньги, силой» [15, т. 1, с. 147]); а далее, поскольку «у недовольных подобными приемами нет желания вступать в *балуцзюнь*» [8, с. 17], «наращивание войск» в основном приняло характер плановых вербовочно-насильственных кампаний *коцзюнь юньдун* с благосклонным зачетом или безжалостными оргвыводами для партфункционеров и *ганьбу* в волостях, не справившихся с наплывом добровольцев в кавычках². Крестьянство, что здесь на Севере, что в былые времена на Юге, что в революционной коллизии, что в Войне сопротивления, увы, оставалось самим собой и пристрастным не к судьбе отечества как понятию для него, скажем, довольно абстрактному, но перво-наперво к покою семейного очага: в ополчение если и вступало, то по доброй воле, в «скитальческие» регулярные части – нет [16, с. 221, 222]. Ему, самому жаждавшему «получить защиту» как коренной интенции в муках войны, по большому счету было все равно, кто ее предоставит и в какой словесной «упаковке». Не случайно кое-где в Восточном Китае массы, приняв войска КПК за японские, цепляли на платье *лянминьчжэн* (свидетельство благонадежности) и размахивали «флагами восходящего солнца», не по подлому умыслу продемонстрировать «лояльность» завоевателям, но ради праведного, в их ощущениях, «уберечь себя, чад и домочадцев» [17, с. 34].

Мобилизационная политика КПК под условным лозунгом «теряем качество, приобретаем количество», тем не менее, ничего необычного в сравнении с прошлым не обнаруживала. Чем еще, как не массой и массовостью, запугивать Гоминьдан, ослабленный внешним врагом? И в «затяжной войне» КПК (к антияпонскому сопротивлению не имевшей касательства, но напрямую связанной со стратегией истощения правящего режима) этот выбор занял место в первом ряду. С издержками *коцзюнь* («засорение мелкобуржуаз-

¹ Цифра прироста подсчитана по официальному документу Политбюро ЦК КПК. В 1938 г., по расчетам Жэнь Биши, имелась возможность довести численность войск до 100 тыс., «если достанет хозяйственных и других ресурсов» [8, с. 16].

² Из подслушанного «напутствия» массам одного из таких супервайзеров в Центральном Хэбэе: «Пока не дадите плана по солдатам, буду обхаживать вас по сусалам с утра до ночи, накину и зерна в поставку, чтоб не умничали» [16, с. 483].

ным элементом», «безыдейность», «расхлябанность» и т.п.) боролись, но без надрыва, опасаясь оттолкнуть примкнувших, особенно «новую интеллигенцию»¹, и преимущественно штурмовщиной в виде сменяющих друг друга движений «за» – «две поддержки», «уважение к кадрам и любовь к солдатам», «выучку войск», «развитие производства» и др. [20, с. 22, 23; 21, т. 1, с. 44, 45, 98, 99, 132, 157; т. 2, с. 50–52; 22, с. 453].

«Нет партии», конечно, – преувеличение, но насчет отсутствия поддержки 8-й армии со стороны масс Хуан Кэчэн был совершенно прав. «Будет балу, не будет, с голоду не помирали и не помрем» – вот суть самого нейтралистского взгляда крестьян на войска коммунистов. С началом приготовлений КПК к новой гражданской войне эта бесстрастность – в силу всеобщих пацифистских настроений «Домой, к земле!», а не каких-то еще – стала быстро меняться в сторону отрицания самой законности их права на существование. И тогда «первейшую антияпонскую твердыню» осмелевшая деревня принялась называть *тубалу*, т.е. «бандитской восьмой», уже лишившейся значительной части ее представителей в строю (дезертирство крестьян-призывников превратилось в сплошь обыденное по освобожденным районам явление еще с конца 1944 г.) [23, т. 5, с. 309]. С такой, мягко говоря, ненадежной опорой втягиваться в открытое противостояние с Гоминьданом означало обречь себя на неминуемое поражение.

Избежать непоправимых последствий или хотя бы смягчить урон обещал лишь поворот на наезженную колею силовой мобилизации, на сей раз задуманной и исполненной под знаменем «движения за земельную реформу» (*тугай юньдун*). Именно движения как способа удержать крестьянство в революционной парадигме, а не содержательного процесса, предполагавшего ощутимые перемены в сложившейся структуре землевладения (хотя и в таком, реализованном, виде не имевшие шанса облечься в «основной фактор победы китайской революции», как принято считать)². К концу 1945 г. зажи-

¹ В 1940 г. новые кадры из «интеллигенции» (в основном выпускники средней школы и студенты вузов) составляли в ВС КПК уже около 80 %, а в звене «взвод-рота-батальон» – примерно 86 %. В частях и соединениях по-прежнему доминировали «старые» кадры, т.е. выходцы из крестьян. Смешение носителей двух типов культур – деревенской и городской, равно как и двух идеологий – коммунистической и националистической, в замкнутом пространстве «казармы» обусловило напряженность и конфликтность в кадровой среде, разрядить и сгладить которые мог только фронт. С другой стороны, партийное руководство, сознательно открывшее двери в войска для социально чуждого элемента, не имело выбора. Численно выросшая армия остро нуждалась в политработниках и уже не столько в «контролерах», сколько воспитателях, способных удержать в повиновении солдата-новобранца доходчивостью призыва, а не страхом. Решить эту сложнейшую проблему в «сонной» войне с японскими оккупантами («8-я армия бродит, а не воюет»), как и следовало ожидать, не удалось [18, т. 5, с. 665; 19, с. 140, 141].

² В ходе кампаний «сведения счетов с предателями», «проверки снижений [арендной платы и ссудного процента]», а также и в особенности «поиска припрятанных богатств» значительная часть земли *дичжу* явочным путем отошла к голытьбе, на том и получившей желанное. Со своей стороны собственническое большинство деревни в целом осталось при своих интересах и абсолютно никаких намерений углубить «преобразования» не проявляло [24, с. 358, 359]. В этой связи назойливые декларации КПК о критической концентрации земли в руках помещиков и «решимости масс» разделить ее по справедливости не стоили и бумаги, на которой печатались. Однако это уже давно стало партийной традицией. Мао Цзэдун, с младых ногтей изрядно поднатеревший в фальсификации земельных отношений и иных «кричащих» конфликтов в деревне, продолжал свои «обследования села» в духе уже имевшегося опыта. В частности, еще в 1928 г. «исследователь-аграрий» одарил не подозревавших о подвохе

точных деревенских слоев после серии «уравнительных» кампаний в «старых» антияпонских базах уже не существовало, и брошенный было коммунистами в массы клич к «переделу земли» уподобился сотрясению воздуха. Но принципиально откорректированный в призыв «искоренить феодальные отношения как источник бедности и угнетения», а также вдогон заверенный оглашением «что народу хочется, пусть то и может», он сразу заиграл вескими красками законченного аргумента [29, с. 23, 24].

В бой с жалкой тенью вселенского зла – запуганными в смерть и ободранными до нитки *дичжу* и *фунун* – двинули, как и в «аграрную революцию», все то же деревенское отребье, организованное в «дружины крестьянской бедноты» под опекой так называемых рабочих отрядов КПК¹. «Отряды» не только задавали неслыханному прежде террору мощно восходящую «идейную» экспоненту, а также композиционную стройность, не свойственные «первобытной» советизации, но и вовлекали в душегубство всех обитателей села поголовно. Достигалось единение в ненависти на «сходках гнева», где специально подготовленные то ли блаженные, то ли юродивые «пролетарии» заходились в конвульсиях изрыгания анафем «собакам» и «сукиным сынам» феодализма, после чего приступали к побоищу («не бьешь, сам будешь бит», «не участвуешь, не получаешь [землю]»)² [23, т. 5, с. 324–326]. На одной из таких «сходок» в Хэбэе (уезд Цзисян, деревня Машэньцяо) в начале 1947 г. (не факт, что нетипичной) за полчаса растерзали 48 человек [31, с. 259]. Иногда в закрепление «новой самоидентичности»³ трупы «классово неполноценных» аккуратно, как гирлянды, развешивали на деревьях вдоль дорог – такие кладбищенские экспромты находили, например, в Шаньси и Суйюани [33, с. 19].

помещиков Суйчуани целыми 80 % пашни; через два года, обследуя уезд Сюнью той же Цзянси, показал как все обстояло по факту, но для *внутрипартийного* применения: «Общественные земли – 40 %, у помещиков – 30 %, у крестьян – 30 %» [25, т. 1, с. 140; 26, с. 105]. В 1946 г. в обоснование *тугай* теперь уже вождь вновь подвел липовые цифры, заявив, в частности, что с требованием земельной реформы выступают более «90 процентов» сельского населения страны и т.п. [27, т. 4, с. 1251]. Как бы то ни было, аграрный кризис в Китае, являя собой объективную данность, заключался, чего не понимали или старались не понимать коммунисты (вопрос открытый), не в неравном владении землей, но в глобальном обнищании деревни, нуждавшейся во вложениях капитала, «зеленой революции», неспешном сглаживании арендных отношений и др. [28, с. 34–36].

¹ За годы Антияпонской войны – благодаря «политике опоры на бедняка» – в «освобожденных» районах сформировалась весьма значительная прослойка «злобствующих дармоедов», как называло трудовое крестьянство часть неимущих слоев, которая, пользуясь покровительством партийного начальства и немалыми привилегиями «жить чужими трудами», фактически подменила собой местные административные и даже партийные органы. Особенную ненависть у «дармоедов» вызывали находившиеся на низовой работе коммунисты, пытавшиеся хоть как-то обуздать их экстремистские настроения и приучить к труду. Именно из этой категории, с позволения сказать, крестьян и формировались «дружины», в ходе «движения» поставившие деревню на дыбы [28, с. 37].

² «Сходка» – тщательно отрежиссированный спектакль-реальность, зачином и основным элементом которого выступало артистически поставленное «изливание горя» (*суку*) и имевшее целью ввести участников действия в транс. В «излияниях» не должно было быть статистов и тем более зрителей – «слезами захлебываются все», чем и достигалось «единство в порыве мщения» [30, с. 97–109].

³ Понятие-нонсенс, не часто, но периодически используемое в «казенной» историографии истории КПК и указывающее на зарождение принципиально новой «пролетарской общности китайского народа» под покровительством коммунистов, что, собственно, и «привело к победе революции» [32, с. 20, 21].

Поскольку помещичье-кулацкого элемента остро не хватало, под горячую руку либо в холодном уме убивали середняков и бедняков («затратность» поощрялась как морально, так и материально) [28, с. 36, 37]. Согласно сводке восточнохэбэйского Бюро общественной безопасности, в уезде Синсянь в 1948 г. из более 2 тыс. убиенных за «земельную реформу» их оказалось 657 (в три раза больше, чем кулаков) и 52 человека соответственно, включая стариков и детей [34, с. 184].

Характерологической особенностью «движения *тугай*» как пролога к «вставанию с колен», вернее его альфой и омегой, являлась недопустимость и малейшего компромисса с искореняемыми слоями – только необъятное насилие могло поставить заслон набиравшей голоса альтернативе «порешить судьбу миром», в рамках которой, кроме «новодемократической» демагогии и перфекционизма разрушительства, КПК было нечего предложить. Вот почему категорически пресекались любые попытки «соглашателей» безвозмездно отдать массам все свое имущество и отказаться от «привилегий», дабы избежать кровопролития. С ослушниками расправлялись без пощады – замучили, вдосталь наглумившись, даже таких известных всей стране «прогрессивных *шэньши*», как Нью Юлань, Лю Шаобо и Сунь Лянчэнь [29, с. 26]. При этом, что следует подчеркнуть особо, нравственному одичанию «светоча народной воли» уже были приданы все без исключений «рабочие» формы, присущие «культурной революции» шестидесятых¹.

Убедившись в запредельно высокой эффективности наступления на «пережитки феодализма», деревня оцепенела от ужаса и ее большего смирения ожидать не приходилось – летом 1947 г. Мао Цзэдун приказывает перенести «духоподъемную» кампанию в войска, численно прибавившие за счет «солдат освобождения»² в результате наметившегося перелома в войне³. По общему мнению видных командиров НОА, «не прими руководство этого решения, не было бы и победы» [38, с. 454, 455]. Победы могло не случиться и по многим другим объективным обстоятельствам, но им, военачальникам, прежде всего требовалось повиновение солдата и желательное слепое, потому что по доброй воле уставшие и деморализованные войска Гоминьдана (ГМД), сдававшиеся в плен, воевать уже были не готовы ни морально, ни физически. Симптоматично и другое. Полуграмотные и никем не распропагандированные, все они как в унисон то причитали, то возмущались: «Нечего китайцам

¹ В ходе *тугай юньдун*, наряду со «сходками гнева», широко применялись «митинги борьбы», «собрания критики и самокритики», «разогрев актива» и прочие массовые мероприятия, а также вождение жертв по улицам в «дурацких колпаках» и с «досками позора», чудовищные (по несколько дней и ночей подряд) оргии издевательств, заключение в тюрьму или казнь (если повезет). Наконец, самым существенным из этой практики являлась техника организации масштабных движений «снизу» с передачей на расправу «массам» партийных и административных кадров, разгромом органов власти, «чисткой» парторганизаций руками «пролетарских заводов» и др. [35, с. 68–72]. В отечественной литературе сказанное преподносится как некая «радикализация аграрной политики» КПК, не более того.

² *Цзефан чжэньши* – сдавшийся в плен и «реабилитированный» солдат Национальной армии. О морально-психологической обработке и организационных основах «поглощения» капитулировавших частей ГМД, а также о сопровождавшем их насилии см.: [36, с. 96–103].

³ Эта кампания в НОАК проходила в течение года под знаком «движения трех проверок и трех упорядочений» (проверка «классового происхождения, службы и боевого духа»; упорядочение «дисциплины, стиля и организации»). О формальной стороне *саньча саньчжэнь юньдун* см.: [37, с. 71–79].

убивать китайцев, пускай Мао и Чан выясняют, кому на вылет» [37, с. 72]. До братаний, насколько известно, влечение к миру не доходило, однако случаяев отказа открывать стрельбу на передовой, причем с обеих сторон, фиксировалось предостаточно. Хуже того, среди новобранцев находились и такие, кто считал коммунистов «подрывной партией» и обвинял их в «разорении и гибели тысяч крестьян». К ним применяли «фильтрацию», а остальных отправляли в чистилище «гнева» [38, т. 2, с. 249, 253].

Армейская кампания, мало чем отличавшаяся от крестьянской по способам подмены морали на классовую солидарность¹, в своей доминанте, тем не менее, имела целью возбудить ярость не столько к помещику и кулаку (примерно две трети личного состава НОАК – и так выходцы из беднейших слоев деревни), сколько к владычеству националистов, «стоявших на защите интересов эксплуататорской верхушки». Иначе говоря, в самосознание солдата, идущего в бой, вживлялась вроде бы прежняя, но содержательно по-новому акцентированная формула «Раздавим Гоминьдан, партию угнетателей! Бедняки Поднебесной – одна семья!» [39, с. 384].

Вооруженные силы, повторим, как самый эффективный инструмент организованного насилия китайские коммунисты превозносили всегда. На 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва, когда партия уже стояла в преддверии триумфа, Мао Цзэдун, распространяя преемство и на грядущую государственность, лаконично возвестит: «То, что называют Народной республикой, это есть Народно-освободительная армия» [41, т. 1, с. 44].

Библиографический список

1. Чжунъян гэмин гэнъцзюйди шиляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы). – Наньчан, 1982.
2. Шобуцзиньдэ Мао Цзэдун: байвэй сюэчжэ минжэн фантаньлу (О Мао Цзэдуне всего не скажешь: интервью ста ученых и известных деятелей). – Шэньян, 1995.
3. Хуан Кэчэн цышу (Хуан Кэчэн о себе). – Пекин, 1994.
4. **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 31. Март–апрель 1917 : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва : Изд-во политической литературы, 1969.
5. **Жэнь Вэй.** Гэмин баоли дэ юаньци юй тэчжи: и «хунсэ кунбу» вэй чжуэсиньдэ таньтао (Источники и особенности революционного насилия: «красный террор») / Жэнь Вэй // Тайвань Шида лиши сюэбао. – 2014. – № 6 (51). – С. 51–68.
6. Тайхан канжи гэнъцзюйди. Цюньчжун юньдун (Антияпонская опорная база Тайхан. Движение масс). – Тайюань, 1983.
7. **Ли Лифэн.** Чжунго гэмин чжундэ сянцунь дунъюань: исян чжэнчжи шидэ каоча (Мобилизация деревни в китайской революции: политико-исторический аспект) / Ли Лифэн // Цзянсу шэхуэй кэсюэ. – 2015. – № 3. – С. 191–199.

¹ Мероприятия по «излиянию горестей» проходили в ротах. Если не имелось собственного талантливого «плакальщика», приглашались профессионалы из других частей или соединений, таких, например, как Юй Дэшуй (Северо-Западная ПА) или Фэн Сян (ОДАСВ), которые были способны, не повторяясь, кликушествовать по нескольким часам сряду. В н-ском подразделении Северной группы войск личный состав после одного из подобных моноспектаклей бился в истерику весь вечер и всю ночь, пока не пришли крестьяне из деревни по соседству узнать, «не убили ли кого»; сохранились свидетельства многих случаев умопомрачения и прочих психических расстройств на почве переполнения «чувством негодования». Не обходилось и без расправ. Так, на собрании «гнева» в управлении войск охраны ОДАСВ в Южной Маньчжурии в феврале 1947 г. подверглись линчеванию 300 человек, 50 из них были забиты до смерти [39, с. 437, 443, 617; 40, с. 282].

8. **Жэнь Биши.** Гуаньюй балуцзюнь цинкуан сян Чжунъян дэ баогао (Доклад о положении в 8-й полевой армии Центральному комитету) / Жэнь Биши // Дандэ вэньсянь. – 1994. – № 3. – С. 14–18.
9. **Ли Цзинчжэн.** Туди гайгэ чжундэ нунминь синьтай: и 1937–1949 няньдэ Хуабэй сяньцунь вэй чжунсинь (Крестьянский менталитет и земельная реформа на примере северокитайской деревни) / Ли Цзинчжэн // Цзиньдайши яньцзю. – 2006. – № 4. – С. 88–97.
10. Шэнь-Гань-Нин бяньцзюй чжэнфу вэньцзянь сюаньбянь (Избранные документы правительства погранрайона Шэньси-Ганьсу-Нинся). – Сиань, 2013.
11. **Хуан Чжэнлинь.** Шэхуэй цзяоюй юй канжи гэньцзюйди дэ чжэнчжи дунъюань (Общественное воспитание и политическая мобилизация в антияпонских опорных базах) / Хуан Чжэнлинь // Чжунгун данши яньцзю. – 2006. – № 2. – С. 45–53.
12. **Ляо Юньцзэ.** Водэ пяньдуань хуэйи (Мои отрывочные воспоминания) / Ляо Юньцзэ. – Нанкин, 1986.
13. Ху Цяому хуэйи Мао Цзэдун (Воспоминания Ху Цяому о Мао Цзэдуэ). – Пекин, 2003.
14. Цзяньдан илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (Важнейшие избранные документы со времени основания партии. 1921–1949). – Пекин, 2011.
15. Цзинь-Ча-Цзи канжи гэньцзюйди (Антияпонская опорная база Шаньси-Чахар-Хэбэй). – Пекин, 1988.
16. Цзи-Лу-Юй бяньцзюй цюньчжун юньдун цзыляо сюаньбянь (Избранные материалы по движению масс в пограничном районе Хэбэй-Шаньдун-Хэнань). – Шицзячжуан, 1991.
17. **Chen Yung-fa.** Making Revolution: the Communist Movement in Eastern and Central China, 1937–1945 / Chen Yung-fa. – Berkely, 1986.
18. Чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжэнчжи гунцзо лиши цзыляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории политработы в НОАК). – Пекин, 2004.
19. **Се Минь.** Канчжань шици «синь чжишифэньцзы» юй Чжунгун цзюньдуй ганьбу («Новая интеллигенция» и кадры в войсках КПК в период Антияпонской войны) / Се Минь // Цзиньдайши яньцзю. – 2014. – № 6. – С. 139–154.
20. **Ян Цин.** Миньчжу гэмин шици чжунго гунчаньдан фаньфу чанлянь яньцзю (О борьбе КПК с разложением и поощрении бескорыстия в партии в период демократической революции) / Ян Цин // Шанхай данши юй данцзянь. – 2012. – № 1. – С. 22–25.
21. Цзюньдуй чжэнчжи гунцзо лиши цзыляо. Канжи чжаньчжэн шици (Материалы по истории политработы в войсках. Период Антияпонской войны сопротивления). – Пекин, 1983.
22. Балуцзюнь хуэйи шиляо (8-я ПА: воспоминания, исторические материалы). – Пекин, 1991.
23. Тайханшань гэмин гэньцзюйди шиляо (Материалы по истории революционной опорной базы Тайханшань). – Тайюань, 1987.
24. Хэбэй цзяньцзю цзяньси дангань шиляо сюаньбянь (Избранные архивные материалы по кампании за снижение арендной платы и ссудного процента). – Шицзячжуан, 1989.
25. **Мао Цзэ-дун.** Избранные произведения / Мао Цзэ-дун. – Москва, 1952.
26. Мао Цзэдун нунцунь дяоча вэньцзи (Сочинения Мао Цзэдуна об обследовании деревни). – Пекин, 1981.
27. Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна). – Пекин, 1991.
28. **Чжан Мин.** Хуабэй дицзюй туди гайгэ юньдун дэ юньцзо. 1946–1949 (О сущности движения за земельную реформу в Северном Китае) / Чжан Мин // Эршии шици. – 2003. – № 4 (76). – С. 32–41.

29. **Гу Цзычжун.** Хуэйи 1947 нянь Цзинь-Суй бянюцой дэ тугай чжэндан (Воспоминания о земельной реформе и упорядочении партии в погранрайоне Шаньси-Суйюань в 1947 г.) / Гу Цзычжун // Чжунгун данши цзыляо. – 1996. – № 6 (58). – С. 19–28.
30. **Ли Лифэн.** Тугай чжундэ суку: ичжун миньчжу дунъюань цзишу дэ вэйгуань фэньси (Собрание суку в период земельной реформы: микроанализ одной из технологий массовой мобилизации) / Ли Лифэн // Наньцзин дасюэ сюэбао. – 2007. – № 5. – С. 97–109.
31. **Чжан Минъюань.** Водэ хуэйи (Мои воспоминания) / Чжан Минъюань. – Пекин, 2004.
32. **Дун Чжикай.** Цзефан чжаньчжэн шицидэ тугай гайгэ (Земельная реформа периода Войны за освобождение) / Дун Чжикай. – Пекин, 2004.
33. **Фэн Вэньбинь.** Хуэйи Пиншань тугай юй чжэндан (Воспоминания о земельной реформе и упорядочении партии в Пиншани) / Фэн Вэньбинь // Чжунгун данши цзыляо. – 1990. – № 2 (33). – С. 16–22.
34. Тугай гайгэ юньдун ши (История движения за земельную реформу). – Фучжоу, 2005.
35. **Ван Юмин.** Гэмин юй сянцинь: цзефанцую туди гайгэ яньцзю (Революция и деревня: земельная реформа в освобожденных районах) / Ван Юмин. – Шанхай, 2006.
36. **Цзян Линьпин.** «Цзефан чжаньши» цюньти де чаньшэн цзи ци гуймо («Солдаты-реабилитанты»: феномен и его масштабы) / Цзян Линьпин // Дандэ вэньсянь. – 2012. – № 3. – С. 96–103.
37. **Чжан Юн.** Цзефан чжаньчжэн чжун и суку хуэйи вэй чжунсиньдэ синьши чжэнцзюнь юньдун (Собрание суку как центральное звено движения за новые формы упорядочения войск в Войне освобождения) / Чжан Юн // Чжунгун данши яньцзю. – 2010. – № 6. – С. 71–79.
38. Чжунго жэньминь цзефанцзюнь дии ечжаньцзюнь вэньсянь сюаньбянь (Избранные документы по истории 1-й полевой армии НОАК). – Пекин, 1996.
39. Синьши чжэнцзюнь юньдун. Вэньцзянь юй цзыляо (Движение за новые формы упорядочения войск. Документы и материалы). – Пекин, 1995.
40. Тань Чжэн цзюньши вэньсюань (Избранные военные произведения Тань Чжэна). – Пекин, 2006.
41. Ян Шанкунь жицзи (Дневник Ян Шанкуня). – Пекин, 2001.

References

1. *Chzhun"yan gemin gen'tszyuydi shilyao syuan'byan'* (Izbrannye materialy po istorii Tsentral'noy revolyutsionnoy opornoy bazy) [Selected materials on the history of the Central Revolutionary Base]. Nanchan, 1982.
2. *Shobutsin'de Mao Tzedun: bayvey syuechzhe minzhen fantan'lu* (O Mao Tzedune vsego ne skazhesh': interv'yu sta uchenykh i izvestnykh deyateley) [One cannot tell everything about Mao Zedong: interviews of 100 scholars and well-known activists]. Shenyang, 1995.
3. *Khuan Kechen tszyshu* (Khuan Kechen o sebe) [Huang Kecheng about himself]. Pekin, 1994.
4. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 31. Mart–aprel' 1917: v 55 t.* [Complete collection of works. Vol. 31. March–April 1917: in 55 volumes]. 5th ed. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969. [In Russian]
5. Zhen' Vey. *Tayvan' Shida lishi syuebao*. 2014, no. 6 (51), pp. 51–68.
6. *Taykhan kanzhi gen'tszyuydi. Tsyun'chzhun yun'dun* (Antiyaponskaya opornaya baza Taykhan. Dvizhenie mass) [The Anti-Japanese Taihang base. The movement of masses]. Tayyuan, 1983.

7. Li Lifan. *Tszyansu shekhuey kesyue*. 2015, no. 3, pp. 191–199.
8. Zhen' Bishi. *Dande ven'syan'*. 1994, no. 3, pp. 14–18.
9. Li Tszinchzhen. *Tszin'dayshi yan'tszyu*. 2006, no. 4, pp. 88–97.
10. *Shen'-Gan'-Nin byan'tsyuy chzhenfu ven'tsyan' syuan'byan'* (*Izbrannye dokumenty pravitel'stva pogramrayona Shen'si-Gan'su-Ninsya*) [Selected government documents of the border region Shensi-Gansu-Ningxia]. Sian, 2013.
11. Khuan Chzhenlin'. *Chzhungun danshi yan'tszyu*. 2006, no. 2, pp. 45–53.
12. Lyao Yun'tsze. *Vode pyan'duan' khueyi* (*Moi otryvochnye vospominaniya*) [My fragmentary memories]. Nankin, 1986.
13. *Khu Tsyaomu khueyi Mao Tszedun* (*Vospominaniya Khu Tsyaomu o Mao Tszedune*) [Hu Qiaomu on Mao Zedong]. Pekin, 2003.
14. *Tszyan'dan ilay chzhun'yao ven'syan' syuan'byan'* (*Vazhneyshie izbrannye dokumenty so vremeni osnovaniya partii. 1921–1949*) [Crucial selected documents from the very origin of the party. 1921–1949]. Pekin, 2011.
15. *Tszin'-Cha-Tszi kanzhi gen'tsyuydi* (*Antiyaponskaya opornaya baza Shan'si-Chakhar-Khebey*) [The Anti-Japanese Base Shanxi-Chahar-Hebei]. Pekin, 1988.
16. *Tszi-Lu-Yuy byan'tsyuy tsyun'chzhun yun'dun tszylyao syuan'byan'* (*Izbrannye materialy po dvizheniyu mass v pogramichnom rayone Khebey-Shan'dun-Khenan'*) [Selected materials on the movement of masses in the border region Hebei-Shandong-Henan]. Shitszyachzhuan, 1991.
17. Chen Yung-fa. *Making Revolution: the Communist Movement in Eastern and Central China, 1937–1945*. Berkely, 1986.
18. *Chzhungo zhen'min' tszefantszyun' chzhenchzhi guntszo lishi tszylyao syuan'byan'* (*Izbrannye materialy po istorii politraboty v NOAK*) [Selected materials on the history of political work in the PLA]. Pekin, 2004.
19. Se Min'. *Tszin'dayshi yan'tszyu*. 2014, no. 6, pp. 139–154.
20. Yan Tsin. *Shankhay danshi yuy dantszyan'*. 2012, no. 1, pp. 22–25.
21. *Tsyzun'duy chzhenchzhi guntszo lishi tszylyao. Kanzhi chzhan'chzhen shitsi* (*Materialy po istorii politraboty v voyskakh. Period Antiyaponskoy voyny soprotivleniya*) [Materials on the history of political work in the army. The period of the Anti-Japanese Resistance War]. Pekin, 1983.
22. *Balutszyun' khueyi shilyao* (*8-ya PA: vospominaniya, istoricheskie materialy*) [The 8th army: memories, historical materials]. Pekin, 1991.
23. *Taykhanshan' gemin gen'tsyuydi shilyao* (*Materialy po istorii revolyutsionnoy opornoy bazy Taykhanshan'*) [Materials on the history of the revolutionary base Taihang Shan]. Tayyuan, 1987.
24. *Khebey tszyan'tszi tszyan'si dan'an' shilyao syuan'byan'* (*Izbrannye arkhivnye materialy po kampanii za snizhenie arendnoy platy i ssudnogo protsenta*) [Selected archival materials on the campaign for rental charge and lending rate reduction]. Shitszyachzhuan, 1989.
25. Mao Tszedun. *Izbrannye proizvedeniya* [Mao Zedong. Selected works]. Moscow, 1952. [In Russian]
26. *Mao Tszedun nuntsun' dyaocha ven'tszi* (*Sochineniya Mao Tszeduna ob obsledovanii derevni*) [Mao Zedong's works on village inspection]. Pekin, 1981.
27. *Mao Tszedun syuan'tszi* (*Izbrannye proizvedeniya Mao Tszeduna*) [Mao Zedong's selected works]. Pekin, 1991.
28. Chzhan Min. *Ershii shitszi*. 2003, no. 4 (76), pp. 32–41.
29. Gu Tszychzhun. *Chzhungun danshi tszylyao*. 1996, no. 6 (58), pp. 19–28.
30. Li Lifan. *Nan'tszin dasyue syuebao*. 2007, no. 5, pp. 97–109.
31. Chzhan Min'yuan'. *Vode khueyi* (*Moi vospominaniya*) [My memories]. Pekin, 2004.
32. Dun Chzhikay. *Tszefan chzhan'chzhen shitside tugay gayge* (*Zemel'naya reforma peri-oda Voyny za osvobozhdenie*) [The land reform of the Liberation War period]. Pekin, 2004.

33. Fen Ven'bin'. *Chzhungun danshi tszylyao*. 1990, no. 2 (33), pp. 16–22.
34. Tugay gayge yun'dun shi (*Istoriya dvizheniya za zemel'nuyu reformu*) [The history of the movement for land reform]. Fuchzhou, 2005.
35. Van Yumin. *Gemin yuy syantsun': tszefantsyuy tudi gayge yan'tszyu (Revolutsiya i derevnya: zemel'naya reforma v osvobodennykh rayonakh)* [The revolution and village: the land reform in liberated areas]. Shankhay, 2006.
36. Tszyan Lin'pin. *Dande ven'syan'*. 2012, no. 3, pp. 96–103.
37. Chzhan Yun. *Chzhungun danshi yan'tszyu*. 2010, no. 6, pp. 71–79.
38. *Chzhungo zhen'min' tszefantszyun' dii echzhan'tszyun' ven'syan' syuan'byan' (Izbrannye dokumenty po istorii 1-y polevoy armii NOAK)* [Selected documents on the history of the 1st army of the PLA]. Pekin, 1996.
39. *Sin'shi chzhentszyun' yun'dun. Ven'tszyan' yuy tszylyao (Dvizhenie za novye formy uporyadocheniya voysk. Dokumenty i materialy)* [The movement for new forms of army ranking. Documents and materials]. Pekin, 1995.
40. *Tan' Chzhen tszyun'shi ven'syuan' (Izbrannye voennye proizvedeniya Tan' Chzhena)* [Tian Zheng's selected military works]. Pekin, 2006.
41. *Yan Shankun' zhitszi (Dnevnik Yan Shankunya)* [Yang Shangkun's diary]. Pekin, 2001.

Пожилков Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр новейшей истории Китая, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Pozhilov Igor' Evgen'evich

Candidate of historical science, leading researcher, the Center of the Contemporary History of China, the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (32 Nahimovskiy avenue, Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Пожилков, И. Е. От «тихой революции» к «движению за земельную реформу» (о применении насилия в политике Коммунистической партии Китая в 1937–1948 гг.) / И. Е. Пожилков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 82–93. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-8.

РЫНОК И СНАБЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В последнее время авторы активно изучают процессы трансформации культуры крестьянской среды под воздействием политических, экономических, религиозных и прочих факторов. В теоретическом переосмыслении нуждаются самые разные аспекты деятельности советского государства, особенно внутренняя экономическая политика, когда преобразования в сельской жизни 1930-х гг. привели к тяжелым социально-экономическим последствиям для всего населения страны. Цель работы – проанализировать специфику государственного снабжения сельского населения Саратовского Поволжья в период окончания первой пятилетки.

Материалы и методы. Осуществление поставленной задачи было достигнуто за счет использования данных государственного архива новейшей истории Саратовской области. Особый интерес представляли документы советско-торгового отдела, письма, доклады, стенограммы совещаний работников кооперации и председателей колхозов. Методологический потенциал включает системно-исторический подход, применение которого позволяет рассмотреть отдельные явления в их единстве со средой; сравнительно-исторический метод, который дает возможность сопоставить государственную и нелегальную торговлю.

Результаты. Исследовано материальное и социально-бытовое обеспечение сельского населения, раскрывается повседневная специфика удовлетворения потребительского спроса колхозников. Отмечены особенности существования рыночных отношений в условиях плановой экономики, сыгравшие важную роль в самоснабжении населения в 1930-х гг.

Выводы. Анализ механизмов государственного снабжения позволяет сделать вывод, что товарный дефицит, низкое качество предлагаемой государственной продукции, постоянный высокий потребительский спрос становились главными причинами развития черного рынка и спекуляции. В условиях изъятия произведенной сельхозпродукции у колхозов либо продажи ее государству по специально установленным низким заготовительным ценам колхозник лишался материальной заинтересованности и стимула к качественному труду.

Ключевые слова: рынок, снабжение, сельское население, пятилетка, колхоз, коллективизация, торговля.

V. A. Kotel'nikov

THE MARKET AND SUPPLY OF THE RURAL POPULATION OF SARATOV REGION AT THE END OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Abstract.

Background. Recently, the authors have actively studied the processes of transformation of the peasant culture of the environment under the influence of political,

economic, religious, and other factors. A variety of aspects of the Soviet state require theoretical rethinking, especially the domestic economic policy, when the transformations in the rural life of the 1930s led to severe socio-economic consequences for the entire population of the country. The aim of this work is to analyze the state of supply of the rural population of Saratov region during the period of the first five-year plan.

Materials and methods. The implementation of the task was achieved through the use of data, the state archive of the contemporary history of Saratov region. Of particular interest were documents of the Soviet Trading Department, letters, reports, verbatims of meetings of employees of the societies and the chairmen of collective farms.

Results. The author has studied the material and social security of the rural population, revealed the everyday specifics of meeting the demand of farmers, as well as noted the peculiarities of market relations in a planned economy that played an important role in the self-supply of the population in the 1930s.

Conclusions. The analysis of the mechanisms of public supply allows to conclude that trade deficit, low quality of products, constant consumer demand became the main reasons for the development of a black market and speculation. In terms of exemption of agricultural products from collective farms, or selling it to the state at specially installed low procurement prices, the farmers were deprived of material incentives and motivation for quality work.

Keywords: market, supply, rural population, five-year plan, collective farm, collectivization, trade.

В советской историографии вопрос коллективизации и уровня жизни населения, удовлетворения потребительского спроса в СССР 1920–1930-х гг. оценивался исключительно положительно. Правительством предусматривалось, что сельское хозяйство будет увеличиваться в достаточно существенных масштабах путем механизации, объединения материальных средств, расширения посевных площадей; реальная зарплата вырастет на 71 %, а доходы крестьян в свою очередь – на 67 % [1, с. 174]. Этап к повышению низкой производительности аграрного сектора лежал через создание крупных хозяйств и объединение материальных средств. Однако реформа по созданию коллективных хозяйств не привела к повышению урожайности, а перевыполнение планов достигалось административным отъемом зерна у крестьян.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки: подводя ее итоги, Сталин сообщил, что тяжелая индустрия выполнила план на 108 %. При этом потребительский рынок оказался сферой, на которую значительно всего повлияла коллективизация и форсированное развитие тяжелой промышленности. Доля частной торговли в розничном товарообороте страны сократилась в 1930 г. до 5,6 %, а уже в 1931 г. частная торговля была запрещена [2, с. 99].

В условиях ликвидации рынка государство обладало монопольным правом устанавливать цены на промышленные товары. «У нас нет на рынке, – говорил И. В. Сталин в 1929 г., – свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости продукции и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает в капитали-

стических странах» [3, с. 43, 44]. Однако, по мнению Е. А. Осокиной, «чис-
тых» экономик не бывает: государственное регулирование, в том числе ад-
министрирование, и рынок присутствуют в любой экономике, меняется лишь
их соотношение [2, с. 37].

К началу 1930-х гг. в СССР главной статьей дохода был импорт зерна,
а поскольку государству требовался дешевый хлеб, колхозы становились
удобным рычагом экспроприации необходимого ресурса. В связи с новым
экономическим курсом количество сданного государству продукта опиралось
на завышенные директивы, которые не соответствовали экономическому по-
тенциалу, крестьянин терял возможность самостоятельно корректировать
распределение сельхозпродукции для продажи и собственных потребностей.
На практике почти весь хлеб, произведенный крестьянами, изымался в счет
хлебозаготовок.

А. А. Герман в своей монографии подчеркивает: «Массовое создание
колхозов не решило главной проблемы сельского хозяйства, урожайность
продолжала зависеть от капризов природы» [4, с. 273]. Чем больше сдавали
хлеб, тем больше хозяйства становились убыточными. Низовой политиче-
ский аппарат был готов любыми способами добиться выполнения поставлен-
ных задач, для которых директивы были важнее реального положения дел
в аграрном секторе. Колхоз должен был сдавать государству определенное
количество зерна и другой продукции, а зернопоставки составляли большую
часть урожая, чем продали бы крестьяне до коллективизации.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. об обя-
зательных поставках зерна недвусмысленно и в категорической форме за-
прещалось местным органам власти и заготовительным органам «допускать
встречные планы». «Все излишки хлеба после выполнения обязательств сда-
чи государству зерна, – подчеркивалось в постановлении, – остаются в полном
распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников» [5, с. 54, 55].
Постановление стало прямым следствием массового голода, свирепствовав-
шего в СССР в 1932–1933 гг. и ставшего следствием практически полного
отъема продовольствия у крестьян. С целью быстрее преодоления голо-
да были введены еще и хлебозакупки.

Колхозники и единоличники неохотно участвовали и в хлебозакупках,
которые осуществлялись государством параллельно с налогом на произве-
денную продукцию, поскольку цены на зерно устанавливались ниже рыноч-
ных. Среднегодовой доход колхозника Саратовского Поволжья, включая и
АССР немцев Поволжья, составлял 90–150 руб. [6, с. 20–25]. Для сравнения:
пиджак в те годы можно было купить за 100–120 руб. Отсутствие материаль-
ной заинтересованности порождало практику формального отношения к кол-
хозному труду. Это в большинстве своем понимали и председатели колхозов,
которые ничего не могли сделать с таким явлением, заражать общей, коллек-
тивной идеей было сложно. Новая жизнь не давала прямого стимула для хо-
зяйственной инициативы. В отличие от рабочего, получающего карточки,
для колхозника главным источником снабжения были колхозные фонды.
За сданную государству продукцию крестьяне получали деньги и квитанции
на право купить товары и продукты. Поступление товаров из государствен-
ных фондов зависело от выполнения плана заготовок, а не от численности
населения района [2, с. 134].

Колхозников привлекали, как отмечалось в документации советско-торгового отдела, «красивым товаром» (самоваром, лампой, блюдом), чтобы крестьянин сам пришел с хлебом. Поставки в сельпо всего необходимого организовывали в третьем квартале, стимулируя колхозника сдавать произведенный продукт после уборочной кампании. Однако цены в сельпо¹ были явно завышенными, что хорошо видно из табл. 1. Для сравнения: по хлебозакупкам крестьянину в среднем платили за 1 центнер зерна 50 руб.

Таблица 1

Средние цены на товары в сельпо по Саратовскому Поволжью
на 1933–1934 гг. (в руб.) [7, с. 22–40]

Товары	Лес (доска) 1 м ³	Велосипед	Бадейка*	Сукно (1 пог. м)	Сатин (1 пог. м)	Кровать (металл.)	Гармонь немецкая
Цены на них	120	230–250	40	45	6,15	51	153

Примечание. *Бадейка – широкогорлый низкий горшок для молока.

Плохой ассортимент и низкое качество завозимых на село промышленных изделий не отвечали спросу. Товар пролеживал на складах и полках магазинов по несколько лет. Например, на Балашовскую межрайбазу пришла партия в шесть тысяч кос (Павловского завода), но ни одной косы сельпо не смогло продать. Дело в том, что косы были сделаны из простого железа, быстро ржавели и оказались совершенно непригодны для полевой работы [8, с. 20].

Весной 1933 г., в разгар голода, власть вынуждена была перестроить систему заготовок сельскохозяйственной продукции, существенно снизив нормы ее сдачи государству. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1933 г. устанавливало твердые погектарные нормы с посева по районам в зависимости от урожайности. Для колхозов зерновых районов норма сдачи зерна колебалась от 2 до 3,3 центнеров с гектара. С единоличных хозяйств нормы сдачи были на 5–10 % выше нормы сдачи колхозами данного района. На каждое хозяйство накладывалось обязательство, сколько точно нужно сдать колхозу и единоличным хозяйствам зерна с каждого гектара посевной площади [5, с. 172]. По сути дела, как и в марте 1921 г., тотальный голод и массовая смертность крестьян, вызванная отъемом продовольствия, вновь заставила власть заменить продразверстку продналогом.

После того как урожай был собран, в первую очередь организовывались обязательные государственные поставки. На общих собраниях партийные организации проводили целый ряд решений об отчислении в колхозный фонд необходимого количества трудовых дней. Вслед за этим с председателем заключался договор на продажу определенного количества хлеба. Затем зерно ссыпалось в семенной фонд колхоза, и лишь после выполнения всех обязательств колхоз мог распределить остатки между своими членами в зависимости от того, как они работали в течение года [9, с. 151]. Для того чтобы получить обувь, текстиль или соху, крестьянин подавал заявку.

¹ Так назывались в народе магазины сельской потребительской кооперации.

Самой популярной практикой был предварительный обход колхозников с приемом заказов. Уполномоченные выясняли, что население хочет приобрести, записывали и, когда приходил товар, выдавали его согласно предварительной заявке. Архивные материалы реконструируют безрадостную картину реального положения дел в Саратовском Поволжье. Взамен товаров крестьяне получали «бумажки», которые подлежали реализации в неопределенном будущем. А если и удавалось обменять квитанцию и заполучить заветное «изделие», то второй проблемой оставалось низкое качество промышленной продукции.

Сводки о недостатках и искривлениях в практике реализации товаров хлебозакупочного фонда (по Заволжским районам) изобилуют подобными сообщениями. Председатель колхоза «Достижение» Перелюбского района Тамараев на собрании кооператоров высказывался следующим образом: «Кровати подвозят ржавые, много заявок на велосипеды. И то эти велосипеды – одно недоразумение. Нет частей (в данном случае председатель имел в виду, что велосипеды продавали без вентилей – клапанов для накачки шин – В. К.), мы не знаем на них цены». Часто сельпо несли убытки из-за отсутствия условий транспортировки к месту назначения. Например, председатель Алексеенко из Мироновского отдела Питерского района жаловался, что доставленное стекло на 70 % оказалось битым. В большинстве сельпо дефицитными товарами оставались пилы, хомуты, косилки, заклепки [7, с. 40].

Голодные 1932–1933 гг. сопровождалась ростом преступности, основную массу представляли собой хищения и растраты «социалистической собственности». Мелкое воровство приняло огромные масштабы в сельпо, в итоге убытки, которые исчислялись миллионами, приводили к закрытию точек «отоваривания» населения.

Основной ущерб государству наносили председатели и продавцы товарных точек. Большинство из них «тащили» или продавали «из-под полы» залежавшийся товар, наживаясь на покупателях, поскольку цены на черном рынке были на порядок выше, чем в коммерческих магазинах. К растратам и хищениям приводило тяжелое материально-бытовое положение работников: проработав два-три месяца, они похищали деньги и скрывались. При отсутствии какого-либо дополнительного дохода председатель сельпо получал 80–100 руб., продавец – 50–70 руб. в месяц. Так, по Балашовскому району за 1933 г. в 31 сельпо сменилось 8 председателей правления и 16 продавцов, в Покровском сельпо за месяц сменилось 4 продавца, а в Меликовском – 3.

В таких непростых условиях больше всех страдал крестьянин, остававшийся без денег и товара. Постоянные растраты и воровство вынудили колхозников по возможности не пользоваться услугами сельпо, посылая на повозках своих людей напрямую в межрайбазу.

Несмотря на некоторые послабления крестьянам по сдаче продовольствия, сделанные государством в начале голодного 1933 г., летом того же года, несмотря на то что голод еще не был изжит, началась новая кампания по принуждению крестьян к сдаче хлеба и других продуктов государству. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. запрещалась колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом [10, с. 414]. Продавать сельхозпродукты можно было только государству и опять по заниженной цене.

Крестьяне пытались сопротивляться, старались оставить как можно больше продуктов для собственных нужд:

– «Дайте нам поесть сначала сытно, а затем, может быть, мы и государству продадим что-нибудь» (с. Романовка).

– «Что Вы агитируете, разрешите быть нам хозяевами и продать тому, кому хотим. Вспомните, как мы голодали, и теперь нас к этому подведут» (Ершовский район) [11, с. 18].

Чтобы не сорвать осенние хлебозаготовки и запретить частным торговцам нарушение «социалистического» законодательства, государство начало на них жестокую охоту. В частности, по ст. 107 УК был арестован и обвинен в спекуляции и частной торговле Андрей Андреевич Афанасьев, выпекавший хлеб в Саратове и перепродававший в его Аткарском районе по цене 1,50 руб. В государственном магазине стоимость буханки хлеба была более привлекательной – 60–80 коп., но спрос на этот хлеб среди населения был низким.

Большинство хлебных лавок находилось в антисанитарном состоянии. На государственную продукцию поступали постоянные жалобы: «Под прилавком магазина сложены загрязненные дрова. Продавцы работают в грязных халатах». Нередко из-за отсутствия муки в государственную хлебную продукцию добавлялись суррогаты, например ячменные отходы. Поэтому рабочие и сельское население нередко предпочитало переплачивать за качество хлеба почти в три раза [11, с. 19, 20].

Спекулянты пользовались проблемами снабжения и дефицита в социалистическом хозяйстве. Черный рынок предоставлял возможность купить все необходимое, в то время как люди простаивали в очередях, а магазины были полупустые.

Некоторое время определенным каналом получения дефицитных продуктов были Торгсины, которые с осени 1931 г. открыто продавали продукты населению в обмен на золото и валюту. В основном этой помощью пользовались отдельные граждане АССР немцев Поволжья, которым родственники и друзья из-за границы оказывали материальную поддержку. Так, в ряде колхозов Франкского кантона (Гуссенбах, Диттель) до 15 % населения получали переводы валюты (марки и доллары), покупая на них дефицитные продукты: муку, крупу, масло и т.д. Однако довольно скоро государство стало конфисковывать валюту у ее получателей и развязало против них настоящий террор [4, с. 328–330].

Даже в то опасное для частных торговцев время черный рынок существовал, он давал возможность выгодно реализовать излишки продуктов и приобрести необходимый качественный товар. Близость районного центра, которая давала возможность круглый год зарабатывать торговлей на базаре или частным извозом, служила стимулом развития торгово-рыночных отношений. Начальник политотдела Новоузенской МТС по этому вопросу пишет: «Колхозы Новоузенской МТС, имеют специфичность... Город Новоузенск – это бывший центр крупной хлебной и мясной торговли, он окружен рядом пригородных поселков. Людей, занимающихся сельским хозяйством, здесь было очень мало. Население этих пригородов основным источником дохода имело кустарный промысел, доходы от садов, огородов и бахчей. Зерновое хозяйство этих пригородов не являлось основным» [12, с. 28].

В силу разрастания незаконной торговли осенью 1934 г. в директиве «О борьбе за выполнение плана хлебозакупок» предусматривалась борьба со

спекулянтами, скупщиками, в том числе с единоличниками и колхозниками, продающими хлеб на рынке до выполнения ими своих обязательств перед государством. Если в этой продаже они были замечены впервые, то всем городским и районным прокурорам и нар судьям Саратовского Края предлагалось привлекать к судебной ответственности по 105 ст. УК, а за систематическую продажу судить по 107 ст. УК [13, с. 32].

Размер товарооборота на черном рынке невозможно подсчитать, однако на основе данных потребкооперации Саратовского края можно сделать вывод, что большая часть финансов шла мимо государственных магазинов. Только за 1933 г. было приобретено товаров на душу населения по городу на 118 руб., а по селу – только на 40 руб. Обеспечение повышения по линии государственного снабжения сельского населения края оставалось незначительным. Товарооборот потребкооперации не увеличился, а наоборот снизился: за 1932 г. он равнялся 133,6 млн руб., а за 1933 г. – 121,4 млн руб. [8, с. 28]. Отказываясь предоставить частнику больше прав и возможностей, государство несло колоссальные убытки от неуплаты налогов, разворовывания сырья и товаров с государственных предприятий.

Ввиду непростых экономических условий, чтобы обеспечить себя заработком, крестьяне занимались отходничеством. Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. предусматривали льготы по сельхозналогу, по страхованию и поставкам для отходников-единоличников и колхозников, временно покидавших деревню с целью работы на основании зарегистрированного в правлении колхоза трудового договора (в случае самовольного отхода колхозник подлежал исключению из колхоза). Особенно это касалось колхозов, находящихся вблизи крупных городов. В большинстве случаев бывшие крестьяне пополняли число рабочих, в итоге страдал аграрный сектор, поскольку сокращалось трудовое население [6, с. 85].

Поскольку аграрный сектор являлся важнейшим источником финансирования гигантских строек, проводимые мероприятия в отношении сельского хозяйства были направлены исключительно на удовлетворение промышленных нужд страны. Сдавая свою продукцию государству по низким заготовительным ценам, крестьянам предлагалось приобретать товары в кооперативах по завышенной стоимости [2, с. 130]. Удовлетворить запросы колхозников на товары широкого потребления не удавалось, своевременное продвижение и качество продукции оставалось низким и не доходило до потребителя по причине массовых растрат и хищений. Однако потребность в зерне и другой сельхозпродукции росла с каждым годом, но для того чтобы увеличить производство зерна, нужно было материально стимулировать крестьян, однако это мало интересовало руководство страны. В условиях постоянного дефицита воровство, продажа продуктов, спекуляция стали играть важнейшую роль в самообеспечении населения. В итоге черный рынок паразитировал на социалистическом ведении хозяйства, приспосабливался и трансформировался в обстановке централизованного распределения благ.

Библиографический список

1. **Боффа, Д.** История Советского Союза : в 2 т. Т. 1: От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917–1941 / Д. Боффа. – Москва, 1990.
2. **Осокина, Е. А.** За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – Москва : РОССПЭН, 1999.

3. **Сталин, И. В.** Сочинения : в 18 т. / И. В. Сталин. – Тверь, 1946–2006.
4. **Герман, А. А.** Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 / А. А. Герман. – Москва : МСНК-пресс, 2007.
5. Голод в СССР 1929–1934 : в 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934 гг. – Москва : МФД, 2011.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 51.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 213.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 214.
9. **Фицпатрик, Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – Москва, 2001.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 3: Конец 1930–1933. – Москва : РОССПЭН, 2000.
11. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 82.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 25.
13. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 55.

References

1. Boffa D. *Istoriya Sovetskogo Soyuza: v 2 t. T. 1: Ot revolyutsii do vtoroy mirovoy voyny. Lenin i Stalin, 1917–1941* [The USSR history: in 2 volumes. Vol. 1: From the revolution to WWII. Lenin and Stalin, 1917–1941]. Moscow, 1990. [In Russian]
2. Osokina E. A. *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the curtain of “Stalin’s abundance”]. Moscow: ROSSPEN, 1999. [In Russian]
3. Stalin I. V. *Sochineniya: v 18 t.* [Works: in 18 volumes]. Tver, 1946–2006. [In Russian]
4. German A. A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941* [The German autonomy in Volga region. 1918–1941]. Moscow: MSNK-press, 2007. [In Russian]
5. *Golod v SSSR 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934 gg.* [Famine in the USSR in 1929–1934: in 3 volumes. Vol. 3: Summer of 1933–1934]. Moscow: MFD, 2011. [In Russian]
6. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO)* [The State Archive of the Contemporary History of Saratov region (GANISO)]. F. 594. Op. 1. D. 51. [In Russian]
7. *GANISO*. F. 594. Op. 1. D. 213.
8. *GANISO*. F. 594. Op. 1. D. 214.
9. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin’s peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: the village]. Moscow, 2001. [In Russian]
10. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 3: Konets 1930–1933* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. Documents and materials: in 5 volumes. Vol. 3: The late 1930–1933]. Moscow: ROSSPEN, 2000. [In Russian]
11. *GANISO*. F. 594. Op. 1. D. 82.
12. *GANISO*. F. 594. Op. 1. D. 25.
13. *GANISO*. F. 594. Op. 1. D. 55.

Котельников Вадим Алексеевич

аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Kotel'nikov Vadim Alekseevich

Postgraduate student, Saratov State
University (83 Astrakhanskaya street,
Saratov, Russia)

E-mail: kotelnikov_va_94@mail.ru

Образец цитирования:

Котельников, В. А. Рынок и снабжение сельского населения Саратовского Поволжья в период окончания первой пятилетки / В. А. Котельников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 94–102. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-9.

**ПРОФЕССОР Я. М. ЗАХЕР: 15 КРАССЛАГОВСКИХ ЛЕТ
(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)****Аннотация.**

Актуальность и цели. Яков Михайлович Захер (1893–1963), выдающийся историк и представитель младшего поколения широко известной на Западе “École gusse”, виднейший специалист по истории леворадикального движения «бешеных» в революционной Франции конца XVIII в., крайне мало известен в России в отличие от стран Европы, США, Китая, Австралии. Несмотря на значимость научного вклада, лишь немногие представители научного сообщества обратили свое внимание на формирование полной картины жизни и трудов выдающегося советского ученого. Чаще всего в историографии упоминались его труды. В то же время сами годы жизни советского историка заинтересовали куда меньшее количество исследователей. Белым пятном в биографии Захера стали трагические 15 лет заключения в ГУЛАГе – с 1938 по 1953 г. Лишь недавно были обнаружены документы Архива УФСБ России по Красноярскому краю по второму уголовному делу в отношении Якова Михайловича, заведенному уже в период отбывания наказания. Именно они позволили пролить свет на отрезок в полтора десятка лет, которые ранее были скрыты как от родных, так и от учеников и исследователей.

Материалы и методы. Протоколы допросов, обвинительные заключения, постановления, свидетельские показания, ходатайства, содержащиеся в архивном уголовном деле, позволяют не только оценить ход уголовного процесса над историком, проанализировать обвинение и сам приговор, но и определить на основании показаний Я. М. Захера его ближайшее лагерное окружение, выявить характерные черты личности, непоколебимую жизненную позицию. Свидетельские показания историка выявили в числе его друзей и приятелей не рядовых заключенных, а выдающихся общественно-политических деятелей, высокопоставленных государственных служащих, деятелей культуры и искусства.

Результаты. Изучение документов позволило в значительной степени дополнить картину жизни лагеря, представленную в работах ряда ученых и представителей российского правозащитного общества «Мемориал».

Выводы. Проведенное исследование не только открыло новые возможности и перспективы в изучении жизни одного выдающегося ученого, но и показало целое поколение, чье профессиональное и личное становление пришлось на время грандиозных потрясений в России.

Ключевые слова: советская историческая наука, Я. М. Захер, Краслаг.

**PROFESSOR YA. M. ZAKHER:
15 YEARS IN KRASNOYARSK FORCED LABOR CAMP
(ON THE BASIS OF ARCHIVAL SOURCES)**

Abstract.

Background. Yakov Mikhailovich Zakher (1893–1963), an outstanding historian and representative of a younger generation of the “École russe”, well-known in the West, a prominent specialist in the history of the left-wing radical movement “les Enragés” in revolutionary France of the late 18th century, is very little known in Russia in contrast to European countries, USA, China, Australia. Despite the significance of the scientific contribution, only a few scientific community’ representatives turned their attention to the formation of a complete picture of the life and works of an outstanding Soviet scientist. Most often, historiography mentioned his works. At the same time, a much smaller number of researchers were interested in the years of the Soviet historian’s life. The blind spot in Zakher’ biography was the tragic 15 years of imprisonment in the Gulag – from 1938 to 1953. Only recently the documents on the second criminal case against Zakher have been discovered in the Archives of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region. It was those documents that allowed to shed light on the segment of one and a half dozen years, which were previously hidden from both relatives and students and researchers.

Materials and methods. The interrogation protocols, indictments, decisions, testimonies, petitions contained in the archival criminal case allow not only to evaluate the progress of the historian’s criminal trial, to analyze the charge and the sentence itself, but also to determine its closest encirclement based on the testimonies of Ya. M. Zakher, identify personality traits, and the unwavering attitude. The historian’s testimonies revealed not ordinary prisoners among his friends and acquaintances, but outstanding public and political figures, high-ranking civil servants, and cultural and art workers.

Results. The study of the documents made it possible to significantly supplement the picture of the camp’s life, presented in the scientists’ works and works of representatives of the Russian human rights society “Memorial”.

Conclusions. The study opened up new opportunities and prospects in studying not only the life of one outstanding scientist, but also showing a whole generation whose professional and personal development took place at the time of tremendous upheavals in Russia.

Keywords: Soviet historical science, Ya. M. Zakher, Krasnoyarsk forced labor camp.

А. Ф. Лосев, русский философ и ученый, сформулировал примечательную теорию интеллигенции. В своей статье «Об интеллигенции» он писал: «Нет другого слова, которое могло бы более ярко выразить такую сущность интеллигентности, чем слово “подвиг”». Согласно Лосеву, интеллигентность включает в себя четыре основные черты: во-первых, это индивидуальная жизнь в контексте времени, во-вторых, это жизнь, направленная на достижение блага для всего человечества, в третьих, это стремление преодолеть несовершенство жизни и, наконец, это требование подвига от конкретного человека для исправления несовершенного мира [1, с. 6]. Интеллигентность не возникает сама по себе – она достигается путем самосовершенствования. Как,

в таком случае, можно увидеть истинного интеллигента – в его жизни и деятельности, порой проходящей сквозь условия, в которых не всякий человеческий разум и тело могут выжить?

ГУЛАГ стал ярким примером испытаний для многих. Опубликованные протоколы допросов показывают картину предательства, истязаний, навязывания вины. Лагерная система сломила много жизней, а те, кто прошел испытания ГУЛАГа, весьма красочно расписывали свою жизнь за «колючей проволокой». Среди них были те, кто не смог поступиться своими убеждениями и принципами. Именно таким был профессор Ленинградского университета Яков Михайлович Захер (1893–1963), выдающийся советский историк, чьим главным научным интересом была Великая французская революция конца XVIII в. Центральное место в его изысканиях принадлежало леворадикальному движению «бешеных», благодаря которому Захер стал известен и признаваем не только на родине, но и за границей [2].

На своем жизненном пути ученый пережил немало потрясений, но самым сложным испытанием стали долгие 15 лет заключения в ГУЛАГе. Ни плодотворная научная, ни успешная преподавательская деятельность не смогли уберечь историка от трагических событий конца 1930-х гг. Его арестовали в ночь с 7 на 8 октября 1938 г. Предъявленное обвинение не было оригинальным – Захеру вменялось в вину участие в антисоветской меньшевистской организации (ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР). 19 октября 1940 г. по решению Особого совещания НКВД СССР историк был направлен в Красноярский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) сроком на 8 лет. Повторно он был арестован 4 ноября 1941 г. и приговорен к дополнительным 10 годам. Но Захер сломлен не был. В чем была причина?

Уникальные документы, связанные со вторым уголовным делом, материалы по особенностям устройства Краслага позволяют частично приоткрыть завесу. Красноярский ИТЛ образован в 1938 г. До 1950 г. это был лагерь преимущественно политических заключенных, через который прошло не менее 100 тыс. человек [3]. Важные сведения о Краслаге присутствуют в материале газеты «Завтра» о П. В. Романове, известном хозяйственном и политическом деятеле, родившемся в 1943 г. в Канске и подробно описавшем в своем интервью особенности жизни лагеря. Руководство учитывало особенности образования заключенных и стремилось использовать их знания и навыки с максимальной эффективностью, сохраняя жизнь [4]. Именно в этом лагере руководство пришло к целесообразности отказа от системы зависимости пайка от нормы дневной выработки. Охрана не мешала и местным жителям поддерживать заключенных [5]. Все это были внешние факторы существования осужденных, но не менее важными являются взаимоотношения между людьми. Кто же был среди ближайшего окружения Захера? В протоколах второго уголовного дела мы встречаем имена выдающихся личностей, которых историк называл своими друзьями – А. А. Энгельке и Р. П. Катаняна. Кратко коснемся их биографии.

Поэт, переводчик А. А. Энгельке (1904–1977), познакомивший советского читателя со Стендалем, Ж. Санд, Ш. Нодье и другими авторами, был арестован в том же злополучном 1938 г. Еще до ареста Энгельке участвовал в организации испано-советского сотрудничества в период гражданской войны в Испании. Сразу после ее окончания он был осужден за шпионаж на

6 лет и направлен в Канск. Как вспоминает Н. Дорожкин, Александр Александрович был одним из самых одаренных «интеллигентов, прошедших тюрьмы и лагеря и вышедших в поэты-переводчики» [6].

В Канск направлялись и те, кто занимал высокие должности в органах власти. Таковым был Р. П. Катанян (1880–1966). До 1923 г. он занимал посты по внешнеполитическому направлению – вплоть до генерального консула СССР в Берлине. В дальнейшем Катанян углубился в юриспруденцию (преподаватель права в МГУ, государственный обвинитель на политических процессах и т.д.). В 1938 г. его жизнь кардинально изменилась – он был обвинен в принадлежности к группе меньшевиков и осужден на заключение в Канске. Освобождение пришло только в 1950 г. [7, с. 381].

Еще одним знакомым Захера, но не близким, был лагерный художник В. Чиканик, общение с которым вылилось в создание портрета Якова Михайловича, ставшего еще одним штрихом в картине жизни историка¹. О Чиканике известно немного, но его картины, в частности «Девочка с котятками», позволяют судить о ярком таланте художника. Несмотря на отсутствие подписи на портрете, можно достаточно уверенно говорить об установлении авторства. При сравнении произведения «Девочка с котятками» и портрета Захера отмечается схожая манера письма, используемая техника. Картина представляет нам удивительно спокойного, умудренного годами и невероятно светлого человека.

Захер органично влился в интеллигентскую среду лагеря в Канске. Читая протоколы допроса, мы ясно видим, насколько важна была для историка возможность найти собеседника, применить свои способности к оценке военной ситуации того времени. В качестве обвинения по второму уголовному делу выступала агитация и пропаганда в пользу немецкого командования. Насколько это было верно – неизвестно, но ученый всеми силами стремился оградить свое окружение от любых обвинений, сосредоточив внимание следствия только на себе. Захер сразу оговорил, что инициатива шла только от него и его товарищи неоднократно предостерегали его. В тексте определения и приговора мы находим сведения о наличии второго обвиняемого, которому историк стремился помочь в меру своих сил [8, л. 201]. «Было установлено из показаний подсудимого Захера, что [второй обвиняемый] не только не вел антисоветские разговоры, но и предупреждал подсудимого Захера не высказываться в подобном тоне» [9, л. 232]. Следствие длилось до 27 декабря 1941 г. Однако 3 июля 1942 г. было подготовлено судебное определение о направлении дела на доследование в связи с недостаточной полнотой информации, проводившееся еще более полугодом. 11 января 1943 г. краевым прокурором и заместителем начальника УНКВД по Красноярскому краю было составлено заключение, согласно которому историк обвинялся в том, что, «находясь в заключении при Канском ОЛП Краслага НКВД, среди окружающих его заключенных систематически в 1941 г. проводил контрреволюционную агитацию, т.е. в преступлении, предусмотренном по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР» [10, л. 217]. На закрытом заседании сессии Красноярского суда 3–4 февраля 1943 г. было решено подвергнуть Я. М. Захера лишению свободы сроком на

¹ Портрет хранится в личном архиве ученика Я. М. Захера, профессора ИНИОН РАН А. В. Гордона.

10 лет с поражением в правах и конфискацией имущества. Не отбытый срок по первому делу считался «поглощенным» вторым приговором. Захер сразу же подал ходатайство о помиловании, содержащее две просьбы: 1) смягчить меру наказания и 2) отложить вступление приговора в силу до окончания войны, направив его самого в ряды действующей РККА [11, л. 237]. Но судебная коллегия оставила приговор в силе [12, л. 241]. И это было очередным испытанием в целой череде печальных событий тех лет. Еще до окончания срока, 10 июля 1948 г., состоялось заседание комиссии по отбору особо опасных заключенных, к которым был отнесен и Я. М. Захер. В мае 1951 г. он был определен на бессрочную ссылку все в том же Красноярском крае [13, с. 343].

Но время быстро шло вперед. Наступил март 1953 г. Происходят грандиозные изменения в эшелонах власти в СССР. Я. М. Захер был освобожден, приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Ему разрешили поселиться в Петрозаводске. Отсюда в 1954 г. начинается борьба за реабилитацию [14]. Дело было пересмотрено Президиумом ВС РСФСР 15 июня 1956 г., и Захер получил шанс вернуться к делу всей своей жизни [15, л. 273]. Исторический факультет Ленинградского университета стал оплотом деятельности ученого в его последние годы жизни.

Подводя итог, важно отметить, что факты говорят сами за себя. Настоящий интеллигент ставит своей целью не простое существование в обществе, но и передачу знания, отношения, идей, которые складываются в некую основу существования человека как существа думающего. Осознание важности сохранения прошлого для настоящего и будущего в его истинном виде, честность и объективность – это важнейшие черты подлинного ученого и настоящего интеллигента. Проявив твердые черты характера до ареста и ссылки, Яков Михайлович Захер сохранил свои принципы и убеждения и в заключении, не позволив сломить себя тяжелейшими условиями существования. И как тут не вспомнить Даниила Заточника (XIII в.): «Злато искушается огнем, а человек – напастями».

Библиографический список

1. **Лосев, А. Ф.** Об интеллигентности / А. Ф. Лосев // Держание духа / сост. Ю. А. Ростовцев. – Москва : Политиздат, 1988. – 366 с.
2. **Захер, Я. М.** Бешеные / Я. М. Захер. – Ленинград : Работник просвещения, 1930. – 241 с.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1736. Оп. 2с. Д. 44 // Доклады о работе лагерного суда. – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/LAGER/Kraslag/470129.htm> (дата обращения: 11.04.2019).
4. «Я родился в Краслаге»: Герой социалистического труда Петр Романов опровергает вранье Солженицына // Завтра. – 2018. – 6 июня. – URL: http://zavtra.ru/blogs/ya_rodilsya_v_kraslage (дата обращения: 08.06.2018).
5. Чтобы все было по-людски. – URL: <https://www.svoboda.org/a/28130212.html> (дата обращения: 13.04.2018).
6. **Дорожкин, Н.** Неволя и величие поэта / Н. Дорожкин // День Литературы. – 2003. – № 77. – URL: <http://detectivebooks.ru/book/download/13226284/> (дата обращения: 10.05.2019).
7. **Дегтярев, К.** Внешняя разведка СССР / К. Дегтярев, А. Колпакиди. – Москва : Эксмо, 2009. – 736 с.

8. Определение от 03.07.1942 // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 201.
9. Приговор по следственному делу № 1871 по обвинению Захера Я. М. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 232.
10. Обвинительное заключение по следственному делу № 1871 по обвинению Захера Я. М. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 217.
11. Ходатайство Я. М. Захера в ВС РСФСР от 10.02.1943 // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 237.
12. Определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР по делу Л-58-38 от 11.03.1943 // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 241.
13. **Золотарев, В. П.** Яков Михайлович Захер (1893–1963 г.) / В. П. Золотарев // Новая и новейшая история. – 1993. – № 4. – С. 334–345.
14. **Гордон, А. В.** Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер / А. В. Гордон // История. – 2014. – Т. 5, вып. 9 (32). – URL: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1> (дата обращения: 25.09.2018).
15. Постановление Президиума ВС РСФСР от 15.06.1956 // Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П4529. Л. 273.

References

1. Losev A. F. *Derzanie dukha* [Holding the spirit]. Moscow: Politizdat, 1988, 366 p. [In Russian]
2. Zakher Ya. M. *Beshenye* [The furious]. Leningrad: Rabotnik prosveshcheniya, 1930, 241 p. [In Russian]
3. *Doklady o rabote lagernogo suda* [Reports on the camp court performance]. Available at: <http://www.memorial.krsk.ru/LAGER/Kraslag/470129.htm> (accessed Apr. 11, 2019). [In Russian]
4. *Zavtra* [Tomorrow]. 2018, 6 Jun. Available at: http://zavtra.ru/blogs/ya_rodilsya_v_kraslage (accessed Jun. 08, 2018). [In Russian]
5. *Chtoby vse bylo polyudski* [Let it be in a human way]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28130212.html> (accessed Apr. 13, 2018). [In Russian]
6. Dorozhkin N. *Den' Literatury* [The day of literature]. 2003, no. 77. Available at: <http://detectivebooks.ru/book/download/13226284/> (accessed May 10, 2019). [In Russian]
7. Degtyarev K., Kolpakidi A. *Vneshnyaya razvedka SSSR* [Foreign intelligence of the USSR]. Moscow: Eksmo, 2009, 736 p. [In Russian]
8. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 201. [In Russian]
9. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 232. [In Russian]
10. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 217. [In Russian]
11. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 237. [In Russian]
12. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 241. [In Russian]
13. Zolotarev V. P. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 1993, no 4, pp. 334–345. [In Russian]
14. Gordon A. V. *Istoriya* [History]. 2014, vol. 5, iss. 9 (32). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1> (accessed Sept. 25, 2018). [In Russian]
15. *Arkhiv UFSB RF po Krasnoyarskomu krayu* [The Archive of the Federal Security Service of Russia in Krasnoyarsk region]. F. 7. D. P4529. L. 273. [In Russian]

Золотарев Василий Павлович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России и зарубежных
стран, Институт истории и права,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина
(Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский
проспект, 55)

E-mail: oleg-zolotarev@mail.ru

Zolotarev Vasilii Pavlovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of the history of Russia and
foreign countries, the Institute of History
and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University (55 Oktyabrsky avenue,
Syktyvkar, Russia)

Кутузова Анастасия Александровна

аспирант, Институт истории и права,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина
(Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский
проспект, 55)

E-mail: azzazell-x@mail.ru

Kutuzova Anastasiya Aleksandrovna

Postgraduate student, the Institute of History
and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University (55 Oktyabrsky avenue,
Syktyvkar, Russia)

Образец цитирования:

Золотарев, В. П. Профессор Я. М. Захер: 15 красслаговских лет (по архивным источникам) / В. П. Золотарев, А. А. Кутузова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 103–109. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-10.

DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-11

В. Ю. Карнишин

НОВЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

V. Yu. Karnishin

A NEW APPROACH IN THE HISTORIOGRAPHIC TRADITION

Стрекалов, И. Н. Народная тайна русской революции. Советы. 1905–1917 гг. / И. Н. Стрекалов. – Москва : Родина, 2020. – 478 с.

Историографические аспекты изучения феномена Советов отражают особенности общественно-политического развития России в минувшем столетии при воздействии установок официальной идеологии, отражением которых стал вывод об этом уникальном явлении как форме диктатуры пролетариата. Между тем многие проблемы, связанные с уяснением взаимоотношений представителей различных политических сил в деятельности Советов, их восприятием в массовом сознании, осмыслением значения этого института в контексте противоречий исторического пути, пройденного Россией, и поныне остаются вне должного внимания. Монография кандидата исторических наук И. Н. Стрекалова, изданная на основе его диссертационного исследования, а также наработок последних лет [1–5], по мнению автора рецензии, заслуживает пристального внимания.

Речь идет, по мнению автора статьи, о том, что в книге предпринята попытка не только «многограннее изучить корни революционных событий 1907 г.» (с. 446), но и вновь вернуться к важной проблеме – осмыслить эволюцию Советов в контексте поисков модели государственности, столь ярко проявившихся в начале XX в.

И. Н. Стрекалов структурировал, бесспорно, существенный материал в трех главах: «Советы – органы народной власти в Первой русской революции 1905–1907 гг.»; «Вопрос о Советах в общественном сознании России и попытки их возрождения в послереволюционные годы (3 июня 1907 – 19 июля 1914 г.)», «Попытки возрождения Советов в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Февральская революция 1917 г. и создание Петроградского совета».

Отметим, что исследовательские задачи решались на основе изучения солидной источниковой базы. В научный оборот введены архивные материа-

© Карнишин В. Ю., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

слы государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, архива Гуверовского института войны, революции и мира. Привлечены материалы газетно-журнальной периодики, сборники документов, мемуаристика. В историографическом обзоре автор отмечает тенденции изучения Советов. Показаны различные толкования их роли в общественно-политической жизни при выводе о том, что они претендовали на статус органов народной власти (с. 28). Всплеск интереса к изучению Советов в 1920-х гг., как известно, сменился сокращением количества исследований во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. Юбилей революции 1905–1907 гг. дал стимул для публикации документальных сборников и многочисленных статей и монографий как в общероссийском, так и региональных диапазонах. Думается, автор прав, констатируя недостаточное внимание исследователей к изучению восприятия Советов представителями других политических партий, прежде всего Партией социалистов-революционеров (ПСР). Вместе с тем обращение к изучению деятельности структур ПСР на локальном уровне позволило бы расширить диапазон изучения проблемы [6, 7].

Постсоветский период отмечен автором как этап, для которого характерно то, что появлявшиеся исследования «скорее дополняют существующие представления, нежели дают основу для концептуально новых суждений» (с. 39). Отмеченные в монографии интерпретации феномена Советов современными исследователями остались лишь констатацией (с. 38, 39), без высказанного автором своего отношения к этим суждениям. Рассмотренные И. Н. Стрекаловым историографические тенденции стали основой для сформулированной задачи – комплексно проследить идею Советов от Первой русской до Февральской революции (с. 43).

Автор рассматривает движение Советов в 1905 г. в контексте изучения «моделей их поведения как органов власти народа» (с. 45). По его мнению, подобные модели предполагают уяснение их роли как органов стачечного и забастовочного движения (Иваново-Вознесенск); «второго правительства» столицы России; органов вооруженного восстания (Москва, ряд городов Европейской части страны); альтернатива официальной власти (Сибирь, Украина, Кавказ). В отечественной историографии традиционным становилось внимание к исследованию деятельности первого Совета – в Иваново-Вознесенске [8, 9], что не могло не вызвать отклика автора.

Справедлив интерес И. Н. Стрекалова к выяснению обстоятельств возникновения и работы столичного Совета рабочих депутатов в течение 13 октября – 3 декабря 1905 г. И. Н. Стрекалов, изучив различные источники, приходит к ряду наблюдений. Во-первых, выясняется нерешительность позиции представителей властных структур, поскольку Советы, поддерживаемые горожанами, вначале не находились в жесткой конфронтации с властями.

Во-вторых, понимание роли Советов современниками показано автором посредством обращения к публицистике В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. С. Суворина, П. Б. Струве. Выясняется, что глава Совета, присяжный поверенный Г. С. Хрусталеv-Носарь рассматривал свою структуру как общественную организацию, деятельность которой была вполне легитимной с уче-

том дарованных Николаем II гражданских свобод Манифестом 17 октября (с. 65). Властям была противопоставлена равнозначная сила (с. 62, 63) – П. Б. Струве, который отличался прозорливостью и апатичностью, усматривал в деятельности столичного Совета «ужасное безвластие русской революции», а его претензии на власть оценивались им весьма иронично. Эти суждения вызывали известное неприятие В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, отстаивавших народный характер деятельности Советов, которые должны были функционировать прежде всего как боевые органы вооруженного восстания в связи с революционной ситуацией (с. 61). Автор, признавая наличие тактических просчетов в отношениях с властями, убедительно отмечает, что столичный Совет все же проявлял колебания между отстаиванием интересов рабочих в виде забастовок и идеей вооруженного восстания (с. 81).

Правомерно внимание к вопросу о месте Московского совета в условиях радикализации массовых настроений. Небезынтересно, что он принял на себя ряд компетенций городских властей (транспортные и продовольственные вопросы), что признавалось и местными консерваторами (с. 92).

Рассматривая «географию» распространения Советов в России, И. Н. Стрекалов указывает, что динамика развития политического движения в отдаленных частях империи отражала прежде всего слабость местных властей перед нарастанием радикализации. Помимо этого обстоятельства свою роль играло и отсутствие войск, призванных пресечь активизацию деятельности Красноярской и Читинской республик. Советы рассматриваются И. Н. Стрекаловым как «ключевой элемент нарождавшегося гражданского общества» (с. 111, 112). Очевидно, изучение взаимоотношений представителей политических партий в Советах могло бы способствовать выяснению обстоятельств эволюции Советов в течение 1905 г., общих и отличительных позиций в условиях политизации и радикализации, свойственных первому году революции.

Обсуждение роли Советов как нового явления общественно-политической жизни в 1906 г., по мнению автора, показывает, что в массовом сознании они представлялись именно органами народной власти (с. 145). Безусловно, без понимания этого обстоятельства нельзя объективно оценить содержание перемен в судьбоносном 1917 г.

Новаторским представляется авторский подход к осмыслению роли Советов в общественном сознании в реалиях третьеиюньской системы. Извлеченные документы из фонда 102 ГАРФ свидетельствуют о том, что уже в 1913 г. полиция обратилась к выяснению обстоятельств деятельности столичного Совета в 1905 г. (с. 148–150). При этом понимание Советов представителями властных структур фокусируется исключительно как последствия революционного хаоса (с. 152).

Заполнение лакун в осмыслении феномена Советов анархо-синдикалистами связано с изучением автором материалов издававшейся в США газеты «Голос труда». Идеальная конструкция рабочей организации у анархо-синдикалистов совмещала опыт профсоюзов и Советов. Дистанцируясь от воздействия какой-либо политической партии, на страницах «Голоса труда» указывалось на значимость самостоятельности, необязательности указаний других организаций, ротации избранных в Советы уполномоченных, принятия в Со-

веты лиц, вне зависимости от пола, национальности, квалификации, политических убеждений (с. 165).

Автор большое внимание уделяет дискуссии о роли столичного Совета в связи с изданием книги А. Морского (В. И. Штейна), посвященной событиям в Санкт-Петербурге в конце 1905 г. [10]. Это было связано с полемикой в кругах столичной общественности о контактах С. Ю. Витте с Советом рабочих депутатов. Небезынтересно, что спустя шесть лет гость публицистов по-прежнему оценивал Совет как новое явление в политической жизни, своего рода индикатор политической зрелости радикальных рабочих. Это обстоятельство приобретало особый смысл в условиях нарастания рабочего движения накануне Первой мировой войны. Надежды на использование Советской модели не оставляли представители различных течений российского революционного радикализма.

И. Н. Стрекалов справедливо отмечает особенности полемики вокруг трактовки роли Совета его председателем – Г. С. Хрустальевым-Носарем. Его утверждения о том, что в формировании столичного Совета не принимали участие социал-демократы, встретило эмоциональную отповедь Л. Д. Троцкого (с. 208–210). Заслуживает внимание рассмотрение автором обстоятельств деятельности Совета рабочих депутатов Петербургского комитета Партии социалистов-революционеров в 1913–1914 гг. Невзирая на локальный характер деятельности Совета, важно отметить, что он должен был занять значимое место в попытках эсеров ускорить радикализацию в рабочей среде (с. 301).

Обильный архивный материал, мобилизованный И. Н. Стрекаловым, позволил воссоздать малоизвестные сюжеты о попытках возрождения советской модели в армейских частях и флотских экипажах. Социал-демократы и эсеры предпринимали последовательные и упорные попытки создавать революционные организации. Агентурные сведения о планах конструирования гарнизонных и полковых комитетов свидетельствуют о понимании в правоохранительных структурах назревавшей опасности политизации нижних чинов и младшего офицерства.

Примечательно, что приобретенный опыт был в должной степени использован в событиях февраля-марта 1917 г. Как справедливо отмечает И. Н. Стрекалов, вопрос о создании Советов подспудно становился все более актуальным в условиях роста непопулярности войны и усугубления кризисных явлений.

Монография не «закрывает» научную проблему, связанную с осмыслением противоречий на путях к поиску оптимальной модели российской государственности. Представляется, что на страницах книги было возможно рассмотрение вопроса о влиянии общинного самосознания на деятельность Советов. Насколько были совместимы радикальные установки активистов революционного движения и ценности гражданского общества? Поиски ответов на эти и возникающие в дискуссионном поле вопросы могут способствовать пониманию перспектив демократии на различных этапах исторического пути развития нашей страны.

Библиографический список

1. **Strekalov, I. N.** The old government collapses – the new is born...: Dmitry Sverchkov's literary works on the st. Petersburg's soviet of workers' deputies of 1905 / I. N. Strekalov // Slavica Litteraria. – 2019. – Vol. 2. – P. 81–97.

2. **Стрекалов, И. Н.** Граф С. Ю. Витте против идеи Советов: Общественный спор вокруг брошюры «Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря» А. Морского (В. И. Штейна) / И. Н. Стрекалов // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 1. – С. 134–150.
3. **Стрекалов, И. Н.** Спасти его жизнь, помня его прошлую деятельность. Письмо петербургским рабочим о поддержке председателя Петербургского совета 1905 г. Г. С. Хрусталева-Носаря / И. Н. Стрекалов // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1150–1160.
4. **Стрекалов, И. Н.** Г. С. Хрусталева-Носарь в 1905 г.: к предыстории создания Петербургского Совета рабочих депутатов / И. Н. Стрекалов // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. – 2019. – № 1. – С. 54–74.
5. **Стрекалов, И. Н.** Троцкий – Хрусталева-Носарь: спор не на жизнь, а на смерть / И. Н. Стрекалов // Родина. – 2020. – № 1. – С. 104–107.
6. **Медведев, А. В.** Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923) : монография / А. В. Медведев, А. А. Слепченкова. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2012. – 256 с.
7. **Юрьев, А. И.** Тульская организация партии социалистов-революционеров (1917–1923 гг.) : монография / А. И. Юрьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : МПГУ, 2017. – 112 с.
8. **Балуков, В. А.** Депутаты первого совета / В. А. Балуков, Л. В. Левкович, Л. Д. Солоницына, В. П. Терентьев. – Москва : Советская Россия, 1980. – 296 с.
9. **Титова, В. И.** Советы в России: К истории возникновения. Первая русская революция 1905–1907 гг.: Исторический опыт разрешения общественного кризиса и современность // Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой русской революции (14–15 ноября 2005 г.) : в 2 ч. / В. И. Титова. – Ульяновск, 2005. – Ч. 2. – С. 65–75.
10. **Морской, А.** Исход российской революции 1905 г. и правительство Носаря / А. Морской. – Санкт-Петербург, 1911. – 128 с.

References

1. Strekalov I. N. *Slavica Litteraria*. 2019, vol. 2, pp. 81–97. [In Russian]
2. Strekalov I. N. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: research]. 2019, no. 1, pp. 134–150. [In Russian]
3. Strekalov I. N. *Vestnik arkhivista* [Archive keeper's bulletin]. 2019, no. 4, pp. 1150–1160. [In Russian]
4. Strekalov I. N. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8, History]. 2019, no. 1, pp. 54–74. [In Russian]
5. Strekalov I. N. *Rodina* [The Motherland]. 2020, no. 1, pp. 104–107. [In Russian]
6. Medvedev A. V., Slepchenkova A. A. *Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v Nizhegorodskom krae (1895–1923): monografiya* [The socialist revolutionary party in Nizhny Novgorod (1895–1923): monograph]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo, 2012, 256 p. [In Russian]
7. Yur'ev A. I. *Tul'skaya organizatsiya partii sotsialistov-revoljutsionerov (1917–1923 gg.): monografiya* [Organizing the socialist revolutionary party in Tula (1917–1923): monograph]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: MPGU, 2017, 112 p. [In Russian]
8. Balukov V. A., Levkovich L. V., Solonitsyna L. D., Terent'ev V. P. *Deputaty pervogo soveta* [Deputies of the first council]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1980, 296 p. [In Russian]
9. Titova V. I. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervoy russkoy revolyutsii (14–15 noyabrya 2005 g.): v 2 ch.* [Proceedings of a scientific and practical conference devoted to the 100th anniversary of the First Russian Revo-

lution (November 14th–15th, 2005): in 2 parts]. Ulyanovsk, 2005, part 2, pp. 65–75. [In Russian]

10. Morskoy A. *Iskhod rossiyskoy revolyutsii 1905 g. i pravitel'stvo Nosarya* [The result of the Russian Revolution of 1905 and Nosar's government]. Saint-Petersburg, 1911, 128 p. [In Russian]

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of Russian
history, state and law, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Образец цитирования:

Карнишин, В. Ю. Новый подход в историографической традиции / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 110–115. – Рец. на кн.: Стрекалов, И. Н. Народная тайна русской революции. Советы. 1905–1917 гг. / И. Н. Стрекалов. – Москва : Родина, 2020. – 478 с. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-11.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.